

*И слышу плеск широких крыл
Над гладью голубой.
Не знаю, кто окно раскрыл
В темнице гробовой.*

Анна Ахматова

АЛЬМАНАХ

КРЫЛЬЯ

Взмах пятнадцатый

Луганск
Пресс-экспресс
2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6
К 85

Крылья: Взмах пятнадцатый. Литературно-художественный альманах. – Луганск.: ПРЕСС-ЭКСПРЕСС, 2021. – 268 с.

Издаётся с сентября 2006 года
Издание Союза писателей
Луганской Народной Республики

Главный редактор – Лариса Черниенко
Зам. главного редактора – Андрей Чернов

Редколлегия:
Валерий Богословский, Ирина Зайцева, Елена Настоящая,
Сергей Прасолов, Наталья Романова, Светлана Сеничкина.

Электронный адрес редколлегии:
krylya_almanah@mail.ru

Мнение редколлегии может не совпадать с мнением
авторов отдельных материалов.
За достоверность предоставленной информации
несут ответственность авторы публикаций.

В 15-м номере альманаха «Крылья» представлены поэзия, проза, драматургия, публицистика, литературная критика современных авторов из ЛНР, ДНР, России, Белоруссии, Сербии, Греции, Германии. Альманах адресован широкому кругу читателей.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья! Вот уже 15 лет альманах «Крылья» знакомит вас с писателями Донбасса, и уже известными, и только начинающими свой творческий путь, авторами из России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

В нашем альманахе представлены произведения различных родов и жанров: поэзия, проза, драматургия, публицистика, критика, литературоведение, философские исследования, мемуары. Задача издания – показать читателям, как развивается современная художественная литература и связанные с ней гуманитарные науки, потому что именно в этой сфере отражаются духовное состояние общества, настроения людей разных возрастов, профессий и жизненного опыта.

Тематика материалов широка и многообразна. Это – преломление в сюжетах произведений исторических фактов, современных проблем, фантастических идей. Думаем, что каждый читатель найдет здесь то, что интересно и близко ему. Приятного и полезного чтения! Ждем ваших отзывов о 15 полете «Крыльев»!

ПОЭЗИЯ

Юнна Мориц

Поэт и переводчица, сценарист, публицист. Родилась 2 июня 1937 г. в Киеве. Окончила Литинститут им. А.М. Горького. Автор нескольких десятков книг поэзии и прозы, сборников для детей, а также переводов с различных языков. Награждена Орденом Почёта, премиями «Золотая роза», «Триумф», им. А.Д. Сахарова, им. А.А. Дельвига, премией Правительства Российской Федерации, дважды лауреат премии «Книга года» (2005, 2008). Живёт в Москве.

* * *

Поэзии бессмертное кино,
Оно – Гомер, где мифы древнегреков –
События живые всех веков,
Сейчасных и грядущих человеков,
Иносказательных богов со всех боков,
Друзей, врагов, героев, умных, дураков,
Злодеев, жуликов, уродов, чародеев, –
Чудовищ и сокровищ там полно,
Где жив Гомер, затеяв и содеяв
Такой поэзии бессмертное кино –
Иносказания событий, чьи повторы
Побед и поражений, казней, козней
Заполнили всемирные просторы,
Повторы ранней бытности, как поздней:
Всё те же битвы, клятвы и раздоры!

Поэзия – Гомер, где узнаванья свет
Включается внезапным озареньем
И оставляет негасимый след, –
Ничем такое зренье не заменим,
Оно сопровождается затмением
И пеньем!.. Пел Гомер, и был он слеп.
Его кормил народ – вино и хлеб,

Оливки, с мёдом греческие сласти.
Гомер творил огромные поэмы,
Не зная меры, у него – манеры,
Превосходящие терпения размеры:
Сегодня бы ему сказали власти
Литературно-политической богемы,
Что вся его поэтика, тематика –
Клинический диагноз маразматика!

Гомер, конечно, идиот со всех сторон,
Где – Шнур, Ордуша и Оксимирон.
А Пушкин в двести раз рифмует хуже,
Чем стрекозёл из русофобской лужи.
Гомер и Пушкин – самое оно,
Поэзии бессмертное кино.

* * *

Человек смиряется с кошмаром,
Он раздавлен собственным бессильем,
Был когда-то новым, стал он старым,
На чердак к своим не ходит крыльям,
Смотрит в землю, всей душой боится
Поскользнуться, поломаться, в тягость
Быть родным, и гнётся он, как спица,
И шуршит ногами, как бумагость.

Но когда весеннею рекою
Он плывёт на катере в больничку,
Растирая робкою рукою
Сердца замерзающую птичку,
Вдруг он распрямляется при свете
Жизни, затаённой, не пропащей,
Новым, новым становясь, как дети
В этой жизни, плачущей, кричащей.

Вот он сходит с катера на берег,
Вот он смотрит в небо, в небо, в небо,
Вот он, ртом хватая воздух, верит,

Что новее никогда он не был,
Сила, сила новая струится,
Колокол раскачивает тело.
Ничего он больше не боится, –
Смерти нет, была и улетела.

* * *

Я видела солнце сквозь нежный стручок
Молодого горошка,
Где света небесного чайная ложка
Поила зрачок.

Мне было пять лет, и смотреть на просвет
Всё подряд – наслажденье!..
В пять лет на просвет я читала растенье
И каждый предмет.

Я видела солнце сквозь яблони тень
И сквозь яблока звонкость, –
Небесным зрачком обладает ребёнкость
И в пасмурный день.

Прозрачно, просветно, сдувая мрачок,
Моя вьётся дорожка,
Где света небесного чайная ложка
Поила зрачок.

АЛГОРИТМ

Америка, Британия, Германия,
Военный опыт их необычаен.
Что вижу в историческом тумане я?
Великие у них завоевания:
Начнут войну, а мы её кончаем!..

Наш героизм, конечно, отвратителен,
Когда воюют с нами – он отчаян,
Он дик и беспощаден к поглотителям,
Чей героизма дух необычаен:
Начнут войну, а мы её кончаем!

Но если мы распахнуты дурачки
И океан доверья излучаем, –
Нам тут как тут подбрасывают цапки,
Которые, срабатывая адски,
Начнут войну, а мы её кончаем!

Всё повторяется и обростаёт баснями
О том, что всех мы очень огорчаем,
Что всех на свете мы ужаснее, опаснее!..
Мы огорчаем всех, кто нас прекраснее:
Начнут войну, а мы её кончаем!

ЛЕНТА МОМЕНТА

Хакеры, пранкеры, бункеры, танкеры,
Рейдеры, грейдеры, брокеры, джокеры,
Квакеры, докеры, покеры, маклеры,
Лидеры, шулеры, фраеры, фюреры,
Шкиперы, канцлеры, трипперы, снайперы,
Бисеры, глассеры, спонсоры, спринтеры,
Сфинктеры, гангстеры, мистеры, кластеры,
Клейстеры, пасторы, скутеры, ящеры,
Титры, арбитры, пюпитры, палитры,
Аресты, оркестры, регистры, семестры,
Монстры, магистры, министры, канистры,
Плентусы, свинтусы, кактусы, бонусы,
Тонусы, примусы, конусы, минусы, –

В этой поточности, сильной по точности,
Прочности, сочности, звучности, значности, –
Лента момента, язык документа,
Ассортимента, где линия фронта
Проходит по шляпе, она не прошляпила

Нобеля мира, славу, наживу,
Прошляпав державу и линию фронта,
Проходит которая – прямо по шляпе,
Прошляпавшей всё, как ворона Крылова, –
От лести, которая лезла из пасти
Лисицы, сплетающей лестницу лести!
Плентусы, свинтусы, кактусы, бонусы,
Монстры, магистры, министры, канистры...

* * *

«Отелло», «Гамлета», «Ромео и Джульетту»
Сыграть комически, чтоб хохотать до слёз, –
Да запросто!.. Пора призвать к ответу
И высмеять трагедию всерьёз!

Нет ничего комичнее страданий,
Где слово каждое теперь звучит смешно
И трупы бегают комических созданий –
Из труппы комиков, что в морге пьют вино.

Сыграть навыворот шекспировские страсти,
Его трагедий смехотворные дела
Скомедить публике в хохочущие пасти,
В без остановки ржущие тела, –

Раз плюнуть!.. Все трагедии годятся
Для хохота, насмешки!.. Нет преград:
Перелицовка трагика в паяца –
Проблема только денежных затрат,

Не более того!.. Источник денег –
Билеты, чья заоблачна цена,
Которую заплатит современник,
Свои прохотавший времена.

АНТИЧНАЯ КАРТИНА

Славно жить в Гиперборее,
Где родился Аполлон,
Там в лесу гуляют феи,
Дует ветер аквилон.

Спит на шее у коровы
Колокольчик тишины,
Нити мыслей так суровы,
Так незримы, так нежны.

Толстоногую пастушку
Уложил в траву Сатир.
Как ребёнок погремушку,
Он за грудь её схватил.

А в груди гремит осколок
Тёмно-красного стекла.
А вблизи дымит посёлок,
Ест телёнка из котла.

Земляничная рассада
У Сатира в бороде,
И в глазах не видно взгляда,
Он – никто, и он – нигде.

Он извилистой рукою
Раздвигает юбок стружки,
Пустотою плутовскою
Развлекая плоть пастушки.

А она пылает чудно
Телом, выполненным складно.
Всё творится обоюдно, –
То им жарко, то прохладно.

А корова золотая
Разрывает паутину,
Колокольчиком болтая,
Чтоб озвучить всю картину.

* * *

Голубь летит, голубь летит – белый.
Черный за ним ястреб летит в гневе.
Мама, спаси, чудо со мной сделай, сделай –
Сделай меня каплей дождя в небе!

Эта война – страшно длинна, страшно!
С пульей в груди – больно бежать, больно!
Мне никогда в жизни не стать старше,
Если сейчас ветром не стать вольным.

Наши придут, звезды зажгут наши,
Вспомнят меня, песни споют наши.
Мама, спаси, чудо со мной сделай, сделай
Сделай меня вербой в лесу белой!

Мама, прощай, в левом крыле – рана!
Завтра в лесу солнце взойдет рано...
Наши придут, звезды зажгут наши,
Вспомнят меня, песни споют наши.

* * *

Вам хочется лирики чистой?
Лирика – в том аду,
Где мчатся за мной фашисты
В сорок первом году.

Чистая лирика – пламя:
Поезд горит, меня
Лирики чистой знамя
Вынесло из огня,

Выбросило на воздух
Спасая, как всех детей, –
Лирика – небо в звёздах
И перелом костей!

Госпиталь был военный,
Там гипсовали нас,
Лезла игла за веной,
Лирика – соль из глаз.

Звёздная соль в небосклоне,
Плавал в лампаде огонь.
Величие было в иконе
Величиной с ладонь.

Шли поезда за окнами,
В госпитале стонали,
Шла седина волокнами, –
Это война, каналья!

Парни стонали, воины,
Лирика – стон, молитва,
Стон и молитва встроены
В лирику, вглубь, где битва.

Водки давали много –
Вместо анестезии.
Госпиталь верит в Бога
На всех языках России.

Откуда лампы пламя?
Откуда ладонь иконки?
Луна – как лампада в храме,
Иконка – у медсестрѐнки.

Там не было власти выше,
Чем гнойная хирургия.
Лампада сияла в нише,
Где силы небес благие!

Гноем там пахло, йодом,
Ранами, спиртом, болью,
Господом, небосводом, –
К жизни стонать любовью!

Лирики хочется вам,
Чистой?.. Но в чистой силе
Лирика – этот храм
На всех языках России.

* * *

Дышать любовью, пить её, как воздух,
Который с нашей кончится судьбой,
Дышать, как тайной дышит небо в звёздах,
Листва, трава... как я дышу тобой.

Как дышит шар, где ангелы и птицы
Летают над планетой голубой, –
Дышать любовью – и развоплотиться
В том воздухе... Как я дышу тобой.

Как дышат мгла и мглупости поэства,
Поющего дыхательной трубой, –
Дышать любовью, фейской речью детства
В том воздухе... Как я дышу тобой.

Как дышит снег, в окно моё летящий
На белый лист, вослед карандашу, –
Дышать любовью – глубже, глубже, чаще,
До самых слёз... как я тобой дышу.

* * *

«Война уже идёт. Не с сербами. А с нами», –
Я написала в дни бомбёжек, в том году,
Когда летели бомбовозы небесами
Над Сербией, пылающей в аду, –
И это зверство запад всеми голосами
Приветствовал!.. И запада глазами
На это зверство глядя, в том ряду
Была плеяда выдающихся имён
России, где кипел горбельцинский бульон!

«Война уже идёт. Не с сербами. А с нами», –
Моя строка из той поэмы!.. За неё
Меня травила свора бешеными псами, –
Всей соросятни грантососное враньё,
Чей вклад огромный в истребленье Совести
Вознаграждён баблом бандитским, орденами
Всех степеней, за все заслуги густопсовости!
Однако, классика любой сегодня новости –
Война уже идёт. Не с сербами. А с нами.

В России, где кипел горбельцинский бульон,
Прочла я Чувством Бога всех времён,
Корнями всеми, всей России небесами:
«Война уже идёт. Не с сербами. А с нами», –
Моя строка из той поэмы!.. За неё
Меня травила свора бешеными псами, –
Всей соросятни грантососное враньё!
Но страшной силой обладает Совесть,
Её не обглодает густопсовость.

* * *

Не знает только идиот, дегенерат:
Душа отсутствует в нацизме, в русофобщине,
В американщине отсутствует, в европщине,
В их зверствах, в бомбах «С Пасхой!» – на Белград,

В их гегемонщине отсутствует душа,
Души кастрация – условие успеха,
Где издевательство над трупом – праздник смеха:
Души кастрация – вот этим хороша!

Администрация отсутствия души, –
За демонстрацию отсутствия души
Сегодня платит западная касса
Убийцам, где жива Душа Донбасса –
В отличие от кровожадной вши,

Чья русофобщина – кастрация души!
Душа отсутствует в нацизме, в русофобщине,
В американщине отсутствует, в европщине,
Где гегемонство русофобской вши!

Не знает только идиот, дегенерат:
Душа отсутствует в нацизме – в людоедстве,
Душа присутствует в моём великом детстве,
Душа присутствует в стране, где Сталинград,
Громящий зверского бездушия разврат!

Алексей Полубота

Поэт, прозаик, публицист. Родился в 1975 году в Мурманске. В 2000 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького. В этом же году принят в Союз писателей России. С 2019 года секретарь правления Союза писателей России. Лауреат литературной премии губернатора Мурманской области имени К.И. Баёва и А.В. Подстаницкого (2001), литературно-художественной премии имени Дмитрия Кедрина «Зодчий» (2017), Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» в номинации «Большая премия» (2019), победитель ряда международных и всероссийских литературных конкурсов. Награждён медалью имени Михаила Шолохова Союза писателей России. Автор трёх поэтических сборников. Стихи и проза публиковались в десятках общероссийских, региональных и зарубежных изданий, переводились на сербский, якутский, немецкий и английский языки. Организатор ряда литературно-гуманитарных акций в поддержку русского Донбасса. Отец троих детей. Живёт в подмосковном Реутове.

* * *

О, затяжная хмурая весна
Там, где без солнца прорастают листья!
Роняет капли зябкие сосна
На озеро, мерцающее мглисто.

Здесь понимаешь, что такое Русь.
Та, что в корнях до времени таится.
И шепчешь на прощанье: «Я вернусь,
Как возвращаются к своим истокам птицы».

* * *

Холодным солнцем ослеплённый,
Мир погружается во тьму.
Стена берёз, как побелённый
Храм, близкий сердцу моему.

Пожухлые склонились травы
И лёд в разбитых колеях.
В глуши космической державы
Таится неизжитый крах.

Иду один в огромном поле
И только дальний лай собак.
В предзимьем дышащем просторе
Отогревает сизый мрак.

* * *

Виктору Ивановичу Рыбалко

Закат осенний пламенеет,
И страшно на него смотреть.
Как будто в чёрных тучах зреет
Всепоглощающая смерть.

Мерцающая тусклой позолотой,
Покорно гаснут купола.
И в этот миг навек кого-то
Надмирная объяла мгла.

И только колокол сквозь ветер
Призывный голос подаёт:
«Мы не умрём, в Грядущем Свете
Душа прозренья обретёт».

* * *

Тенисто-таинственный остров,
где проблески солнца в траве.
И где затеряться так просто
в небесно-речной синеве.
Где в лето влюблённые дети
меня звонко папой зовут,
и где на особой примете
у Бога кувшинки цветут.

ИЗ ЦИКЛА «НА ЖГУЧИХ ПОЛЯХ НОВОРОССИИ»

1

Песня ополченца

Эта Горловка –
нож у горла мне,
Злая вязкая тишина.
Листьев шорохом,
дальним всполохом
будоражит мне кровь она.
Здесь от грохота
стены охали,
а на окнах здесь – всё кресты.
Но за окнами,
светлоокая,
верю, ждёшь меня верно – ты.
Нет, не умерло
в грозных сумерках
всё, что теплилось, как свеча...
Эта Горловка –
чаша горькая,
бьётся кровь в виски, горяча...

2

Обрыв

Ольге Блюминой

Мы стояли над обрывом,
а под ним плескалось море,
и сушил горячий ветер
наши губы и сердца.

Чтобы их смочить, мы пили
терпкий розовый напиток,
и смеялись наши губы,
и туманились глаза.

И казалось бесконечным
море жёлто-голубое,
и в сухих колючих травах
прятался от ветра зной.

И не верилось, что близко
в душном мареве ковыльном
в окровавленном окопе
кто-то жизнь кладёт за нас.

3

Война давно здесь стала горьким бытом.
Простым и страшным, как глаза собаки,
что потеряла навсегда хозяев,
но сторожит родное пепелище.

И как осколки, что хранят на память
родители счастливого ребёнка,
поскольку был он не убит, а ранен
вот этим раскуроченным железом.

Война вошла в подкорку поколенья,
младого племени, что ждало лучшей доли,
но раз уж так случилось, то любимых
ждут с фронта, как с рискованной работы.

Ночами жёны шепчут заклинанья:
«Война подохни, выживи, мой милый».

4

Холодны рубиновые звёзды,
Что мерцают в предрассветной мгле.
Где-то там, в дали кроваво-грозной
Вспоминают люди о Кремле.

Вспоминают в ледяных окопах
В дребезжащих окнами домах.
И растёт над Русским миром ропот:
«Царь торгует газом на костях».

Посреди зимы грохочут грозы,
Молнии разят людей в сердца...
Русский царь! Однажды станет поздно,
Есть предел страданиям без конца!

Нашим людям на войне нечестной
Остаётся честно умирать.
И опять в степи глухой, безвестной
Сыновей своих хоронить Мать.

Но однажды, верим мы, – взовётся
Над Россией Огнеликий стяг,
И в предсмертном вое содрогнётся
Нас терзавший беспощадный враг!

...Набухают свежей кровью стены,
Кремль встречает новую зарю.
А Василий щурится блаженно,
И пеняет хитрому царю.

Нани Сариду

Поэт, публицист, художник. Владеет пятью языками, пишет стихи на русском, греческом и турецком языках. Автор четырёх поэтических сборников. Лауреат поэтического конкурса «Поэты и прозаики Европы» в рамках 1-го Международного фестиваля им. А.С.Пушкина (Крым). Член ИСП и МГП с 2019 года, член МГО Союза писателей России с 2018 года. Живет в г. Александруполь (Греция).

НОЧЬ

Август, чиркнув
последнею спичкой,
погас,
Ночь, горчащая серой
печей и туманов,
мне на гуще кофейной
Парнас нагадай,
по насечкам пройдишь,
по нотации^{*} ранам!
Коробок отсыревший
со сбоями чакр
разблокируй, наполни
чириканием праны,
и верни мне, потерянной,
сладостный Рай,
с дерзновенностью искр
и пожаром желаний...

МОЯ ГРУЗИЯ

Старый дом по «Важа-Пшавела»
(номер восемь, квартира шесть),
робко смотришь сквозь зелень ели,
зарешеченный... Кто, ответь,

* *музыкальная нотация – система фиксации музыки с помощью письменных знаков*

заковал тебя, окаянный,
в сталь (хозяин иль ворог)?! Здесь
был когда-то оазис, пряный
симбиоз языков, сердец:
окна спальни раскрыты настежь,
через улицу – школьный двор
оживлялся на переменах,
а теперь не видать в упор
беззаботных мордашек детских,
у подъезда остался стол,
а скамейки вокруг, сиденья
для жильцов, чей-то сжѐг костѐр.
Мой Рустави, Важа-Пшавела,
номер восемь, квартира шесть...
«როგორ გამიშვი, საქართველო,
მიგატოვო?!», – молю, ответь!

Алексей Молодцов

Поэт, прозаик, литературовед. Член Союза писателей АНР.
Живёт в Луганске.

* * *

Теперь ты свободен, но путь
диковинно, парень, прямой –
стремится, как в столбике ртуть
и вряд ли приводит домой.

Сорняк и степняк, я привык
валандаться между трав
под ветром. Куда же язык
теперь доведет? Я не прав,

себе извиняя за то,
что даже в степи заплутал?
Но я понимаю кротов
и их землеройный запах.

Дорога ровна и бела:
недавно, наверно, чумаки
стегаля с прибауткой вола.
А может, проехал и танк.

Иду по прямой, как Орфей
в Аиде сквозь точный кошмар.
Моя голова, как портфель,
от слов уже лезет по швам.

Я лишь повторяю, когда
иду по прямой, а не вбок:
ни разу не прогадал
движением правящий бог.

* * *

Как майской порою, из рыхлой земли и из луж
я вылез наружу высоким стооком соццветьем:
какой маскарад! – и я недоволен столетьем,
да поздно филонить, раз ухватился за гуж.

Нас много, я знаю, мы сильно переплелись,
плечом налегаю – и есть нам куда колоситься.
Нам дождик весенний умоет похожие лица,
А ветер осенний сметет наши головы вниз.

Да будет роса удивленья светла и свежа,
а век наш короткий – на удивление щедр.
Мы только течем из корней, матерей и из недр,
чужие смертельной прямой и меча, и ружья.

* * *

И жизнь моя кругла, как вечный выходной,
пронзенная насквозь земли несущим стержнем.
Она оформилась, как шарик надувной.
Взять и проткнуть – что может быть небрежней?

Но явь висит, прикинувшись бельем,
ветрам амбиций подставляя тело,
и гнется до поры (на то она с умом).
Как только до сих пор не улетела?

И речка заросла, и тигель охладел,
и шарик не летит, отпущенный, а медлит:
от времени густого он так отяжелел,
что может грохнуться, как яблоко, на землю.

* * *

В широкой и ровной степи
на просторе простом и вмятном
на былинке на каждой – пыль.
Занесет – не придешь обратно.

О, наверно, тот тополь смел,
если стал без оглядки наземь,
если вытянуться посмел
над лежащими гордым князем.

И когда в нору лезет мышь,
и когда еще дремлет кочет,
и когда все лишь гладь та тишь –
он один склониться не хочет.

На него одного – весь вес,
как алмаз, твердолобой ночи.
Что пред тополем в поле – лес?
Ствол его, словно воля, прочен.

Олег Стельников

Поэт, публицист, прозаик. Член Союза писателей АНР.
Живёт в Луганске.

* * *

Прошлое безумно,
Будущее странно.
В зеркале безлунном
Спящего экрана –

Искры жёлтых окон,
Закопанный холод.
Комната – мой кокон.
Чёрный спящий город.

Снова в чуждой роли.
Как без крыльев птица!
Мне бы силы воли
Самую крупицу.

НЕ СПРАШИВАЯ ВСТРЕЧНЫХ О ДОРОГЕ

Не спрашивая встречных о дороге,
Не следуя проторенным путям,
Топчу конём вчерашние тревоги,
Лечу вперёд, а цель не знаю сам.

Я всадник на крылах степного ветра,
И нет цепей, чтоб ветер удержать.
Я рвусь сквозь дебри стихотворных метров
Лишь для того, чтоб снова вдаль бежать.

Я лучник, но в колчане дремлют стрелы,
И нет ничьих имён на их древках.
А ветер гонит в спину, за пределы,
И напрочь позабыто слово «страх».

Идеи для неначатых сказаний
Звенят, задетые копытами в траве,
И я миры сплетаю из мечтаний,
Летя вперёд в заграничной синеве.

SEMENAIDE, KESANAIDE, MAKENAIDE *

Не забывай. Не предавай. Не отступай.
Под сапогами вымокший песок.
Закрываются двери в нереальный рай,
А нас не пустят даже на порог.

Расходятся кругами по воде
Причины снов, источники тревог.
Сэмэнайдэ. Кэсанайдэ. Макэнайдэ.
Мы разные, как Запад и Восток.

Устало отражается экран
В спокойном взгляде голубее льдов –
Не смыть с души, хоть вылей океан,
Золу и пыль заморских городов.

Но если мы забыты здесь и там
И нас нигде не ждут на огонёк –
Не отступаюсь. Не потеряю. Не предам.
Ведь мы близки, как Запад и Восток.

* Яп. «Не уничтожай, не стирай, не обесценивай»; первая строка из опенинга аниме *Outlaw Star*.

ДРАМАТУРГИЯ

Вадим Комкин, Глеб Бобров

Глеб Бобров – прозаик, драматург, публицист. Родился в 1964 году в Красном Луче. Публикуется с 1995 года. Глава правления Союза писателей ЛНР. Автор нескольких книг прозы и публицистики. Живёт в Луганске.

Вадим Комкин – прозаик. Член Союза писателей России. Живёт и работает в Москве.

ИСХОД ГАРЕГИНА

Оригинальный сценарий

Идея Желько Пыржуль

ИЗ ЗТМ

НАТ. АВТОДОРОГА «МАРТАКЕРТ – ВАРДЕНИС» – ДЕНЬ

По извилистой дороге, со скоростью пешехода, движется бесконечная лента колонны: старенькие «Жигули», «Газели» и микроавтобусы вперемежку с дорогами иномарками, тракторами, грузовиками. Из незакрывающихся багажников машин торчит скарб. Почти на каждой машине на крыше багажник, забитый вещами и скрученными матрасами. По обочине движутся редкие пешеходы с тачками и груженными велосипедами.

На перекрестке стоит машина карабахского ополчения – пост. Четверо вооруженных ополченцев следят за колонной и пешеходами. Их СТАРШИЙ (30-35), внимательно осматривает проходящие мимо машины и что-то говорит в переговорное устройство.

К ним по обочине медленно приближается пожилая женщина на ГАЯНЭ (65-70) с большим фибровым чемоданом, привязанным к каталке. Она тяжело дышит и вытирает пот со лба.

НАТ. ИМПРОВИЗИРОВАННЫЙ БЛОК-ПОСТ ОПОЛЧЕНЦЕВ – ДЕНЬ

Старший, увидев женщину, приветливо улыбается. Подходит к ней, уважительно обнимает и целует в щеку – они

явно знакомы. Они о чём-то оживленно говорят. Женщина раздражена, – жестикულიруя крутит пальцем у виска, показывая рукой в противоположном направлении от направления движения колонны. Старший кивает на чемодан. Женщина возмущенно взбрасывает руки и отрицательно мотает головой. Какое-то время они препираются, к ним подходят остальные бойцы. Наконец она открывает крышку. Их обступают ополченцы и пораженно смотрят на содержимое. Старший идёт к дороге и останавливает старую «Буханку». Из УАЗика вылезает парень (25-30) в помятом камуфляже. Старший разговаривает с ним указывая рукой на женщину.

ИНТ. САЛОН «БУХАНКИ» – ДЕНЬ

Гаянэ садится в салон, ополченцы ставят рядом с ней на сидение её чемодан, а на пол – тележку. К ней подсаживается Старший с автоматом в руках. Женщина, придерживая чемодан, беззвучно плачет. Машина разворачивается и едет в обратном направлении.

НАТ. ДВОР СЕЛЬСКОГО ДОМА – ДЕНЬ

Во дворе сельского дома пожилой мужчина ПЕТРОС (70-75) выкапывает гранатовое дерево.

Возле дома останавливается «Буханка». Гаянэ остается в салоне. Старший выходит, идет к Петросу – они о чем-то говорят. Ополченец показывает рукой на машину. Дед отрицательно качает головой и продолжает копать.

Старший идет к автомобилю. Рядом курит водитель. Они разговаривают, водитель эмоционально жестикულიрует. Вдвоём подходят к деду о чём-то спрашивают. Тот показывает рукой на сарай. Ополченец закидывает автомат за спину и направляется к сараю. Приносит две лопаты. Уже втроем продолжают подкапывать дерево.

НАТ. ДВОР СЕЛЬСКОГО ДОМА – ВЕЧЕР

Парни и Петрос укладывают выкопанное дерево на крышу «Буханки». Дед отводит в сторону Старшего и ведёт за дом.

НАТ. ЗАГОН ДЛЯ СВИНЕЙ – ВЕЧЕР

Петрос утвердительно машет рукой, указывая на трёх годовалых поросят и, развернувшись, уходит. Ополченец,

пожав плечами, сбрасывает автомат и тремя одиночными выстрелами в голову поочередно убивает кабанчиков. Закуривает, смотрит в сторону гор.

НАТ. ДВОР СЕЛЬСКОГО ДОМА – ВЕЧЕР

Боец и водитель стоят у загруженной вещами машины.

Петрос выносит из дома большой плоский овал, укутанный белой простыней. При загрузке часть простыни спадает и видно старинное зеркало с резной, морёной рамой. Дед снова скрывается в доме и выходит оттуда с полупустой пластиковой бутылкой и веником. Остатками жидкости обливает веник, закидывает бутылку в дверной проем, поджигает веник и кидает пылающий факел на крыльцо. Дом вспыхивает.

НАТ. ДВОР СЕЛЬСКОГО ДОМА – ВЕЧЕР

Старший стоит во дворе пылающего дома и смотрит на отъезжающий УАЗик.

ИНТ. САЛОН АВТОМОБИЛЯ – ВЕЧЕР

На заднем сиденье «Буханки» сидят слева на право: Петрос, чемодан, Гаянэ.

В окнах видны горящие дома, остающиеся позади.

НАТ. СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ – ВЕЧЕР

Старое кладбище, видны разрытые могилы, доски вскрытых гробов и заваленные над могилами памятники. Полное запустение, ни души.

Камера, вдруг, останавливается и возвращается к одной могиле, раскрытому гробу и наезжает на накренившийся у насыпи памятник. На нем эмалированное фото молоденького паренька в военной форме и подпись: Герегин Петросович Айрапетян 19.11.1973 – 08.05.1992.

ИНТ. САЛОН АВТОМОБИЛЯ – НОЧЬ

Петрос, чемодан и Гаянэ тесно прижавшись сидят на диване. За окнами видна бесконечная движущаяся череда светящейся автоколонны.

ЗТМ

ПРОЗА

Дмитрий Игнатов

Российский писатель-фантаст. Родился 15 января 1986 г. в г. Ярославль. Автор сценариев для короткометражного фестивального кино. В настоящее время – дизайнер и веб-разработчик, пишет сценарии для кино, ТВ и рекламы. Автор романа в рассказах «Великий Атрактор», повести «Первыми сохнут хипстеры» и сатирического справочника «Это ваше FIDO». Проживает в г. Воронеж.

ДВА ИЕРОГЛИФА

Солнце почти опустилось за горизонт. Его медно красные лучи освещали невесомые облака, отражались и поблёскивали в неспешных водах Нила, а чуть дальше упирались в разлётшуюся на песках вытянутую чёрную тень – силуэт недостроенной пирамиды. Повеяло прохладой. Великий Фараон глубоко вдохнул вечерний воздух и жестом приказал двум полуобнажённым девушкам с опахалами оставить его.

Ещё некоторое время он сидел на своём богато украшенном прогулочном троне, наслаждаясь тишиной, а потом поднялся и сделал несколько шагов вперёд по вымощенной мрамором веранде, словно заметил вдали что-то и теперь хотел хорошо рассмотреть. Цепкий взгляд Великого Фараона скользил по берегу Нила, по далёкому силуэту пирамиды, по тускнеющему горизонту, а его сухие и обычно плотно сжатые губы постепенно преображались еле заметной улыбкой.

Сейчас он видел намного больше, чем способен простой смертный. Он видел будущее. Над пока ещё дикой рекой выросли величественные каскады плотин, от них с математической точностью и геометрической красотой тянулись сети ирригационных каналов, круглогодично насыщающих иссохшую почву живительной влагой. Свои места занимали крестьянские наделы, тенистые сады, вымощенные дорожки, храмы и, конечно, же статуи. Его храмы и статуи. Символы и результаты свершения его божественной воли... Она пре-

образует и сделает его царство самым прекрасным местом в мире. А, возможно, изменит и весь мир во веки веков.

Беликий Фараон взял папирус и принялся торопливо зарисовывать так внезапно возникший и уже ускользающий образ. Конечно, он ещё много раз всё поменяет и переделает, но тот результат, который он смог вообразить себе, ему уже нравился.

Он так увлёкся процессом, что не услышал, как своей кошачьей походкой к нему подошла Несравненная Нехйит.

– Мой Господин... – осторожно, не желая мешать мужу, проговорила она.

Фараон обернулся и по взволнованному лицу жены понял, что произошло нечто непредвиденное.

– Что случилось?

– Мой Господин, – повторила Нехйит, – Стража схватила чужеземца, бродягу в странной одежде. До этого люди говорят, что видели в пустыне зловещие огни.

– Зловещие огни? – переспросил Фараон, нахмурившись.

– Да. И чужеземец пришёл с той стороны. Это дурной знак, Господин. Возможно, там под покровом сумрака стоит вражеская армия, а это шпион, подосланный к нам, – она сделала паузу, желая успокоиться от своего волнения, – Он очень странный. При нём нашли много странных вещей...

– Странных вещей?

– Да! Я чувствую недоброе. Нам следует убить чужеземца.

– Нет, – решительно произнёс Фараон, – Для начала надо, по крайней мере, поговорить с ним. Пусть это даже вражеский шпион, но от живого пленника нам будет больше пользы, чем от мёртвого.

Фараон нежно взял жену за плечи и прижал к себе, чтобы она успокоилась.

– Распорядись, чтобы чужеземцу дали еды и посадили под замок. И пусть не болтают о его появлении. Утром, я посмотрю, что за странные предметы он принёс, – Фараон улыбнулся, – Может, это просто греческий торговец, отставший от своего каравана.

– Ваша мудрость сравнима только с Вашим спокойствием.

– Когда ты закончишь все этапы обучения, ты будешь обладать теми же свойствами, моя дорогая Нехйит. А теперь пора спать.

* * *

Солнце ярко било с открытой террасы и наполняло собой весь зал. Фараон и царица недавно закончили утреннюю трапезу и ожидали появления начальника дворцовой охраны. Скрупулёзно соблюдая все почести, он вошёл, держа в руке дорожную сумку, отнятую у чужестранца, ловя каждое движение своего Господина, оставил её на столе перед Фараоном и, сделав несколько шагов назад, безмолвно замер в преклоненной позе.

Это была простая, но искусно сшитая заплечная сумка. Фараон хорошо знал, что могут изготавливать его подданные, и это не была их работа. Значит, чужестранец действительно прибыл откуда-то издалека. Фараон чуть приподнял сумку над столом и осторожно высыпал содержимое на мраморную поверхность. Вещей было немного. Несколько золотых монет. Детально и красочно изготовленная карта местности на странном тонком папирусе, многократно сложенная в небольшой квадрат. Блестящая полупрозрачная табличка с непонятными символами. Круглая коробочка из серебристого металла, с испещрённым насечками кольцом внутри, в середине которого покачивалась какая-то заострённая пластинка. Массивный металлический предмет странной формы: толстый и широкий с одной стороны, покрытый пластинами из дерева или кости, а с другой вытянутый и завершающийся трубкой с отверстием.

– Безделушки! – покрутив каждый предмет в руках, заключил Фараон, а потом перевёл свой пронзительный взгляд на начальника стражи, – Что говорит чужеземец?

– Он плохо говорит на нашем языке, Господин, – ответил стражник, не поднимая глаз, – Или же просто не желает отвечать. Я хотел распорядиться пытать его, но Вы запретили действовать так, Господин...

– Я не забываю своих приказов.

– Простите меня за дерзость, Господин.

– Хорошо... – Фараон сделал паузу, задумавшись, – Приведите его сюда.

Голова начальника стражи склонилась в ещё более глубоком поклоне, и он поспешно вышел, а через некоторое вре-

мя двое солдат ввели в тронный зал чужеземца. Подведя и поставив пленника перед тронном, один из стражей хотел по привычке ударить его по ногам древком своего копья, дабы тот оказал Воплощённому Богу должное почтение, упав на колени, но Фараон жестом остановил солдата. А потом так же безмолвно приказал отойти страже чуть в сторону и пристально посмотрел на чужеземца.

Своим обликом и одеянием тот не походил на путешественников, которых приходилось видеть Фараону. Одежды чужеземца, однотонные и покрытые геометрическими узорами, состояли из разных частей, надетых одна поверх другой с множеством небольших застёжек. Лицо обладало тонкими чертами, а кожа была белой и чистой, как у представителя благородных жреческих родов.

Он неумело поклонился Фараону и посмотрел на него прямым взглядом, что само по себе уже было проявлением величайшей дерзости.

– Кто ты и куда идёшь? – холодно спросил Великий Фараон.

– Господин, – начал путешественник, с трудом подбирая и путая слова, – Меня зовут Абдулла аль-Хазред. Я шёл с караваном в Сирию. Но потерял в песках и товар и товарищей. Рискую умереть от голода и жажды, я в надежде на милость Великого Фараона вышел к твоему величественному дворцу. Благодарю тебя за милость и спасение.

– Тебе оказана куда большая честь, чем спасение твоей жизни. Ты удостоился возможности говорить со мной, – заметил Фараон и знаком приказал страже удалиться.

Несравненная Нехйит поняла, что сказанное в дальнейшем не будет предназначаться для ушей простых смертных.

– Я знаю сирийский, – проговорил Фараон, – Ты можешь произнести то же самое на своём родном языке.

Чужеземец повторил сказанное, и Нехйит заметила, что на лице её супруга появилась еле заметная улыбка:

– Да, ты владеешь сирийским лучше, чем египетским, но всё-таки это не твой родной язык, – он сделал паузу, поднялся и встал у края стола –И ты не похож на сирийского купца... Может, тогда хотя бы скажешь, что это за предметы, которые были найдены у тебя.

– Это диковинки, что я везу на продажу...

– Диковинки, – задумчиво повторил Фараон и провёл рукой над разложенными на столе вещами, – Вот, к примеру, что это за блестящая табличка?

– Не ведаю, Господин. Говорят, что амулет с начертанными пожеланиями здоровья и всех благ...

– Неужели? – усмехнулся Фараон и перешёл на язык, который Нехйит понимала лишь отчасти, – А я почему-то думал, что здесь написано «Лаборатория физики высоких энергий».

Чужестранец ошеломлённо посмотрел на Фараона, а тот резко взял со стола тяжёлый предмет странной формы и, сжав его в своей руке, направил концом с трубочкой прямо на незнакомца.

– На этой чёртовой ключ-карте моё имя. Это моя карта! И если ты сейчас не расскажешь мне убедительную историю о том, кто ты и зачем тут оказался, то вот эта «диковинка» проделает дырку в твоей башке!

– Ну, слава Богу, это вы... Я уж думал, что меня тут скорчат крокодилам.

– Это интересный вариант. Я его обдумаю. Спрашиваю ещё раз: кто ты и что здесь делаешь?

– Полегче! Полегче! Прошу, опустите пистолет. Я не представляю угрозы, – испуганно замахал руками путешественник, – В конце концов, я тоже учёный, практически ваш коллега, только не физик, а историк.

– Это не ответ на мой вопрос.

– Про эксперимент рассказал мне ваш напарник... Эндрю.

– Болтун..., – грустно проговорил Фараон.

– Да. И любитель выпить, к тому же, – заметил путешественник, – Не скрою, я был так воодушевлён его рассказом, что не смог устоять перед соблазном. И пока он был в отключке, вытащил у него из кармана ключ-карту. Он сам показал её мне минутой до этого! Я сразу отправился в вашу лабораторию. Дата уже была установлена на устройстве, мне оставалось только включить его... Увидеть своими глазами древний Египет было так заманчиво. Я даже не огнёсся к подготовке должным образом...

– В таком случае, коллега... – неторопливо произнёс Фараон, убирая револьвер за золотой пояс своего одеяния, – вы поступили, как полный идиот. Устройство перемещает во времени, но не перемещается само. Так что это дорога с односторонним движением. И вы застряли тут навсегда.

* * *

Набережная, вымощенная широкими белыми плитами, начиналась с нижней террасы дворца и шла прямо вдоль воды. Слева и справа от дорожки возвышались ряды пальмовых деревьев, на ступенчатых клумбах, выложенных всё тем же белым камнем, благоухали цветы. Через каждые 15-20 метров к воде спускалась лестница.

Фараон неторопливо ступал по плитам своими кожаными сандалиями, богато украшенными драгоценными камнями. Чужеземец шёл рядом, постоянно спрашивая что-то на неизвестном языке.

– Как историк, могу заявить, что вы выбрали очень интересную эпоху! Правление XIII династии одни считают периодом хаоса, другие временем стабильности... Имена фараонов не дошли до нас. Разве что два иероглифа, составляющих имя Великой Царицы Нехит.

Фараон оглянулся и нежно посмотрел на жену, следовавшую за ними чуть поодаль.

– Это мы скоро исправим. У меня довольно масштабные планы по переустройству этого места. Например, набережная, по которой мы идём, построена уже при моём правлении.

– Восхитительная работа с камнем! – похвалил историк, – Как вам это удалось?

– С камнем? – Фараон усмехнулся, – Это бетон.

– Бетон?

– Да. Известняк прекрасно растирается в медных ступках до состояния мелкой муки. Добавляя воду и другие компоненты для прочности, его доводят до нужной густоты и заливают в деревянные опалубки. На нашем солнце он моментально схватывается, а через несколько недель становится настолько твёрдым, что неотличим от монолита. Так можно делать кирпичи, строительные блоки, колонны или вот такие гладкие наливные поверхности. Это первая технология, которую я подарил этому народу.

– Потрясающе!

– Кстати, взгляните на ту сторону реки, – Фараон указал на силуэт недостроенной пирамиды, – Сейчас конструкция закончена примерно наполовину.

– Неужели тоже бетон?

– Разумеется. Сейчас там работает примерно 50 человек. И примерно через 5 месяцев они всё закончат.

– Так быстро?

– Они ставят опалубки для новых блоков непосредственно рядом с уже готовыми и просто заливают раствор. Так оказывается, что блоки словно подогнаны друг к другу и держатся без какого-либо цемента. Время расходуется только на приготовление новых порций раствора, пока предыдущие блоки затвердевают.

– А что происходит там? – историк указал туда, где ниже по течению, происходило какое-то человеческое движение.

– Более масштабный проект... Это строительство дамбы и прокладка оросительных каналов. Туда действительно брошено много сил, – Фараон задумался, – Лет через 10 мы планируем окончательно поставить под контроль разливы Нила, стабилизировать урожайность, чтобы, наконец, закрыть продовольственный вопрос, и, возможно, начать использовать энергию падающей воды.

– Только не говорите, что собираетесь построить электростанцию

– Вряд ли это случится при моей жизни, – рассмеялся Фараон, но водяные мельницы, бетономешалки, колёсные машины, черпающие плодородный ил со дна – это вполне осуществимо.

Он оперся на перила, изготовленные в форме изящных скрученных колонн, и задумчиво посмотрел на мутноватую воду реки, в которой весело искрилось солнце.

– Зачем вам всё это? Кажется, они уже считают вас живым богом.

– Мне нравится этот народ. Они целеустремлённы, трудолюбивы, они готовы идти на жертвы. До многого они дошли сами. То, что касается практических умений. Но они совершенно лишены научной культуры. Например, они превосходно подготавливают тело к мумификации, мастерски потрошат его, но, представьте только, даже не удосужились оформить свои анатомические наблюдения. Или тем более логически связать состояние внутренних органов с болезнями умершего. Им не хватает знаний и системы образования. Я даю им и то, и другое.

– Но зачем? – повторил свой вопрос путешественник, – Неужели ради простого развлечения?

– Конечно, нет. Чтобы поменять ход всей истории. Именно для этого я нахожусь здесь.

Историк хотел что-то ответить, но от неожиданности даже захлебнулся воздухом. Наконец, откашлявшись, он спросил:

– А что, собственно, вас не устраивает в нашей истории?

– А неужели вас в ней всё устраивает? Вы лучше меня знаете все те ужасные ошибки, которые успело совершить человечество за время своего существования. Войны, эпидемии, торжество невежества и жестокости... Всё это наша история! Мир людей стал слишком большим, но не стал более совершенным. Исправить, переделать его... Уже невозможно. Только создать заново.

– Не слишком ли трудная задача для одного человека?

– Ну, я же почти бог, – усмехнулся Фараон.

– Я имею в виду... Вы определённо очень образованный человек, разносторонний... Но вы не можете знать всего.

– Да. Именно поэтому я привёз с собой довольно большую библиотеку. Механика, физика, химия, астрономия, биология... Всё, конечно, реферативно, с тем самым практическим уклоном, чтобы знания можно было сразу применить. Я потратил почти год на подготовку всех распечаток.

– Распечаток? Не проще ли было взять с собой флешку?

Фараон расхохотался.

– На цифровой носитель, конечно, влезает больше, но какой от него прок здесь?

– Действительно... – замялся историк, – Я просто не подумал об этом. Кажется, мы настолько привыкли к современным технологиям, что уже не представляем, как обходиться без них.

– Бумага тоже не идеальное решение... При всём старании мои подданные не смогут освоить все привезённые мной знания достаточно быстро. Я умру, бумага истлеет... Именно поэтому я начал с бетона. Я оставаю после себя храмы и монументы, испещрённые текстами. И носителей языка, способных эти тексты читать. Это будет мой Завет, мои «Моисеевы скрижали», но только на этот раз Слово Божие будет намного полезнее. От подножия пирамид оно устремит новое человечество напрямик к звёздам!

– А что же произойдёт с тем человечеством, которое помним мы?

– Ничего. Оно исчезнет. Потому что никогда не появится.

* * *

Огненная колесница Ра скрылась на западе в царстве Сета. Нехйит уже знала, что это просто самая близкая к Земле звезда, что таких звёзд множество, что они просто намного дальше. Но старое «объяснение» нравилось ей, потому что она находила его поэтичнее.

Она осторожно посмотрела на террасу, где до сих пор беседовал её Боговоплощённый супруг и чужеземец. Некоторые слова доносились до ушей Нехйит, но понимала она далеко не всё, чего нельзя было сказать о мужчинах, увлечённо ведущих свою беседу.

– Спустимся к воде, – предложил собеседнику Фараон, – в это время там становится особенно красиво.

Он взял со стены факел и опустил в каменную чашу, находящуюся у идущей вниз лестницы. В то же мгновение в ней вспыхнуло желтоватое пламя. Огонь побежал вниз по тонкому желобку, зажигая такие же чаши. Уже через несколько секунд по обеим сторонам лестницы горело яркое пламя, освещающая мраморные ступени.

– Масло, стекающее по системе желобков. Остроумно! – похвалил историк, спускаясь вслед за Фараоном.

Над Нилом поднялся ярко белый месяц, прокладывая по его водам дрожащую на волнах серебристую лунную дорожку. Лестница опускалась прямо в воду и, казалось, продолжалась по воде этой невесомой дорожкой света. На волнах слегка покачивалась расписанная золотом лодка, привязанная к мраморному столбику.

– Тут так безлюдно, – проговорил историк.

– Да. В эту часть дворца никто не заходит. Только я и моя Несравненная Нехйит. Нечто вроде Запретного Леса, где разрешено быть только Императору.

– Или Эдемского Сада?

– Ну, в таком случае, я Змей Искуситель, – усмехнулся Фараон, глядя на подрагивающую лунную дорожку, – прельща-

ющий всех плодами древа познания. В любом случае, здесь то место, где я могу спокойно поразмыслить.

– А вы как физик не задумывались, почему я смог появиться здесь?

– Что вы имеете в виду? – Фараон вопросительно посмотрел на своего собеседника.

– Я могу ошибаться... Но, как только вы оказались здесь, в прошлом, наша история должна была измениться. А значит, я уже должен был видеть и помнить тот «дивный новый мир», который вы планируете построить.

– А вы что-то видели?

– Нет.

– Это интересно...– Фараон отвернулся и, размышляя, задумчиво посмотрел в пустоту, – Возможно, путешествуя в прошлое, мы просто создаём дополнительную альтернативную линию времени. Не меняя того будущего, которое для нас уже свершилось. А возможно... Стивен Хокинг прав и существует некий вселенский механизм защиты хронологии, который делает бесполезным любое...

Он не успел договорить фразу, потому что сзади на его голову опустилось тяжёлое позолоченное весло. Фараон пошатнулся и медленно осел на мокрые от набегающих волн ступени. Историк выпустил весло из рук. Его сердце бешено колотилось. Действовать нужно было быстро.

Он прислушался и, не услышав ничего, кроме ночной тишины, молниеносно взбежал по лестнице. Тронный зал был пуст. На мраморном столе по-прежнему были разложены его вещи, которые он стал поспешно засовывать обратно в сумку. Главное, ничего не оставить. Компас, ключ-карта, монеты.... Пистолет...

– Где же этот чёртов пистолет?! – пронеслось в голове у историка, – Ах, да...Самодовольный болван забрал его себе. Теперь записи...

Он осмотрелся по сторонам. Вдоль одной из стен зала располагались длинные стеллажи. Среди сложенных стопками и скрученных свитками папирусов в свете факелов ярко выделялись толстые белые стопки бумаги в полупрозрачных пластиковых переплётах. Историк не смог взять все сразу. Пришлось ходить по два раза. Через минуту все распечатки уже лежали в чаше с горящим маслом. Механика, физика,

химия, астрономия, биология... постепенно превращались в пепел.

– Вот и всё, – историк облегчённо вздохнул, – Почти всё.

Он спустился назад к реке, где на ступенях по-прежнему лежало тело Фараона. Кровь уже натекла на мрамор и теперь расплывалась бурым пятном по поверхности воды. Историк склонился над трупом, достал у него из-за пояса револьвер и переложил к себе. Затем он с трудом погрузил тело в лодку, залез в неё сам и, подняв весло, оттолкнулся от берега.

Тихий плеск воды быстро успокоил его. Теперь человечеству ничего не угрожает. А самое главное – его семья, его дети... Теперь они будут жить. Они не сгинут в одночасье в небытии несвершившейся истории. И все остальные... Все остальные тоже продолжают существовать. И это он, персонально он спас всех! Никаким сумасшедшим планам безумца не суждено сбыться.

Он посмотрел на развалившееся в лодке тело. Мертвый Бог раскинул обессиленные руки в стороны, окровавленная голова была откинута назад, бледное лицо в свете луны казалось светящимся, тонкие губы были плотно сжаты, а остеклевенные глаза, казалось, пристально смотрели на звёзды, к которым Фараон так стремился. На мгновение историку показалось, что мёртвый Бог слегка улыбается, поэтому он поспешил спихнуть его в тёмную воду. Вслед за ним отправились монеты, компас, карта и пустая сумка.

Оставалась ещё одна мелочь. Вытянувшись в полный рост, историк встал на край лодки и приставил пистолет к своему виску.

– Хронология должна быть защищена, – подумал он и нажал на спусковой крючок.

* * *

Беликая Царица Нехйит сидела в зале на троне своего супруга, от которого она унаследовала и божественный титул, и абсолютную власть.

С открытой веранды, как и прежде, ярко светило солнце. Вдали за рекой возвышался тёмный силуэт пирамиды, где никогда уже не будет погребено тело её возлюбленного Бо-

говявленного Господина. Ниже по течению блестящую гладь Нила пересекало массивное тело большой дамбы. В стороны тянулась сеть оросительных каналов, снабжающих водой поля и сады по обоим берегам реки. Где-то за дамбой скрипели колёса водных машин, мелющих муку для хлеба, мешающих раствор для строительства зданий и дорог, черпающих ил для удобрения почвы.

– Разве сравнима какая-то пирамида, какой-то саркофаг, со всем этим? – думала Царица Египта, – Его тело стало плодородной почвой, кормящей нас; Его кровь – это воды Нила, поящего нас; Его разум – это Солнце Ра, согревающего и дарящего свет всему существу. Неужели время так жестоко, а люди так неблагодарны, что в истории сохранится только два иероглифа моего имени, и ни одного из Его великих дел?

Нехйит в раздумьях склонилась над мраморным столом, на котором лежала плоская серая коробка и стопка листов белого папируса. Царица открыла крышку, под которой скрывались ряды выпуклых квадратных пластин со множеством символов, провела по ним своими утончёнными пальцами и обреченно закрыла. Когда-то её супруг показывал ей, как можно извлекать знания из этой волшебной коробки. Сейчас же она молчала. Но определённо был способ заставить её вновь заговорить.

Великая Царица нерешительно подняла со стола записи. Читать этот язык было неудобно, слишком уж много символов умещалось на листе, а их бесконечные сочетания образовывали слова, значение которых Нехйит понимала только отчасти. И всё же она смогла прочесть: «Электрический ток: основные свойства, получение, преобразование и передача».

Переселив страх от непонимания, она продолжала листать, прочитывая страницу за страницей. Рисунки, схемы и подписи постепенно начинали складываться в её голове в какую-то фантазмагорическую картину.

Проволока... Тонкие металлические нити. Мы сможем вытянуть их из золота или меди. Керамические изоляторы... Гончары изготовят их. Катушки и маховики можно как обычно сделать из дерева и известняка. «Любящий камень»... Есть только один кусок, когда-то привезённый ради забавы. Его мало. Потребуется намного больше, значит, придётся отправить караван на Восток. Сегодня же! Вся конструкция

должна приводиться во вращение. Это проще всего. Нужно подсоединить её вал к одной из водяных машин. В случае необходимости, можно добавить дополнительные шестерни.

Она пока ещё не понимала как именно, но это должно было работать. Впервые Несравненная Нехйит начинала постепенно ощущать то мудрое спокойствие, так свойственное её покойному супругу, потому что теперь совершенно точно знала, что нужно делать. Стараясь сдерживать слёзы, она плотно сжала сухие губы и мысленно прошептала:

– «От подножия пирамид напрямик к звёздам!» Ты всегда говорил так. Да будет так!

Галина Чудинова

Прозаик, литературовед, публицист. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России. Живёт в Пермском крае.

ПЕСНЯ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Ты остался в моей памяти во всём блеске своей юности и бурной зрелости. Помню, как я впервые увидела тебя в старом дедовском и отцовском доме, когда наш ныне угробленный рабочий посёлок был ещё на взлёте своих лучших времён, и ты любил приезжать сюда ради общения с Кудиновыми московскими, пермскими, березниковскими, ради весенней охоты да постоянных походов в лес. Отчётливо помню, как ты выглядел и что говорил. Голубой спортивный костюм, казалось, был подобран под цвет твоих глаз, зачёсанные назад длинные пряди тёмно-русых волос рассыпались при каждом быстром твоём движении, ты смеялся, вспоминая забавные эпизоды знаменитой очёрской экспедиции.

Ещё будучи ученицей, я узнала, что близ деревни Ежово под Очёром, в холме было найдено гигантское захоронение ящеров. И открыл его Пётр Константинович Кудинов, средний из трёх моих дядей, братьев отца. О ручных работах в твёрдом массиве пород не могло быть и речи: для столь масштабных раскопок требовалась строительная техника – бульдозеры, экскаваторы, краны, и раздобыть деньги и технику удалось только через пять лет после открытия, в 1957-м году. Мой дядя, ученик и друг палеонтолога и писателя-фантаста Ивана Антоновича Ефремова, был бессменным начальником очёрских раскопок. Кроме учёных, с ним были двое школьников – племянник Петя и его кузен Володя.

– Помню, – рассказывал ты, обращаясь ко мне, – как нам сделали самодельные луки из свежего дерева, и Петруха сперва боялся стаи ворон, клевавших каменные кости. Боялся и черепа ящера с такими клыками, что его прозвали страхозавром! Чуть не утонул в лесном пруду да заблудился в шурфе десятиметровой глубины. Всего-то младше меня на

два года, а за ним нужен был глаз да глаз! Хорошо, что я всегда был рядом!

– Кончай сочинять сказки, – недовольно перебивал тебя Петя, сын старшего дяди. – Ничего я не боялся! Ты был в экспедиции одно лето, а я – целых три.

Но я слушала тебя, затаив дыхание. Парней, подобных тебе, не было не только в нашем классе, но и во всей школе. Как тут было не влюбиться? Вскоре истории о разного рода небывших стали твоим увлечением, но ты был прекрасным рассказчиком, живым и остроумным.

Однажды я упростила моих дядей взять меня на весеннюю охоту в лес: только из-за того, что одним из её участников был ты. По случаю такого события ты купил бутылку шампанского и спрятал её в свой рюкзак. Нашу тайну случайно раскрыл младший дядя, но не выдал её никому. Найдя укромное местечко в апрельском лесу, мы с тобой по очереди пили шампанское прямо из горла бутылки, захлёбываясь пенящимися пузырьками жидкости. Впечатление было бесподобное!

Позже ты часто приезжал в наш посёлок на новеньком «Москвиче», купленном твоими родителями, и я восхищалась виртуозностью твоей езды. Ты любил на большой скорости катать меня до берега Камы и обратно. «Какой же русский не любит быстрой езды!» – повторяла я при этом как заклинание от бед. Однако, счастье наших встреч быстро прервалось. Помню, как в один из летних дней, закончив первый курс университетского филфака, я помогала двоюродной сестре собирать ягоды с большого куста крыжовника в заросшем, запущенном саду отцовского дома.

– Слышала новость? – спросила меня сестра. – Володя на днях женится на своей однокласснице Ольге. Вместе с ней и своими родителями переезжает жить в Краснодар.

Казалось, что острым шипом крыжовника я уколола в тот момент не только палец, но шип вонзился в сердце, занывшее от боли.

Новости о твоей кубанской жизни я узнавала из уст всё той же двоюродной сестры. Ты перевёлся на факультет авиадвигателей и успешно закончил его. У тебя родилась первая дочь Александра, и твои родители – отец – лучший водитель автобазы и мать-завмаг – получили трёхкомнатную квартиру. Твоя карьера стремительно рванулась в гору: вступив в ряды

КПСС, ты вскоре стал директором краевого Дома техники. Далее – рождение второй дочери Анны, замужество первой, покупка дачи на берегу Кубани. Ещё одну квартиру ты уже заработал сам – для Саньки и её семьи.

А дальше продолжились твои знакомства с нужными людьми, стали привычными частые выпивки в компаниях, ссоры с женой, которую ты подавлял неукротимым своим характером. Постоянными сделались командировки в Москву и почти во все Дома техники бывшего Союза. Тогда-то, во время наших встреч в Перми, Москве и родном посёлке, я отдала дань моей первой любви.

Помню просмотренную в юности армянскую мелодраму под названием «Песня первой любви», мелодия и слова из которой часто преследовали меня. Сюжет предельно прост и незатейлив: раскрученного эстрадного певца, добившегося славы, известности и денег, стали осаждать толпы поклонниц. Всё чаще певец оставлял одну дома свою кроткую заботливую жену, проводил вечера и ночи в обществе любовниц да охочих до ресторанных блюд и вин собутыльников. Не выдержав измен, жена ушла из дома, но вскоре избалованному певцу надоела разгульная жизнь, захотелось уюта домашнего очага, и он решил вернуть любимую женщину песней, написанной специально для неё:

Я с тоской ловил взор твой ясный,
Песни пел, грустя и любя.
Но ответа ждал я напрасно –
Был другой дорогим для тебя.

Песня первой любви в душе
До сих пор жива.
В песне той о тебе
Все слова.

Думал я, разлука поможет
От любви своей мне уйти.
Шли года, но образ твой всё же
Был со мной неразлучен в пути.

Немногие из оставшихся верных друзей певца вручили его жене билет на концерт, где впервые должна была прозвучать новая песня прощения, песня искупления вины, и усадили её в первом ряду до отказа заполненного зала. Голос певца звучал вдохновенно, как никогда, а горящий взор устремлён был на любимую женщину:

И не смог я жить в отдаленье,
Вновь с надеждой взгляд твой ловлю.
Ты должна понять, без сомненья,
Что тебя, как никто, я люблю.

Песня первой любви в душе
До сих пор жива.
В песне той о тебе
Все слова.

Концовка фильма соответствовала всем законам жанра: зрительный зал, взорвавшийся от оваций, и слёзы радости, что вытирала платочком жена певца.

В твоей бурной жизни всё было иначе: у жены Ольги, вполне обеспеченной материально и оставившей работу врача-терапевта, вскоре стала обнаруживаться признаки странного психического заболевания. Постоянно покинутая тобой, она пристрастилась бродить во дворе возле мусорных баков да подбирать оставленную соседями одежду. Шумные семейные сцены с матом, криками и угрозами не помогали: старые вещи выбрасывались тобой из квартиры, но через какое-то время появлялись в ней снова. Тогда я не знала обо всём этом: любимая двоюродная сестра, дочь старшего дяди, трагически погибла в Перми весной 1998-го года – так прервался главный мой источник информации о тебе. А через пять лет я стала убеждённой староверкой, сторонницей истинного Православия, и с головой погрузилась в творчество – стала писать повести, рассказы, публицистику, издавать за свой счёт книги небольшими тиражами.

К концу каждого календарного года я обычно отправляла тебе свою очередную книгу, и ты с нетерпением ждал её. Получив, благодарил меня телефонным звонком: твой хри-

пловатый, чуть картавый голос возвращал меня к лучшим воспоминаниям юности. Особенно понравилась тебе наша семейная сага – «Кудиновы. Хроника обретений и утрат одного рода».

Моя предпоследняя встреча произошла на твоей даче, куда ты привёз меня на такси, встретив на вокзале в половине шестого утра. Ты окружил меня небывалой заботой и вниманием: к моему приезду была истоплена банька, и меня ожидал завтрак с бутылкой марочного вина. Сам ты к этому времени – сентябрю 2009-го года – по состоянию здоровья уже ничего не пил, даже шампанского.

После завтрака ты прилёг отдохнуть, и твоя жена Ольга стала жаловаться мне на свою судьбу:

– Натерпелась я от него за эти годы! Бывало, купит билет в командировку, а сам накануне напьётся с друзьями. Привозят его домой невменяемого, и что мне остаётся делать? Срочно сдать билет. Протрезвится – в ответ не благодарность, а отборный мат!

Другую сторону я позже выслушала в саду, под персиковым деревом:

– Предупреждали меня, что в их семье у всех четырёх детей с детства были психические отклонения, да я, дурак, не поверил. Женился – и маюсь всю жизнь. Я обеспечил её всем необходимым, по специальности она почти не работала, да и домашние дела делает из-под палки. И знаешь, какое у неё хобби? Собирать старую одежду возле помоек!

– Вам обоим надо прийти к Богу! – посоветовала я. – Господь поможет!

Знакомым жестом ты махнул рукой, на сей раз – обречённо – и указал мне на лестницу-стремянку под деревом:

– Я оставил специально для тебя три персика на ветке. Полезай и сорви их.

– Да ладно, обойдусь!

– Не ладно, а полезай!

Впервые довелось мне сорвать персики с ветки, а не покупать в магазине, и я запомнила их необыкновенный вкус на всю жизнь. Поздно вечером, засыпая на свежей постели в отведённой мне комнате, я вспоминала роман американского писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Ночь нежна» о враче-психиатре, безуспешно пытавшемся вылечить

страдавшую психическими приступами жену. Ты не Дик Дайвер, размышляла я о нашем прошлом, Ольга – не Николь, а я, конечно, не Розмэри Хойт. Уже через день я поспешила покинуть дачу друга юности вместе с сонмом воспоминаний о прошлом и отправилась в Пшаду, к бывшей поселковой учительнице, купившей дом неподалеку от моря.

С каждым годом раскручивался всё ярче kaleidoscope моих путешествий: Турция, Тунис, Израиль, Египет, а после – три поездки в воюющий Донбасс, но... Песня первой любви властно звучала в моём сердце, вновь хотелось увидеть тебя. Я звонила тебе в 2018-м из посёлка Курортный в Восточном Крыму с просьбой приехать, но получила отказ. Звонила из «Сочи-парк-отеля» в 2019-м и слышала в ответ, что ты уже постоянно живёшь в краснодарской квартире, едва ходишь по ней, и врач запретил тебе волноваться.

На звонки из Алупки в сентябре 2020-го года ответов уже не было: на пути домой я задержалась на день в Краснодаре, чтобы узнать хоть что-то о нынешней твоей жизни. Зачем? Какое-то бесовское упрямство побуждало меня вновь увидеть тебя, возможно, в последний раз. В памяти крутилась фраза из «Энеиды» Вергилия: «Рок в последний ведь раз говорить мне с тобой дозволяет!» Дверь в квартиру оказалась не закрытой: ты ожидал прихода социального работника. Не сразу узнала я располневшую и хромящую Ольгу, которая, казалось, ничуть не удивилась при виде меня.

– Смотри, каким он стал!

Я вошла в твою комнату и тихо ахнула, увидев тебя беспомощно лежащим на постели. Ты привстал, узнал меня и матерно выругал жену: «Почему не предупредила? Ну не сука ли?!»

– Всю жизнь я слышу от него – сука, бл.дь, стерва! Такая благодарность! Легко ли ухаживать за инвалидом первой группы с таким характером? А ведь пережил не по одному инсульту и инфаркту, теперь может лишь присесть на несколько минут. Постоянно меняю памперсы, начинает ругаться, обещаю выкинуть его вставные зубы!

– Успокойтесь оба, Христа ради! Все мы – на финишной линии к иной жизни. Наша задача – достойно прожить отпущенные Богом дни.

– Поверь, Галочка, я хоть сейчас готов умереть! Ну чего стоишь, как истукан? – рявкнул ты на жену. – Приготовь завтрак дорогой гостье.

Ольга удалилась на кухню, а ты молчаливым жестом предложил мне пройти в две другие комнаты. Я прошла и ужаснулась увиденному. Диван, стол и стулья были завалены старой одеждой, груды какого-то барахла лежали в кучах на полу. Квартира являла собой подобие свалки, заброшенного чулана.

– Как же терпят такое ваши дочери? – спросила я тебя, закончив гнетущий осмотр.

– Они уже давно махнули на всё рукой, даже навещают нас изредка. Аня постоянно живёт на даче, Санька – в своей квартире. Если моя мадам не излечилась от психического расстройства в тридцать четыре года, то в семьдесят четыре – тем паче. Ольга не считает себя больной, а мой удел – доживать среди этого бардака. Болезнь надо было лечить в зародыше, теперь уже поздно.

Я, как могла, пыталась вселить в тебя надежду на лучшее, уверяя, что «синдром Плюшкина» излечим. Надо лишь поверить в Бога и молиться об исцелении. Расстались мы по-дружески, но по дороге домой я размышляла, что пути Господни неисповедимы, и человеку не дано знать, ждёт ли его быстрая смерть или затяжная болезнь в беспомощном состоянии.

Уже в родных пенатах мелодия и знакомые слова «Песня первой любви в душе до сих пор жива...» порой настигали меня, но теперь я гнала их прочь, повторяя про себя: «Христианской кончины у Господа просим!».

23.10.2020

Наталья Чекер

Поэт, переводчик, прозаик, публицист. Кандидат философских наук. Член Союза писателей ЛНР. Живёт и работает в Луганске.

О МЕЛОЧАХ

(микропроза)

ДРУГАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Мне вдруг подумалось: мы живём в какой-то странной перспективе. Ближней. Как на иконе. Если соотносить её с привычной, дальней, то всё выглядит глупо, трагично и бесперспективно. Кажется абсурдным и безнадежным. Но лишь кажется...

ГОРОД

Луганск. Жаркий август 2014-го. С тех пор я не боюсь ни одиночества, ни смерти ... ни собственного страха. Тут нет противоречия. Страх иногда приходит сам, наглым непрошеным гостем. И как вроде что-то накрывает тебя волной. Но это вовсе не повод сдаться и перестать действовать вопреки обстоятельствам.

То лето. С тех пор меня не удивляет предательство близких и дальних – просто расстраивает и всё. И я не верю, что трусость, плавно перетекающая в подлость, будет прощена на Небесах ...

Тогда смерть была повсюду, рушились судьбы, разрушались дома. Но Город – странная вещь – Город казался мне волшебной метафизической сущностью, живой и прекрасной, которая не может погибнуть, никогда-никогда.

ПОЕЗДА. ГОД 2015-Й

Луганск. Поезда. Застывшие на путях поезда. Ожидание без оправдания. Без отправления. Посылка с потерянным адресатом. Надежда, вынужденная доказывать свою надёжность. Аномия пространства. Правовая система с провалами памяти. Бесправие времени. Бездомные смыслы. И поезда ...

СТРИЖ

Трудный разбег... Отрыв от поверхности... Он замаха крыльшками, взлетел... И снова шлёпнулся. «Пилот-неудачник». Разочарованно запищал. Мне удалось взять его в руки и аккуратно посадить на балконный столик.

Восьмой этаж. Заинтересованному взгляду открывается огромное воздушное море.

Подумав, он смело ринулся вниз, как античный ныряльщик. Вынырнул. Расправил крылья и, опираясь на воздушные потоки, весело воспарил, подобно Анаксименовым^{*} небесным телам. Маленький стриж.

МЫШЬ ЛЕТУЧАЯ

Помню, пробралась к нам как-то в квартиру летучая мышь. Дело было глубокой ночью (время кошачьей охоты). И наша кошечка Пуся начала преследование. Шумно и безуспешно (их тела бились о стены, полы, двери ...). Симпатии мои были на стороне Пуся, если честно. И самым страшным событием той ночи было, когда – как в американских фильмах ужасов: ... включаю свет ... смотрю на комнатную дверь ... и вдруг, из-под неё – напрягая все свои силы, чтобы шустро протиснуться в узкую щель между дверью и полом, – выползает маленькое крылатое чудовище. А-а-а-а!!!!

^{*} Анаксимен – древнегреческий философ-досократик, последний представитель Милетской школы. Учил о том, что все небесные тела плоские и поддерживаются воздушными потоками, при этом Земля, находясь в центре мира, сохраняет неподвижность, а всё остальное – движется вокруг Земли.

Мой крик огласил тишину спящего дома. Но ведь эта чёртова мышь должна была бояться меня не меньше, чем кошку?!

Вот теперь, когда говорят, что гадюки трусливее нас, я не верю.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Луганск. Январь 2017-го. Еду в маршрутке с работы. В салоне почти пусто: я, парень с девушкой и – сзади – двое мужчин (отец и сын, вероятно).

Останавливаемся на «Гаевом»*. Дверь открывается. Подходит мужик, спрашивает у водителя: «Ты на завод ОР** идёшь?» Тот: «На завод или на городок завода ОР?» Мужик: «На завод». Пауза небольшая. И дальше совершенно потрясающее разъяснение (произнесённое на одном дыхании и без тени смущения): «Не, ну там, где САМОЛЁТ, который ТАНК, точнее, ПАРОВОЗ стоит»***.

(Смеяться было почти некому).

Водитель: «Та не, я на Городок!» Мужик отходит. Дверь закрывается. Тронулись.

Уже отъехали чуть, и тут, что называется «двое эстонских парней» сзади, один другому: «Он бы ещё КОРАБЛЬ сказал». Второй: «Ага, тогда б всё перечислил!»

МИХАИЛ

Это случилось накануне Нового (2020-го) года. Дело было так. Вскарабкавшись на шведскую стенку, и спрыгнув оттуда на «посадочную площадку», он оказался на холодильнике. Там лежала картонка. Начал коготками драть.

* – остановка «квартал имени Гаевого»

** – завод имени Октябрьской революции (ОР), ныне – Луганский тепловозостроительный завод (перед входом установлен Памятник луганским паровозостроителям – ПАРОВОЗ модели ОС 17-1000);

«завод ОР», «городок завода ОР» – названия двух остановок городского транспорта

*** САМОЛЁТ, ТАНК – другие памятники, расположенные поблизости от остановок городского транспорта

Подхожу, говорю: «Миш, не дерь картонку, пожалуйста, а то холодильник обидится и будет плохо морозить, понимаешь?»

То что холодильник последнее время периодически ведёт себя странно, кот знал на собственном опыте (любимые им почки и печёнка иногда доставались из морозильной камеры недозамёрзшими), потому, вероятно, он ответил сходу (и так неожиданно по-русски!): «Да, я понимаю» (с лёгким мяуче-шотландским акцентом и грустью в голосе). В доказательство истинности высказанного, картонку драть перестал.

Теперь, чтобы стать полноценным интеллектуальным собеседником, коту достаточно освоить всего-то одну фразу – «Нет, я не согласен!»

ПОМИДОР

Аграрий из меня никакущий. Биологию терпеть не могу с детства (мама – биолого-химик по образованию). И для меня было ошеломляющим открытием прочесть однажды в английском словаре: «a round soft red fruit* eaten raw or cooked as a vegetable (picture at vegetable)**».

Как может то, что едят и готовят как овощ, и даже изображают в компании овощей, быть ягодой?!

В тот день пострадало моё чувство справедливости ...

И остался не разрешённым вопрос: правда ли, что мифопоэтика итальянской крестьянской речи спасает от когнитивного диссонанса при поедании «золотых яблок»?***

* *soft fruit* (англ.) – ягода;

** (англ.): «округлая красная ягода, которую едят в сыром виде или готовят как овощ (изображена на рисунке «Овощи»)» – описание помидора;

*** *roto d'oro* (итал.) – золотое яблоко.

PARROT THE GREAT*

Были мы как-то давно в Святогорской Лавре с друзьями. А там на территории – свой маленький зоопарк. Жил в нём среди прочих невзрачный такой, серенький попугай, говорящий. А ещё на территории Лавры был кот. Котов и кошек, вообще-то, было много. Но этот был особенный – юный, в расцвете творческих сил и талантов, любивший испытывать христианское терпение обитателей Лавры. Та ещё bestia!

Основной род занятий кота заключался в том, что он, вскарабкавшись на клетку с множеством попугайчиков и прочей пернатой живности, прорывал коготками дыру в сетке и ждал, когда мелкие засранцы потянутся к свободе...

Говорящий попугай либералом, вероятно, не был, скорее лингвистом – кошачий язык вызывал в нём глубокие, экзистенциальные переживания. Умом он обладал, судя по всему, аналитическим.

Вот вы, если попробуете воспроизвести элементарное кошачье «мяу», что у вас получится? Какое-нибудь «мяу» или «мьяв». А попугай выговаривал: «мья...у-у-у-у».

Простое подражание кошачьей речи, видимо, не входило в его планы (это было бы ниже достоинства любой говорящей птицы!), и он не подражал, но неподражаемо выстраивал особый звуковой ряд: на «у» делал второе и основное ударение, и произносил его как о-о-очень долгий звук. Он так смешно и так тщательно это продельывал!

Короче, попка был не дурак. Да и кот был не промах.

* (англ.) – Попугай Великий

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЭССЕИСТИКА

Людмила Ельшова

Литературовед. Заведующая квартирой-музеем В.А. Титова в Луганске. Живёт в Луганске.

ОСТАЛСЯ В ШАХТЁРСКОМ СТРОЮ

В 2021 году исполнилось 115 лет Алексею Григорьевичу Стаханову. Его трудовой подвиг дал начало стахановскому движению, которое охватило все отрасли народного хозяйства. Герой труда и его последователи стали примером не для одного поколения.

Не зря Александр Фадеев, размышляя о нравственные родниках, которые питали характеры будущих юных героев Краснодона, обращал внимание на пример трудовой гвардии Донбасса. У молодого поколения не было надобности ходить далеко в поисках примеров, делать жизнь с кого. «В Донбассе, и не только в Донбассе, – пишет он в романе «Молодая гвардия», – каждый человек знает имена Никиты Изотова, Стаханова. Любой пионер может сказать, кто такая Паша Ангелина, и кто Кривонос, и кто Макар Мамай. И все люди относятся к ним с уважением. Слава этих людей – это подлинная слава».

Чтобы быть похожими на них, а тем более встать в один ряд с ними, надо было не только доблестно, по-стахановски, трудиться, но и быть личностью в самом высоком понимании этого слова.

Впитавшие лучшие традиции отцов, молодогвардейцы не дрогнули в годину испытаний, проявили такое мужество и стойкость, что наравне с героями довоенного времени стали символом Донбасса. Стахановские традиции послевоенное поколение молодёжи развивало, отдавая дань памяти героям.

В 1962 году на шахте Ореховской (бывшей «Таловской» № 1) зародилось замечательное движение по зачислению молодого гвардейцев в ряды трудовых коллективов. Его инициатором выступила комсомольско-молодежная бригада проходчика Федора Лобко, которая приняла решение ввести в свой состав героя «Молодой гвардии» Олега Кошевого. Он стал семнадцатым проходчиком в бригаде. Деньги, начисленные на его имя, передавались в Советский фонд мира. Инициатива получила горячий отклик не только в Донбассе, но и нашла своих последователей во многих регионах страны.

В 1967 году, наследуя почин краснодонских шахтёров, комсомольско-молодежная бригада внутришахтного транспорта шахты имени Ленина в Лутугинском районе расширила рамки этой получившей широкое распространение традиции. В состав коллектива был включен герой своего времени, писатель Владислав Титов, автор повести «Всем смертям назло...». Выступая на собрании комсомольцев шахты, бригадир В. Скрипниченко сказал: «Повесть «Всем смертям назло...» учит мужеству. Она утверждает: и сегодня в жизни есть место подвигу. Владислав Титов – очень нужный нашей молодежи писатель. Пусть всегда он будет в нашем коллективе»[1].

Насколько важным это событие было для молодого писателя, явствует из его ответного слова «Я хотел было обратиться к вам, как к бывшим коллегам. Но для чего тут «бывший». Добрые настоящие коллеги! Я говорю с вами как шахтёр. Чем меньше породы в угле, тем лучше. Это касается и моего творчества. Я не имею права писать хуже, ведь, если говорить образно, я сегодня вернулся на шахту, в забой» [2].

Путь в шахтёрскую профессию Владислава Титова сродни пути в Донбасс Алексея Стаханова. Алексей Стаханов рос в деревне Луговая Орловской губернии в семье неимущего крестьянина. Желание крепче стать на ноги привело его на Ирминский рудник. На шахте «Центральная» прошел путь от коногона до забойщика. Мастерски владеть отбойным молотком учился на курсах забойщиков и в упорной работе.

Именно ему выпала честь пойти на мировой рекорд добычи угля отбойным молотком. В ночь на 31 августа 1935 года он нарубил 102 тонны угля за одну смену при норме в 7 тонн. Чтобы добиться такого успеха, нужно было изменить тех-

ноголию добычи угля, а именно – разделить труд забойщика и крепильщиков. Но главная ставка все же делалась на умения, опыт и мастерство забойщика. Алексей Стаханов не подвел.

Его рекорд дал начало масштабному движению по повышению производительности труда не только в СССР, но и за рубежом. Это движение получило название стахановского, а имя Стаханова стало понятием нарицательным.

Владислав Титов тоже выходец из семьи хлеборобов. Деревня Капиновка, где прошло его детство, относилась к Воронежской, а позже вошла в состав Липецкой, прилегающей к орловским землям области. Он был старшим ребёнком в многодетной семье. Детство пришлось на тяжелые военные годы. Он готовил себя к военной профессии, активно занимался спортом. Но самой большой страстью его были книги. В школе он познакомился с романом А. Фадеева «Молодая гвардия», герои которого навсегда захватили его душу. И когда не случилось осуществить свою мечту стать летчиком, он выбирает не менее романтическую и мужественную профессию горняка и едет в Ворошиловград – это совсем рядом с родиной героев полюбившейся книги. Определило выбор и то, что овладеть профессией можно было за два года, а стипендия позволяла не прибегать к родительской помощи.

Шахтёрская профессия пришлась ему по душе. Он жадно впитывал знания и практический опыт, которым делились преподаватели Ворошиловградского горного техникума. Первый, пусть и экскурсионный, спуск под землю вызвал чувство гордости за причастность к шахтёрскому племени. Но студенты воочию увидели, насколько тяжела шахтёрская работа. Владислав не испугался трудностей, не пошел себе искать места полегче, как некоторые однокурсники.

Служба в армии, прервавшая учебный процесс, закалила молодого солдата, но окончательная шлифовка характера пришлась на время производственной практики, после того, как он вернулся в техникум.

Владислав Андреевич рассказывал, что шахтёром он стал на шахте имени газеты «Известия» в Красном Луче, где проходил преддипломную практику. Именно здесь он почувствовал по-настоящему, что такое шахтёрский труд. «Я попал в самое пекло, в добычную лаву, в дружную семью навалоч-

отбойщиков, – писал он в автобиографии. – Было трудно, иногда очень, как в беге на длинную дистанцию, когда на каком-то этапе казалось: сейчас все, сил больше нет. Но рядом, также на боку (пласт угля 70 сантиметров), орудовали кирками и лопатами мои новые друзья, и приходило второе дыхание».

И еще одну очень важную истину вынес он из общения с шахтёрами: «Есть у горняков неписанное правило: не оставляй товарищей в трудную минуту. Не раз приходили мне на помощь опытные горняки: то делом помогут, то шуткой, то острым словцом поднимут дух. И чувствую: сил прибавилось от сознания, что ты не одинок в земных глубинах, что рядом – надежные люди, на которых можно положиться» [3].

Этот урок молодой шахтёр усвоил крепко. На шахте Ханженково-Северная в Донецкой области, где выпускник горного техникума получил должность горного мастера, он совершил подвиг, предотвратив аварию. Спасая товарищей, получил удар током высокого напряжения, чудом остался жив. В больнице ему ампутировали руки. Но спустя семь лет после аварии на вопрос, побежал бы он к трансформатору, если б знал, чем это закончится, ответил: «Если бы знал, что есть угроза парням, которые остались в лаве, – да» [4].

Поставленный, казалось бы, в безвыходное положение, В. Титов не сдался. В Луганске, куда он уехал, попрощавшись с шахтёрской профессией, невероятными усилиями освоил не только технику письма ручкой, зажатой зубами, а потом и пишущую машинку, но и написал повесть, принесшую ему широкую известность.

В этом произведении В. Титов создал образ молодого шахтёра, героический характер, воплотивший в себе лучшие черты рабочего подземных горизонтов. Характер типический, несущий на себе многие биографические черты.

О важности его первой повести для шахтёров на встрече с писателем на шахте имени Ленина треста «Ленинуголь» рабочий шахты – Петр Васильевич Шибанский сказал: «Я не побоюсь назвать повесть учебником. Было бы неплохо, если бы каждый, кто впервые спускается в шахту, читал, больше того, изучал «Всем смертям назло...». И понял бы тогда: профессия шахтёра – для мужественного человека. Идти в лаву – значит идти в бой».

Это было время, когда во всех отраслях народного хозяйства развернулось соревнование за коммунистический труд, то есть высокопроизводительный, эффективный и, главное, не ради длинного рубля труд.

Секретарь комитета комсомола шахты Н. Матвиенко на встрече с Титовым напомнил шахтёрам о днях, когда повесть «Всем смертям назло...» печаталась в луганской газете «Молодогвардеец». Как ждала молодёжь газету, сколько находилось добровольных агитаторов, как читали газету вслух в общежитии, в библиотеке, на нарядах. Брали ее с собой в лагу. Но главное – ещё старательнее рублили уголь. Ведь надо и за Серёжку. Ему нельзя уйти в отставку. На-гора пошло 3000 сверхплановых тонн «солнечного камня» [2].

Как подметил Б. Полевой, героический характер современника, созданный Титовым, слился в сознании читателей с образом самого писателя. И работники подземных недр не исключили писателя из своего шахтёрского братства. Он остался с ними в шахтёрском строю. Его писательский труд приравнивали к шахтёрскому. Совсем не случайным видится тот факт, что 29 марта 1967 года совместным решением администрации шахты имени Ленина в Лутугино В. Титову присвоили звание «Ударник коммунистического труда». Он заслужил это звание действительно ударным трудом.

Об этом свидетельствуют и его первые высокие писательские звания. В сентябре 1967 года В. Титов становится лауреатом Луганской областной комсомольской премии имени «Молодой гвардии», а затем и лауреатом Всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского за 1967 год.

Лутугинская молодёжь способствует активному включению писателя в общественную жизнь. Делегатом от шахты имени Ленина он принимает участие в III лутугинской районной комсомольской конференции. На XV областной комсомольской конференции, которая прошла 13 февраля 1968 года в ДК имени Ленина в Ворошиловграде, В. Титов представлял комсомольскую организацию Лутугинского района.

Перед участниками конференции он поделился, в частности, впечатлениями после недавней встречи со своими друзьями, комсомольцами бригады Владимира Скрипниченко на лутугинской шахте им. Ленина:

– Многое я вынес в тот день из шахты. В сердце своём вынес. В каких-то деталях я увидел непрерывное, поступательное движение нашего общества к ещё более высоким свершениям. Восемь лет прошло со дня моего последнего спуска в шахту. И за эти восемь лет горная техника, горная наука сделала изумительный скачок вперёд. Я видел такие машины, такие механизмы, о которых даже как горный техник, понятия не имею. И я видел шахтёров, комсомольцев в работе. Помню, произошла какая-то небольшая заминка, ну как всегда на ВШТ... И надо было видеть В. Скрипниченко в тот миг! Как он метался по штреку, этот молодой человек с беспокойным сердцем ответственного за всю страну! И вот когда думаешь о таких людях, не очень-то броских в обычной сутолоке жизни, но сильных, одухотворенных, по-человечески гордых и красивых в труде, то и самому хочется делать что-то большое и значительное.

Тот факт, что его повесть «Всем смертям назло...» стала «большим и значительным» событием в советской литературе, подтвердила высокая награда – орден «Знак Почета». Как раз на областной комсомольской конференции награда была вручена В. Титову. В одном порыве, стоя, приветствовали писателя-шахтёра её участники.

Встречи с читателями, рабочие поездки в составе писательских групп по стране и за рубежом стали неотъемлемой частью жизни писателя. Особенно часто посещал он города и шахтёрские посёлки Луганщины. «Эти поездки, эта непрерывная связь с молодёжью, – отмечал писатель, – очень многое для меня, для моей работы».

Заслужил авторитет Владислав Титов и в писательской среде. Можно назвать много известных имен. Но здесь важно отметить, что к нему сразу потянулись душою шахтёрские писатели и, если так можно сказать, побратимы по судьбе. Крепкие узы дружбы соединили его с Вениамином Мальцевым из Красного Луча, который совмещал работу в шахте и литературный труд. Писатель из Кемерово Владимир Ворошилов, потерявший зрение в воздушном бою с фашистами, обратил внимание на общее в своей жизни и судьбе В. Титова. Герой романа бывшего лётчика «Солнце продолжает светить» не только носит такое же имя, как герой первой повести В. Титова, но и близок ему по обстоятельствам жизни

и характеру. Автор романа, конечно же, не мог не искать знакомства с В. Титовым. Между ними завязалась дружеская переписка.

Было чем поделиться с В. Титовым Григорию Афанасьевичу Стеценко. Старый шахтёр, друг Никиты Изотова и Николая Островского. Был учеником Н. Изотова на шахте «Кочегарка». С Николаем Островским он, Никита Алексеевич, член ЦИК СССР, а также другие шахтёры познакомились в Сочи в августе 1935 года. Отдыхали на курорте и решили провести писателя. Автор письма, как он пишет, потом еще не раз заходил к Островскому. Воспоминания Стеценко об этих встречах печатали до и после войны. Пропагандировал он в своих материалах и трудовой подвиг Н. Изотова.

В 1967 году, на момент знакомства с В. Титовым, он работал кочегаром парового котла на заводе шахтного оборудования в г. Дружковка и руководил литературной группой, целью которой являлась пропаганда жизни и творчества Н. Островского. Все члены этой группы – рабочие, пишущие люди. Писали кто стихи, кто рассказы, а Дмитрий Калужный, инвалид войны, их друг, писал критические статьи, рецензии.

О повести В. Титова Г. Стеценко прочитал в репортаже Н. Мара в «Литературной газете» и сразу решил написать письмо. Автор письма называет Владислава и его жену настоящими шахтёрами. Он преклоняется перед их мужеством и говорит свое шахтёрское спасибо, в том числе и за то, что и теперь они служат примером любви к жизни для многих людей.

Из газеты он узнал, что живут Титовы на квартале им. А.И. Гаевского. Антона Ивановича он тоже знал. В начале тридцатых годов тот работал секретарем парторганизации на горловском машиностроительном заводе им. С.М. Кирова. С тех пор он прошел путь партийного работника, слава его живет в сердцах, как и слава Никиты Изотова, Николая Островского и других, кто оставляет след на земле.

В письме В. Титову от 14.05.1968 г. он делился: «А у нас в Горловке идёт подготовка к большому празднику – 100-летию города и открытию монументального памятника богатырю Донбасса, моему учителю по забою, моему другу и герою моих книг Никите Изотову. Очень хочу подарить Вам, дорогие друзья, снимки, прилагаемые к этому письму. На них Вы видите меня с моими друзьями – Никитой Изотовым

и Сашей Степаненко. Это снимок сделан 1 мая 1933 года на площади 26 бакинских комиссаров в Баку. Мы были там, как делегация шахтёров Донбасса, который в те далекие дни соревновался с нефтянниками Баку. На втором снимке Вы видите Никиту Изотова, Максима Горького, а еще слева – повернувшегося к Горькому меня. Этот снимок сделан 7 мая 1934 года на даче Алексея Максимовича Горького в Горках Ленинских под Москвой».

Какой замечательный коллективный портрет шахтёров-донбассовцев предстоит перед нами в этих письмах!

Донбасс как регион с богатыми трудовыми традициями, высокими достижениями в науке, культуре, спорте и других областях общественной жизни всегда привлекал к себе внимание средств массовой информации. В 1971 году редакция газеты «Труд» совместно с Донецким областным советом профсоюзов 6 октября 1971 года в г. Донецке, во Дворце культуры имени Ленина, организовали устный выпуск «Труда». В нём приняли участие председатель областного совета профсоюзов В. Петров, редактор «Труда» по производственно-экономическому отделу О. Кузнецов, Герой Социалистического Труда, старший мастер маргеновского цеха Донецкого металлургического завода имени Ленина В. Волков, Заслуженный деятель науки УССР, профессор Р. Богославский, заместитель прокурора Донецкой области В. Князев, спортивный обозреватель «Труда» Ю. Ваньят. Участником этого необычного выпуска газеты стал и писатель Владислав Титов. «Я люблю тебя, жизнь», – так названо его выступление в программе мероприятия.

Известность писателя Владислава Титова в стране после выхода его первой повести вполне сопоставима со славой шахтёра Алексея Стаханова. Не зря его имя часто ставили в ряд с его именем, именами других прославленных горняков.

В Донецке в 70-х годах XX столетия действовал городской молодёжный клуб по профессиональной ориентации «Славься, шахтёров племя». Целью клуба было поближе ознакомить молодежь с героическим отрядом рабочего класса, донецкими шахтёрами, романтикой их труда, горняцкими профессиями и путями их получения через горные профтехучилища, научными сотрудниками угольных институтов города и другими интересными людьми шахтёрского труда.

В программе работы клуба были запланированы встречи со знатными горняками страны, Героями Социалистического Труда Н. Гриндой, И. Зинченко, В. Логиновой, Героями Советского Союза горняками: Н. Александровым, П. Харитоновым, В. Чеботаревым; знатными горняками, бригадирами, кавалерами всех степеней Шахтёрской Славы и другими орденосносцами: Б. Бурмистровым, И. Шпигоцким, П. Оранским, П. Негруцей, а также с зачинателем стахановского движения, ветераном труда Алексеем Стахановым и шахтёром-писателем Владиславом Титовым. Приглашение В. Титову на заседание клуба, посвящённое встрече с писателем, хранящееся в фонде музея, свидетельствует о том, что встреча состоялась 16 октября 1970 года.

Шестого апреля 1976 года на шахте «Новопавловская» была организована встреча с Героем Социалистического Труда и кавалерами ордена Ленина. В клубе шахты чествовали И.В. Иванченко, И.Е. Блинкова, В.Т. Горбатенкова, Б.А. Данчука, В.Н. Кононова, И.Р. Панченко. В числе почётных гостей был приглашен на встречу и В. Титов.

Связь писателя с горняками этой шахты не ограничилась этой встречей. В интервью А. Жарких, корреспонденту газеты «Правда Украины», В. Титов рассказал: «Недавно ко мне приезжал бригадир горнорабочих с краснолучской шахты «Новопавловская» Александр Силкин. Попросил выступить перед его товарищами, рассказать о новинках советской литературы, о своих творческих делах. В нарядной шахты состоялась душевная беседа. И показалось мне, что возвратились годы моей юности» [3].

Бригада А. Силкина побила свой Всесоюзный рекорд, который удерживала два года. В октябре 1969 года за 31 рабочий день добыла 85015 тонн угля, установив новый рекорд производительности комбайна УКР-I. Корреспонденту краснолучской газеты «Земля-кормилица» Н. Романову он рассказывал:

Рекорд – не самоцель. Если бы вопрос стоял так: достигли высокого уровня – и все, дальше можно работать по-старому, то, пожалуй, ничего бы у нас не получилось. Не имело бы смысла из-за этого искать резервы, что-то усовершенствовать, что-то переделывать, организовывать работу так, чтоб никто не простаивал и в то же время не надрывался

зря. Так что цель нашего рекорда предельно проста, понятна и экономически необходима: посмотреть, какую наивысшую производительность можно выжать из нашей техники и какими средствами.

Встречи с шахтерами Новопапавловской шахты давали писателю понимание того, чем живут горняки.

«У меня много друзей среди горняков, – делился Владислав Андреевич с дуганским писателем, публицистом Н. Малахутой. – Они нередко наведуются ко мне. К примеру, помощник начальника участка шахты «Белореченская» производственного объединения «Ворошиловградуголь» Иван Игнатов. Вместе мы учились в техникуме, служили в армии, делали первые шахтёрские шаги. При встрече подолгу засиживаемся за беседой.

Знаком я и с такими знатными горняками, как Герои Социалистического труда А.Я. Колесников, В.Г. Мурзенко, Г.И. Моцак».

Н. Малахута во время интервью обратил внимание на то, что телефон в квартире Титова не смолкает. Звонят отовсюду, чаще всего – шахтёры. Разговаривают с ним, как со своим парнем, побратимом, другом и советчиком. Как-никак, Титов в недалеком прошлом был горняком и к тому же он дипломированный горный техник. Во время беседы В. Титов рассказал о недавнем звонке из Червонопартизанска, из прославленной бригады Владимира Мурзенко:

– Слава, дорогой, приезжай, приезжай немедленно! Есть новый рекорд! За тридцать один рабочий день комплексом КМ-87 мы добыли 245.500 тонн антрацита. Такого еще не бывало! [5].

Н. Малахута обращает внимание на объём и темпы труда писателя. Он попытался исследовать его рабочий год и пришел к выводу, что половина года – письма и правка рукописей, другая – выступления перед трудящимися, причем треть этого времени – перед шахтёрами. Автор статьи оставляет за пределами этих подсчетов, но не забывает «много другой общественной работы». «Владислав Титов – сообщает он читателям газеты, – член редколлегии двух журналов – «Радуги» и «Донбасса», член редакционного совета издательства «Радяньский письменник», заместитель ответственного секретаря областного отделения Союза писателей Украины, не-

изменный участник заседаний областного литобъединения имени В.Н. Сосюры. Отмечает и кропотливую работу над рукописями молодых.

К этому перечню следует добавить то, что Владислав Андреевич был включен в редакционную коллегию журнала «Юность», был членом областного комитета защиты мира, введён в художественные советы драматического театра и областной филармонии. На протяжении трёх созывов писатель в качестве депутата принимал активное участие в работе Ворошиловградского городского Совета депутатов трудящихся, где имел возможность лоббировать не только интересы развития культуры в городе, так как состоял в постоянной комиссии по культуре, но и влиять на решение проблем шахтёрской отрасли и жизни горняков. Само собой напрашивается сравнение со стахановскими темпами труда.

В творческом наследии В. Титова уже были повести «Ковыль – трава степная», «Полюе воды», «Раздел», «Жизнь прожить...», рассказы «Сапун-гора», «Раненый чибис», когда он принимает решение приступить к написанию романа.

«Не мог я уйти в своей литературной работе, ставшей главным смыслом жизни, от шахтёрской темы, – писал Владислав Андреевич в автобиографии. – Мысли о шахте я как бы сверял со временем, часто встречался с горняками. Встреч было много и в Донбассе, и в Кузбассе, и в Чехословакии, в ГДР, в Болгарии. Сравнивал, копил впечатления, вынашивал материал в себе, пока он властно не попросился на белый лист бумаги».

В 1975 году в Ворошиловградской области проходили Дни советской литературы, посвящённые сорокалетию стахановской трудовой героики. В Ворошиловград приехали литераторы из Москвы, Ленинграда, Киева, Тулы, Тамбова, Липецка, далекого Казахстана. Литературные встречи с трудовыми коллективами, учащейся молодежью, интеллигенцией прошли в Кременной, Рубежном, Северодонецке, Лисичанске, Станице Луганской, Первомайске, Кадиевке (сейчас – Стаханов), Лутугино, Краснодоне, Коммунарске (сейчас – Алчевск), Перевальске, Свердловске, Красном Луче, Антраците, Ровеньках, областном центре. Участником этих мероприятий в числе других писателей Ворошиловградского отделения Союза писателей был и Владислав Титов.

А 21 декабря этого года «Ворошиловградская правда» сообщила своим читателям, что в издательстве «Молодая гвардия» готовится к печати роман «За час до рассвета» (первое название романа «Проходчики») и публикует отрывок из первой главы. Ещё один отрывок выйдет 1 мая 1976 года.

О том, какой будет его новая книга, писатель рассказал в интервью Р.Сафаровой: «Это будет роман о шахтёрах, о проблемах, назревших в их среде за последние годы» [6]. В основу, по его словам, лег материал из жизни многих шахт Донбасса.

На вопрос журналиста Л. Котлова, помогает ли дружба с шахтёрами в писательской работе, Титов ответил:

– Безусловно. Наши встречи, беседы, как говорится, самые житейские. Но они оставляют свой след. Отдельная реплика, слово, жест, выражение лица – все для писателя важно, не говоря о суждениях шахтёров по производственным вопросам, прямых и честных.

Известно: чтобы писать, надо много видеть. И мои друзья, подземные транспортники, помогают мне, можно сказать, размножить количество ракурсов видения. Смотришь на те или иные факты сверху, и снизу, и в сумерках, и под ярким лучом шахтёрской лампочки.

Не скрою, отдельные мои представления о развитии как производственных отношений в результате встреч значительно обновляются, а детали, аккумулируясь в душе, создают прочную уверенность знания жизни современного человека. Без этого ощущения писателю никак нельзя [7].

Тесная связь с жизнью народа заряжает художника энергией творчества – это было глубоким убеждением В. Титова.

Друзья, «подземные транспортники», стали героями романа В. Титова. Об этом поведал писатель корреспондентам газеты «Ворошиловградская правда» Б. Бланк и О. Вольному: «Прототипами персонажей романа стали мои земляки – горняки, с которыми я шел крутыми пластами жизни и труда. Это люди, с которыми я и сейчас дружу, чьи судьбы стали родными и кровными» [8].

Об этом он пишет и в книге «Путь на этажи»: «Действующие лица – это те люди, которых я хорошо знаю и с которыми общаюсь, мне известны их заботы и устремления, я наблюдал их в быту, в семье, на рабочих местах в забое» [9. – С. 165].

Одна из конфликтных производственных ситуаций в романе имела место на шахте имени Ленина в Лутугино.

О тематическом содержании романа и его проблематике Г. Довнар писал: «Это многоплановое полотно о делах и заботах молодого шахтёрского коллектива, об экономических и морально-этических проблемах горняцкой жизни. Автор показывает становление, мужание недавних выпускников профессионально-технического училища, уверенно вступающих в трудовую жизнь, постигающих все её сложности, превозмогающих настоящие подземные грозы» [10].

Критик А. Медников в рецензии, вышедшей в восьмом номере журнала «Знамя» за 1983 год, также обращает внимание на постановку и пути решения в романе нравственных проблем: «Немаловажно, что в романе В. Титова конфликтные ситуации на производстве рассматриваются с точки зрения высокой гражданской позиции самого писателя. Все большее значение приобретают размышления о разных стилях и методах руководства, профессионализме, компетентности руководителя в условиях технической революции» [11, С. 231].

Главное достоинство произведения критик видит в том, что, утверждая здоровые нравственные основы трудовой жизни в горняцком посёлке, В. Титов показывает их прочную связь с активной жизненной позицией своих героев.

В 1982 году роман вышел в 8, 9 и 10 номерах журнала «Юность», а в 1983 году был опубликован в издательстве «Советский писатель» вместе с повестью «Всем смертям назло...». И это «соседство» не случайно. Как заметил критик Вячеслав Сухнев, в романе «Проходчики» писатель вновь возвращается к своей юности и товарищам по шахте. Но возвращается с новым жизненным опытом. Потому Виктор Тропинин, герой романа, и похож на Сергея Петрова, и не похож. Другое время, другие обстоятельства. Но роднит их все та же титовская вера в несокрушимую силу людской дружбы и любви, титовское понимание достоинства [12].

Шахтёры заинтересованно встретили роман. На шахтах прошли коллективные обсуждения произведения, в библиотеках – читательские конференции. О конференции, которая прошла в клубе шахты имени С.М. Кирова ПО «Стахановуголь» рассказала газета «Ворошиловградская правда». Вот некоторые мнения, прозвучавшие во время обсуждения:

– Многие из вас, вероятно, помнят, как рождалась скоростная проходка на нашей шахте в бригаде Героя Социалистического труда, лауреата Ленинской премии М.А. Бойко. Были и её горячие сторонники, были и открытые скептики. Немало обидных слов пришлось выслушать проходчикам. И вот аналогичная ситуация в романе...

– Роман актуален и нужен нам. Ведь проблема проходки – вопрос номер один не только на нашей шахте. Мы задыхаемся от нехватки качественных линий очистных забоев.

– Автор отлично владеет познаниями всех тонкостей проходческого дела. Поэтому ему удаётся так ярко раскрыть самые характерные черты людей – опытных и молодых горняков.

«Все участники читательской конференции сошлись на мнении: роман «Проходчики» автору удался. Он заинтересовал горняков, заставил задуматься их над проблемами, радостями и невзгодами. А раз он задел за живое, то, значит, коснулся самых глубоких горизонтов шахты и человеческих характеров», – приходит к выводу автор публикации Л. Пахнев [13].

Фотокорреспондент газеты «Литературная Украина» заметил, что на овеванную славой шахту «Ворошиловградскую» № 1 Владислав Титов приходит, как в родной дом. Его интересует все: и ход социалистического соревнования между передовыми бригадами, и применение в забоях технических новинок, и, прежде всего, людские биографии, людские судьбы [14].

Конечно же, не мог он не встретиться с друзьями после выхода романа «Проходчики». Впечатлениями об этой творческой встрече поделилась в газете «Прапор перемоги» Т. Дейнегина: «Владислав Андреевич вел разговор о преимуществах и недостатках применения угольных стругов в лавах с разными по мощности пластами. И мне казалось: то, что происходит, – не творческая встреча, а заседание расширенного технического совета шахты, где на уровне высокой компетентности взвешиваются все «за» и «против» этих механизмов, до мельчайших деталей учитываются даже вариации показателей, характеристик, нагрузок». Поразили её компетентность писателя в вопросах угольного производства, глубокое знание современной технологии и оборудования, заин-

тересованность судьбами горняков. А обычно сдержанные горняки безгранично искренни, когда говорят о нем: «Наш, шахтёрский писатель!» [15].

Морально-этические проблемы в жизни общества определяли содержание его произведений последних лет творчества – повестей «В родной земле корням теплее» и «Грёзы старого парка». О том, что он был уже признанным мастером пера, говорит его высокое звание Лауреата Государственной премии УССР имени Т.Г. Шевченко и награда – орден Дружбы народов.

Высоко В. Титов ценил свои шахтёрские награды. Приказом Министерства угольной промышленности от 31.03.1981 года писатель Титов награжден знаком «Шахтёрская слава» третьей степени. Награду вручал на собрании Ворошиловградской писательской организации секретарь партийной организации ПО «Ворошиловградуголь» И.Г. Лычко. И. Тимофеева в «Ворошиловградской правде» приводит ответное слово В. Титова: «Эта награда для меня самая дорогая. Шахтёры по-прежнему рядом со мной: в книгах, в жизни, в радости и испытаниях» [16]. Верность В. Титова шахтёрскому племени, значение его книг для шахтёрского края в 1984 году отмечено знаком «Шахтёрская слава» второй степени.

В статье «Друзья мои – шахтёры» В. Титов писал: «С мыслями о друзьях-шахтёрах, о тех проблемах, что стоят перед ними, писал я роман «Проходчики». Как все вышло в моём произведении, судить не мне... Мне ж, как автору, ясно одно – эту тему я никогда не оставляю. Она моя до конца дней моих. На какое то время отхожу от неё, ибо меня волнуют и проблемы села, и морально-этическая тема. Однако материал о шахтёрской жизни продолжаю собирать и снова берусь за своих шахтёров. Ведь у героев «Проходчиков» большое поле деятельности. Хочется увидеть их директорами шахт и начальниками участков, показать, как преодолевают они трудности, будучи организаторами производства. А проблемы – вот они, рядом [17]. О том, какие именно проблемы угольной отрасли волновали писателя, рассказал он в интервью В. Северцеву:

– Внедрение автоматизированной техники пока не везде еще обеспечивается высокой квалификацией рабочих. На шахтах сегодня нередко некому ремонтировать сложней-

шие узлы механизированных комплексов. Профессиональная подготовка шахтёров зачастую отстает от требований дня.

Курс на ускорение научно-технического прогресса предполагает решительные меры и в угольной промышленности. Вот об этом и пойдет речь в новой книге, тематически продолжающей роман «Проходчики», материалы для которой продолжаю накапливать и систематизировать [18].

Действительно, уже работая над новым романом «Рожь», В. Титов готовил повесть «Грёзы старого парка» к отдельному изданию и думал о второй части романа «Проходчики». Все это время ему не давал покоя тот факт, что роман – не по воле автора – вышел в свет без очень важной для него главы. Это была глава, предрекающая грядущие шахтёрские забастовки. Эта провидческая глава еще одно доказательство того, что Титов был настоящим писателем, ибо настоящие писатели идут не просто в ногу со временем, а чуть впереди него.

В ближайшем будущем забастовки и впрямь прокатились по Донбассу. 24 августа 1998 года в Луганске случилось то, что жителям Донбасса не могло присниться и в самом страшном сне. Разгром пикета у здания областной государственной администрации превратился в побоище силовиков с горняками. За подробностями отсылаю к статье А. Орлова в луганской газете «Республика» за 30 августа 2018 года. Горняков не услышали.

Угольная промышленность, как оказалось, Украине не нужна. И если в 1998 году силовики в Луганске расправились с шахтёрами, то в 2014-м в Киеве экстремисты расправились с ОМОНОм. А нынешний украинский режим горняков уже просто не берет в расчет. На такой печальной ноте завершает публицист свой материал [19].

Снова горняков не услышали. Народ Донбасса не услышали. Когда не слышат народ – государства рушатся. Что и произошло. Но Донбасс, богатый традициями защитников Острой Могилы, Миусских высот, крылатых героев воздушных боев и покорителей космоса, славных машиностроителей, металлургов, шахтёрских богатырей, мастеров искусства, кисти и пера, стоял и стоять будет! «Такий уже характер в шахтарів – високого донбасівського гарту!» – эти строчки, посвященные поэтом Иваном Савичем Владиславу Титову, могут примерить на себя многие герои нашего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Верю в жизнь, верю в людей» // Трудовая слава. – 1967. – 6. 04.
2. Бакуменко В. Коли у людини виростають крила / В. Бакуменко // Молодогвардієць. – 1967. – 2. 04.
3. Жарких А. Жизнь прожить / А. Жарких // Правда Украины. – 1977. 27. 01.
4. Бакуменко В., Чумак Б. Вітаю тебе, життя! / В. Бакуменко, Б. Чумак // Молодогвардієць. – 1967. – 15. 01.
5. Малахута Н. В строю шахтёрском / Н. Малахута // Ворошиловградская правда. – 1976. – 28. 03.
6. Сафарова Р. Руку друга рядом чувствуя / Р. Сафарова // Литературная газета, № 42. – 1976. – 20.10.
7. Котлов Л. Современник рядом с нами / Л. Котлов // Трудовая слава. – 1976. – 2.11.
8. Бланк. Б., Вольный О. Энергия творчества / Б. Бланк, О. Вольный // Ворошиловградская правда. – 1981. – 8.03.
9. Титов В. И вся жизнь / В. Титов // Путь на этажи. О делах и людях Ворошиловградщины. – Донецк: Донбасс, 1981. – 165-182 с.
10. Довнар Г. Всем смертям назло / Г. Довнар // Ворошиловградская правда. – 1981. – 8. 11.
11. Медников А. В центре внимания – человек труда / А. Медников // Знамя, № 8 – 1983. – 230 – 231 с.
12. Сухнев В. Достоинство / В. Сухнев // Литературная газета. – 1984. – 14. 11.
13. Пахнев Л. Глубокий горизонт / Л. Пахнев // Ворошиловградская правда. – 1983. – 13. 03.
14. Яіцький І. Письменник і життя / І. Яіцький // Література Україна. – 1977. – 8. 04.
15. Дейнегіна Т. Утвердження мужності / Т. Дейнегіна // Прапор перемоги. – 1984. – 16.11.
16. Тимофеева И. «Шахтёрская слава» – писателю / И. Тимофеева // Ворошиловградская правда. – 1981. – 21. 06.
17. Титов В. Друзі мої – шахтарі / В. Титов // Советская Украина – 1984. – 8. 07.
18. Северцев В. Продолжение темы / В. Северцев // Книжное обозрение, № 32. – 1985. – 9.08.
19. Орлов А. Как ОМОН учил дуганских шахтёров любить Украину / А. Орлов // Республика, № 35 (184). – 2018. – 30. 08. – С. 2.

Нина Ищенко

Литературовед, критик, публицист. Кандидат философских наук. Член Союза писателей АНР. Преподаватель Луганского государственного педагогического университета. Автор нескольких книг публицистики. Живёт в Луганске.

ДИОНИС ПРОТИВ АПОЛЛОНА. МАРСИЙ КАК ПРООБРАЗ ПОЭТА

Текст-расследование: почему противник бога Аполлона Марсий воплощает в себе поэтическое искусство?

Как может Марсий, противник бога поэтов Аполлона, воплощать в себе поэтическое искусство?

Поэт без кожи: вакхический или поэтический экстаз?

Людоедство, оргазм, вакхический экстаз: еще одна сторона луганской поэзии.

Существует два вида поэзии – поэзия формы и поэзия чувства, которые традиционно связываются с именами Аполлона-Феба, бога строгих форм, и Диониса-Вакха, бога вина и экстаза.

Тема поэтического искусства занимает важное место в творчестве поэтессы Елены Заславской. Рассмотрим, как она раскрывается в образе Марсия, сатира, который вызвал Аполлона на мусическое состязание. Этот эпизод лег в основу стихотворения Елены Заславской «Марсий, вызови Феба» (2016). Стихотворение было прокомментировано луганским интеллектуалом, литературным критиком Владимиром Карбанем в «Опытах пристального чтения», так что Марсий теперь связан не только с горной Фригией, где состоялось ристание, но и с Луганском, где оно воспето.

В своем критическом анализе Владимир Карбань приходит к выводу, что Марсий является вторым «я» поэта. Парадоксальным образом противник бога поэзии Аполлона воплощает в себе поэтическое искусство. Как это возможно?

АПОЛЛОН ПРОТИВ ДИОНИСА

Победивший Аполлона в ристанье на флейтах, Марсий вызвал гнев бога и был убит – с Марсия содрали кожу. Как указывает культуролог и литературовед Татьяна Касаткина, Аполлон как бог, оформляющий мир, в этом случае забрал своё – кожу, которая отделяет человека от мира, придавая ему строгую форму.

Как показывают современные исследования античной поэзии и мифологии, Марсий является воплощением Диониса, одного из самых могущественных греческих богов.

Дионис, бог вина, вдохновитель экстатического оргиазма, являлся древним грекам в разных обличиях, в его культе слилось почитание разных героев и демонов, вдохновляющих на буйство и заставляющих терять разум.

В античной мифологии Дионис и Аполлон выступают как божественные противники, враждующие до смерти, но связанные неразрывно. Даже знаменитый оракул Аполлона в Дельфах первоначально принадлежал Дионису-Вакху. Дионис похоронен в подземелье храма, но каждые два года вакханки устраивают обряд его воскресения, когда убитый бог выходит на свет, как прорастающая из земли виноградная лоза, опьяняющая и дарящая вдохновение.

Противоборство Диониса и Аполлона отражено в античной культуре, включая поэзию и музыку. Религиозное значение музыки в античности огромно. Собственно, нерелигиозной музыки тогда не было вовсе. Даже обычные флейтистки на пиру у того же Агафона символизируют жуткие религиозные ритуалы, создавая подходящий фон для бесед о божественных тайнах, которые описал Платон. В цивилизованные времена Платона эти таинства уже редко практиковались и потеряли свою страшную силу. Однако культурная память хранит все смыслы одновременно, и мы можем разобраться, какое значение имеют странные на первый взгляд подробности смерти Марсия – игра на флейте и страшная казнь в виде сдирания кожи.

ЛИРА ИЛИ ФЛЕЙТА?

Вячеслав Иванов в книге «Дионис и прадионисийство» пишет о двух видах музыки, каждая из которых имеет божественное происхождение, но воздействие их противоположно:

«Когда, по одному преданию, пиерийские нимфы Эмафиды, в состязании с Музами-Пиеридами, запели, – вся природа запела с ними и явила ей присущее всеодушевление, всеоживление; но подняли голос их божественные соперницы – и потоки вод удержали свой бег, и светила ночи остановились в небе: только Пегас ударом копыта прервал оцепенелое очарование мира... Симонид, изображая волшебную силу песнопений Орфея, говорит, что ветерок не смел прошелесть в листве, дабы не нарушить медвяной мелодии».

Эти два вида музыки связывались с двумя видами музыкальных инструментов: лирой и флейтой. Лира Аполлона погружает мир в безмолвие, создает истинный покой: «чистая гармония, которой владеют Музы, есть недвижимый покой бытия, застывшего в прекрасном богоявлении космоса». Авлетика, игра на флейте, создает оргазм и экстаз, заставляет человека и природу выходить за свои пределы и терять разум. Флейта в этом смысле является инструментом магическим и однозначно связанным с экстатическим буйством. Это соотношение мистических проекций двух музыкальных строев выражается в сказании о том, что флейта была брошена Афиной, олимпийской богиней, богиней разума, и поднята Марсием, дионисийским героем.

ЛЮДОЕДСТВО В ДИОНИСИЙСКОЙ РЕЛИГИИ

В дионисийской религии выход за пределы не только разума, но и тела проявляется в ритуалах, связанных с уничтожением телесности, разрыванием бога на части.

Одна из важнейших ипостасей Диониса – младенец, раздираемый на части титанами и поедаемый живьем. Титаны совершили преступление, убив божественного младенца Диониса, но в результате он оказался внутри их тел,

и титаны обрели божественные свойства, причастились бессмертию.

В древности ритуал пожирания божества стал залогом возрождения и возвращения на землю. Как оживает после зимы виноградная лоза, так оживет каждый причастный Дионису. Это самое главное известное грекам причастие божественной плоти и божественной силы. Таким образом, омофагия, то есть священное поедание растерзанной жертвы, была в древности религиозным обрядом из дионисова круга ритуалов.

Так, мифографы и поэты рассказывают историю о Пелопсе, которого отец его, царь Тантал, убил и подал богам на ужин, чтобы проверить их пронизательность. Боги всё поняли и не стали есть, лишь Деметра, будучи в печали из-за пропажи своей дочери Коры, мимодумно съела кусочек. Боги покарали наглого отца танталовыми муками, а сына воскресили и вместо съеденного Деметрой кусочка сделали плечо из слоновой кости. С тех пор у всех потомков Пелопса ярко-белое пятно на правом плече. Поедание ребенка, в котором участвуют боги, относит эту историю к кругу Диониса.

Сказание о Пелопсе – позднее свидетельство той поры, когда в религиозных целях практиковалась омофагия. В нем уже видна попытка дать разумное и цивилизованное объяснение присутствию богов на таком пиршестве, им приписываются благородные мотивы, всячески демонстрируется, что они не имеют к этому отношения. Но само место действия и собранные в этом месте персонажи показывают, что перед нами древний страшный ритуал. Еще одно явление дионисийского героя мы находим в мифе о Тезее.

ДИОНИС, ТЕЗЕЙ И АРИАДНА

Дионис был издавна связан с Критом. Как показывает Кереньи в книге «Дионис: прообраз неиссякаемой жизни», Дионис на Крите был Зевсом небесным и подземным, то есть Зевсом и Аидом, царил над живыми и особенно над мертвыми. Лабиринт, в котором Тезей нашел и победил Минотавра, это известный многим культурам символ смерти. Вряд ли создатели доброго советского мультфильма о Тезее думали

о хтонической ипостаси Диониса, однако они сохранили эпизод о том, как Дионис отобрал Ариадну у Тезея, и сохранили тем самым память о древних критских ритуалах.

Мэри Рено не упустила изобразить такой вакхический ритуал в своем великолепной романе «Тезей». Именно после участия Ариадны в обряде дионисийской омофагии на Наксосе Тезей оставляет ее на острове. Сын Посейдона знает, что нарушил клятву и будет за это наказан в царстве Аида, но как человек нового мира он не может сохранять у своего народа тот древний хтонический ужас, в котором Ариадна не видит ничего страшного и чувствует себя как дома. Окружающим Тезей объясняет свой поступок тем, что ему явился Дионис и потребовал оставить в покое его невесту, и это на самом деле правда.

Позднейшая рационалистическая трактовка этого союза Ариадны с Дионисом заключается в том, что Ариадна спилась от горя. Однако Дионис столько же связан с вином, сколько с раздиранием на части и пожиранием. Разновидностью раздирания на части является сдирание кожи – древний религиозный ритуал религии Диониса.

МАРСИЙ, ТОГО ЛИ ТЫ ВЫЗВАЛ РИСТАТЬСЯ НА ФЛЕЙТАХ?

Теперь мы можем по-новому взглянуть на историю Марсия, воспетую Еленой Заславской. Марсий играет на флейте, и с Марсия сдирают кожу, то есть разрывают его на части. Обе эти черты однозначно связывают Марсия с Дионисом. Флейта – музыкальный инструмент, вызывающий вакхический экстаз. Разрывание на части – отличительная черта дионисийского ритуала. Марсий – это ипостась дикого Диониса, который своей могущественной музыкой разрушает всё разумное и гармоничное.

Вот в чем причина враждебности Аполлона к Марсию: бог света и разума, дающий всему форму, не терпит экстаза и природного буйства. Марсий претерпевает судьбу Диониса. Игра на флейте, оргазм и экстаз выносятся за границы иерархии мусических искусств, однако не могут быть уничтожены.

МАРСИЙ НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР

Как пишет Владимир Карбань, в стихотворении Елены Заславской нельзя не заметить восхищения попытками Марсия дойти до предела, бросить вызов богу. Также и в античности есть мифы, в которых Марсий наносит ответный удар.

Известна история, в которой музыканта разрывают на куски – это история об Орфее. Орфей знаменит тем, что благодаря своей музыке вышел живым из царства мертвых.

Путешествие Орфея в подземный мир за женой Эвридикой завершилось тем, что он не смог ее оттуда вывести, однако сам он вернулся, и не потерял памяти, и не переродился в другую форму, как перерождается зерно, чтобы воскреснуть. Орфей как человек, избежавший смерти и живым вышедший из ада, стал главным символом древнегреческого религиозного движения орфиков. Орфики надеялись найти музыку и ритуал, который поможет им повторить деяние Орфея. Орфическое учение повлияло на Платона, орфики – положительные герои знаменитого советского романа об античности – «Таис Афинская» Ивана Ефремова. Это целая традиция, однако сейчас не о ней.

Орфей умер, растерзанный вакханками, служительницами Диониса. Орфей – кифаред, лирник, он играет на лире замиряющую музыку, он служитель Аполлона. В лице Орфея отмицается Дионис-Марсий. Уравновешенная музыка формы замещается чувственной стихией экстаза.

МАРСИЙ В ЛУГАНСКЕ

В стихотворении Елена Заславской «Марсий, вызови Феба!» Марсий выступает прообразом поэта, который, оставшись без кожи, чувствует «красоту и уродство этого мира», а состязание с Фебом и жестокое наказание переосмысливаются как поэтическое вдохновение, посланное Фебом, дающее возможность человеку изобразить в слове наш человеческий мир.

В стихотворении Елены Заславской о Марсии есть строки:

Марсий, вызови Феба!
Он требует полного возгорания,
Ты осознаешь не сразу,
Что можно выйти за рамки
Только
На пике экстаза!

От поэта выхода за свои пределы требует Феб, однако по сути это является описанием дионисийского экстаза. В этих строках поэтически совпадают Феб и Дионис, что является одной из мистериальных тайн древнего дельфийского оракула.

Таким образом, античная мифология подтверждает интуицию луганского критика Владимира Карбана: противник Аполлона Дионис гибнет, но вносит свой вклад в создание поэзии. После своей страшной гибели Дионис вечно возрождается, чтобы начать всё сначала, чтобы доказать бессилие смерти и могущество подлинной эмоции. Аполлон дает форму этой силе экстаза, и в этом единстве противоположностей заключается подлинная сила поэзии.

Олег Стельников

Поэт, литературовед. Член Союза писателей АНР. Живёт в Луганске.

КОНЦЕПТ «ЗИМА» В ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Япония как страна с уникальной, самобытной культурой, языком и менталитетом представляет большой интерес для изучения. В отличие от её материальной культуры, в наше время хорошо исследованной как западными, так и отечественными исследователями, количество авторитетного научного материала по японской духовной культуре (и её наиболее глубинной части, напрямую связанной с языковым кодом и существующими в нём концептами) по-прежнему остаётся скудным. Отсутствие таких наработок заметно усложняет жизнь иностранцам, по долгу работы или учёбы связанным с языком и культурой этого государства. По мере того, как глобализация и технический прогресс объединяют всё население Земли в единую культурную общность, таких иностранцев становится всё больше.

Крайне важно при межкультурной коммуникации осознавать принципы, согласно с которыми соотносятся между собой концепты в разных культурах. Под концептом в филологии и лингвистике (и в специализированной научной отрасли под названием «концептуальная лингвистика») понимается единичная, «атомарная» единица, входящая в состав языковой картины мира того или иного этноса, народа, нации – либо отдельного человека. Объектом рассмотрения данной статьи выступает концепт «Зима» в японской культуре. Внутри объекта выделяется его предмет – в качестве такового определяется символическое значение зимы (冬 [fuyu]) в классической и современной культуре Японии.

Японская трёхсоставная письменность, которая наряду с двумя слоговыми азбуками (хираганой и катаканой) включает в себя китайские иероглифы (кандзи), порождает самобытное «иероглифическое мышление», характерное для всего

японского народа. По причине такого комплексного устройства японской письменности, первым шагом при анализе концепта «Зима» должен стать анализ соответствующего знака кандзи.

Понятие зимы обозначается в японском языке иероглифом 冬, имеющим онное чтение [tou] (адаптация оригинального китайского чтения dōng) и кунное чтение [fuyu]. При разборе иероглифа 冬 устанавливаем, что он состоит из радикалов 夂 ([chinyou] или [fuyugashira], собственно «зима») и «две капли» (считается вариантом радикала «лёд» – 冫 [nisui]). Простота начертания свидетельствует о древности данного кандзи.

Обращаясь к истории иероглифической письменности в Китае и Японии, можно проследить тенденцию: сложность структуры иероглифов всегда росла по мере усложнения передаваемых понятий и концептов; концепт же «Зима» при всей его многогранности не может считаться сложным или абстрактным, при этом человечество было знакомо с ним с древнейших времён.

Иероглиф 冬 достаточно часто используется в качестве радикала. Его можно встретить как компонент в семи других иероглифах.

В большинстве знаков он выступает как фонетик – радикал, передающий иероглифу онное чтение [tou] (в 4 случаях) или [shuu] (в 3 случаях). В качестве детерминатива этот кандзи не встречается.

Из этих семи знаков только один имеет такое же широкое употребление, как собственно 冬. Это «конец» (終 [shuu] / [owaru] / [owari]). Значение этого иероглифа для японской культуры, пронизанной синто-буддистским понятием о цикличности жизни и смерти, начала и конца, переоценить невозможно.

Кроме значения «заканчивать», этот же знак может иметь смысл «весь» («всю ночь», «весь год», «всю жизнь»), приобретая в том числе возвышенное значение (как в сочетании 終夜 [yomosugara] – «всю ночь напролёт»). В структуре этого иероглифа 終 (糸 [ito] «нить» в качестве детерминатива, 冬 «зима» в качестве фонетика онного чтения [shuu]) отображаются представления древних китайцев и японцев (и первые, и вторые на заре своей истории – земледельческие «рисовые культуры») о зиме как завершении всего. Детерминатив

«нить» свидетельствует о тенденции (возможно, общечеловеческой, а не только японской и китайской) видеть время как нечто протяжённое, способное «виться», «растягиваться», «разматываться».

Замеченная здесь связь концепта «Зима» с концептом «Время» и присущей времени цикличности – неслучайна. Понятие о цикличности сезонов – это одно из первых понятий о природе, усваиваемых человеком в детстве. И особенно речь идёт о детях из семей земледельцев. Известно, что именно аграрной страной оставалась Япония до революции императора Мэйдзи. Весь ритм жизни японского крестьянина был подчинён ритмам окружающего мира. Отголоски этой особенности сохраняются до сих пор даже в быту городских жителей.

Географическое положение обеспечило Японию мягким, влажным и достаточно тёплым климатом. Для Японских островов не характерен ни суровый климат, ни чрезмерно холодные зимы. Температура в большинстве префектур никогда не опускается ниже нуля, и практически нигде в стране нет центрального отопления. Традиционные японские дома рассчитаны на защиту жильцов от летней жары, а не от холода. Как результат, зимой внутри держится почти уличная температура. Даже в наши дни, несмотря на наличие электрообогревательных приборов, большое значение сохраняют котлацу (столлик-обогреватель в центре комнаты, исторически жаровня) и фуру (японская баня).

Итак, влияние сезонности ощущается в быту японцев повсеместно. Именно такой тесной вовлечённостью в природные процессы можно объяснить некоторые аспекты национальной религии синто («путь богов» / 神道 [shintou]): собственным kami (богом, божественным началом) обладает буквально каждый предмет или существо в мире.

Очарованию природы в тот или иной сезон (в том числе в зимний) посвящено множество произведений японского искусства – начиная с периода Хэйан, заканчивая новым и новейшим временем. Зима становилась сюжетом для поэзии, картин и каллиграфических шедевров. Уже тогда сформировалось двойное отношение к символике зимы и снега. Чистота, совершенство, важное для буддистов отсутствие суетности – всё это ассоциировалось со снегом. Снег, луна

и цветы (雪月花 setsugetsuka) считались идеальными образами для созерцания и для изображения в искусстве.

Образ мышления этноса не является «вещью в себе», а определяется отражённой в людском сознании материальной действительностью. Он становится результатом предметной деятельности, отражённой и преобразованной в соответствии с законами общественного сознания. Можно сделать вывод, что японский образ мышления – это результат целого комплекса условий: исторических, климатических, материальной культуры, мирных или насильственных контактов с соседями. В случае Японии такие контакты были довольно редки и ограничены: повлияло изолированное географическое положение.

Метели, заснеженные леса и горы, заметённые поля, сугробы на соломенных крышах – с давних времён зимняя природа воспевалась множеством авторов, будь то в трёхстишиях хайку или в пятистишиях танка.

Другая, более тёмная, более печальная сторона этого сезона хорошо известна была крестьянам, для которых зима означала холод и голод. Страх перед холодом ясно отразился в устном народном творчестве – воображение японского народа создало ёкай* под названием юки-онна, «снежная женщина» (雪女).

Образ юки-онны – персонифицированной метели и мороза – так же противоречив, как символическое значение зимы в целом. По легенде, этим одновременно прекрасным и жестоким существом становится дух погибшего в метель человека. Юки-онна может нападать на путников, замораживая их насмерть, но при этом может и защитить от холода того, кто ей приглянётся.

Анализируя современную интерпретацию образа «снежной женщины» в массовой культуре, можно сделать вывод о том, что основой для неё стала героиня рассказа Лафкадио Хирна «Юки-онна» из сборника «Квайдан».

Образом «снежной женщины» также может быть вдохновлён и целый типаж героинь кудэрэ** в современном аниме

* Ёкай (妖怪 [youkai]) – самобытная категория призраков и нежити в японской мифологии.

** Kuudere, васэй-эйго от куши (англ. cool) + дере (англ. dear).

и манге, сложившийся в девяностые годы XX столетия. Персонажи такого типа ассоциируются с традиционным образом молчаливой, скромной и верной японской красавицы.

Интересным примером появления типично «кудэрного» персонажа в литературном произведении, вышедшем задолго до образования аниме и манги как вида искусства, служит Макиока Юкико – центральная героиня трёхчастного романа Дзюнъитиро Танидзаки «Мелкий снег». Юкико, с её снежным именем, неизменной собранностью, деликатностью и прочным внутренним стержнем, можно считать истинно японской героиней – не даром в тексте не раз подчёркивается, что кимоно идёт ей гораздо больше, чем европейская одежда.

Проанализировав место концепта «Зима» в японской языковой картине мира, можно установить, что данный концепт в японском языке, как и в других языках мира, при отдельном рассмотрении принадлежит к числу «простейших». Установлено, что в японском языке присутствует крайне широкий спектр идиом, фразеологизмов, ассоциаций, связанных прямо или косвенно с концептом «Зима». Причиной этому служит богатая культурная традиция (как собственно японского происхождения, так и заимствованного). Безусловно, влияние оказало синто-буддистское синкретическое мировоззрение японского народа.

Это исследование открывает путь к дальнейшему изучению символических значений, присвоенных народом и авторами данному концепту.

ПОЭЗИЯ

Ольга Жогло

Поэт, публицист. Член Союза журналистов России, участник «Клуба покровских гениев» (Энгельс). Публиковалась в журналах: «PERSONA» (Москва), «Атмосфера» (Москва), «Волга-XXI век» (Саратов), альманахах: «Литературный Саратов» (Саратов), «Нетерпеливые строки» (Саратов), «Другой берег» (Энгельс), «Иной взгляд» (Энгельс), «Книга мира», «Лира дружбы», коллективном сборнике «Поэзия, объединяющая мир...» (Саратов) и других изданиях. Лауреат ряда литературных конкурсов и фестивалей. Живёт в Энгельсе.

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ЦИКЛА

«ВЫШЕ СЛОВ»

* * *

Пусть задирают головы праздные,
Пусть открываются рты у зевак –
В небе, свободу полёта празднуя,
Три самолёта – особенный знак.

Мчатся звеном, сорванцы весенние,
В сердце царапиной свежей садня...
Благословенно будь, дерзновение
В небе летающих ради меня!..

Люди, по зимней привычке сонными,
Взглядами смотрят, забыв про дела,..
Крыльями счёты сведя с препонами,
Это весна в наше небо вошла!

Что там «вошла»! Ворвалась отчаянно!
Не постучав, не нажав на звонок...
Как на поляне – струной проталина,
Стрелами в облаке – след их дорог...

Небо проткнули острыми спицами,
Гулом, бравурнее во сто крат...
...Просто в окне моём – репетиции,
Скоро Победа, воздушный парад...

САМОЛЁТЫ

Что в тихой гавани может случиться?
Но налетели железные птицы,
Звуком проткнули безмолвные дали,
Белым по синему порисовали.
Небо смущённое взяли испугом,
Располоснули отточенным плугом,
Клочья оставив от облачной плоти,
Как на добычу, рычали в полёте,
Плоскость поставив ребром: или – или,
В небе растерзанном всё изменили...

Птицы, кричащие голосом стали!..
Крылья натружены, но не устали,
Их организм до болта рукотворен,
Им не насыплешь отобранных зёрен,
В панцире ярко-серебряной брони,
Их не покормишь со щедрой ладони,
Не приворотишь по ведьминским книгам –
Жажда свободы привычнее «МиГам»,
Не поклюют, своеправные, крошек,
Не продадутся за ломаный грошик...

«Петля» разлуки – за смелость расплата...
Может, душа моя тоже крылата?
Может, взлетать ей со взлётной площадки
С вами в одном неразбивном порядке?
Может, лететь ей, как Финисту в сказке,
С вами в одной нераспаянной связке?
Может, вираж ей закладывать круто,
Птицей стальной показавшись кому-то?
И оставлять ей, небесной бродяге,
След за собой на прозрачной бумаге...

«РУССКИМ ВИТЯЗЯМ»

*Авиационной группе высшего пилотажа
237-го гвардейского Проскуровского Краснознамённого орденов Кутузова и Александра Невского Центра показа авиационной техники (ЦПАТ) имени И.Н. Кожедуба
«Русские Витязи»*

Неба русского художники и стражники,
Выше слов нас возвышающей мольбы,
Словно авиа-жар-птицы, пилотажники
Для России чертят линии судьбы...

Не загадывая подвиги заранее,
Знай, полёт непредсказуемее схем,
«Русский Витязь» – не профессия, призвание!
И не легче, чем корона, лётный шлем!

Амплитудны расцветающие линии
В голубом просторе – не в густом лесу...
Видишь? Там, над головой, небесно-синие,
Истребительно-художественны «Су»...

КО ДНЮ ДАЛЬНЕЙ АВИАЦИИ

Взлёт – как рождение, только момент,
Миг – и прорезана в тучах прямая...
Мчатся драконы новейших легенд,
Крыльями город с небес обнимая,

Мчатся – секретный покровский «покров» –
В далях манящих пути обновляют...
Красноречивее тысячи слов
Крылья, которые нас вдохновляют,

Рокот моторов торжественней месс –
Эхо салюта Великой Победе...
Светлое воинство русских небес –
«Лебеди»-звери и птицы-«медведи»!

Так создавайте легенды «с нуля»,
Всё поборов, одолев и осилив!..
Чтобы была безопасна земля,
Не преклоняйте сверкающих крыльев!

Не опускайтесь со взятых высот –
Вами, как чудом, любитесь город...
Для прославляющих мужество од
Чаще давайте на практике повод!

Владислав Кузьминных

Поэт, прозаик. Родился в 1997 году. Член Союза писателей АНР. Живёт и работает в Луганске.

КОРАБЛИ

Флот любви отплывает от гавани,
направляясь к своим берегам.
Слава безумию! Слава плаванью!
Слава всем кораблям!

Слава же всем достигнутым!
Слава достигшим цель!
В монумент корабли воздвигнуты,
едва лишь нащупав мель.

Сколько бы там ни пророчили
эту гибель самой любви,
погляди, как в шторм, разворочены,
плывут её корабли.

О вы, хлебнувшие горя
от разлуки и от потерь,
не ваши ль губы шептали:
«Моря, моря...»
и хотят ли его теперь?

Ветрами же, небом данными,
наполняемы паруса любви.
Не морями ведь – океанами!
Измеряются корабли.

Увлекаемы слишком пёстрыми
очертаньями горизонтных лент,
как же часто всякий остров мы
принимаем за континент.

У любви есть линия судоходная,
алой сделалась там вода.
И не сбиться мне! Путеводная
надо мною горит звезда.

Слава тоскующим! Слава отчаянью!
Всё что было отнюдь не зря.
Вот мы у цели! Вот мы причалили!
Бросить всем якоря!

Смерть придя, от меня устанет!
Ей дан был плот,
а мне корабли!
Когда же меня не станет,
останется только флот
огромной
моей
любви.

* * *

Время никому не врач,
памяти не извлечь.
У чувств иной палач –
нехватка встреч.

Время никому не врать,
в том числе – себе.
Отойти, в сторонке встать,
и неважно где.

Время никому не враль,
у него другой мотив.
Просто так ржавеет сталь,
время не опередив.

ГЕОМЕТРИЯ ЛЮБВИ

Любовь как геометрия –
не теряется в самости.
Асимметрична в своей симметрии,
изогнута
в своей же прямоте.

Любовь неосознана и сознательна.
Не имея спроса, она имеет
нужность.
Любовь пройдёт как касательная,
еле задев
окружность.

Никем не замечена в грешности,
любовь начинает распутствовать
-как правило-
с уст!
Умножь ширину моей нежности
на длину присутствия
и получится площадь
чувств.

Любовь – доброта беспредельная,
но при всей её жёсткости.
Мы с тобою – две параллельные
на этой плоскости!

Пересечения наши разорваны,
заполнены все пустоты. –
Нас не вычислят формулы,
и не возьмут расчёты.

Мы ждём рокового слова,
ждём, когда сменится тема.
Любовь – всегда аксиома!
Любовь – всегда теорема!

Любовь ведь не только любовник!
Она же и к другу,
и к брату.
Мы чертим её треугольник
по кругу,
танцуя в нём –
по квадрату.

PRESTO

Говорил же, не падай в меня,
я – бездна.
Так бывает – становится тесно,
и никаких нет
«во имя»,
«вместо».
Просто стало неинтересно,
пресно.
Говорят, весна идёт
и льды уступают место –
поскорее бы,
presto,
presto...

Любовь Бондаренко

Поэт, прозаик. Родилась на Кубани. Член Союза писателей ЛНР, член Интернационального Союза писателей. Автор 6 книг для взрослых, 10 для детей. Широко публиковалась в литературных сборниках и периодических изданиях ЛНР и России. Награждена медалью Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» (Москва, 2018), юбилейной медалью Интернационального Союза писателей к 65-летию организации. (Москва, 2019), ювелирным памятным знаком Союза писателей ЛНР «За вклад в русскую литературу Донбасса и служение обществу» (Луганск, 2020). Живёт в Свердловске.

ПРИТЧА О БОГЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

Сказал однажды робко человек:

– «Со мной поговоришь, Господь, иль нет?»

Вдруг травы всколыхнулись все в степи,

Но не были замечены они!

И снова громко молвил человек:

– «Со мной поговоришь, Господь, иль нет?»

Вдруг громко в небе гром пророкотал,

А человек его не услышал.

Он снова оглянулся и сказал:

– «Господь, так сделай, чтобы я тебя узнал!»

И ярко в небе вспыхнула звезда,

Не узнана была им и она.

Вскричал на Бога снова человек:

– «Пошлешь ты мне видение, иль нет?»

Жизнь расцвела, как раннюю весной!

Запахло свежей зеленью, травой.

Заплакал горько, горько человек:

– «Так есть на свете Бог ты, или нет?»

Разверзлось тут небо жуткою грозой!

...Что толку Богу говорить с тобой?!

МЕЛОДИЯ В НОЧИ

Соткала нити серебра луна-колдунья,
По небу звезды-жемчуга и полнолуние,
Звучит мелодия в ночи, играет скрипка,
Смычок выводит виражи на стане гибком.

Играла музыка в ночи, душа летела,
Ей не спалось, ей не спалось – она запела.
Звучит мелодия, звучит – врачует душу,
Своим дыханием боюсь её разрушу.

Звучит мелодия в ночи – и ведь не знает,
Что так прекрасна и нежна, и вдохновляет,
Врачует души и сердца бальзамом нежным,
И как она нам всем нужна, нам – в мире грешном.

В ладони звезды не собрать – они как ноты,
И как мелодия любви лететь готовы,
И вот уже луна в реке умылась утром,
Уходит ночь, рассвет сияет перламутром.

А за окном опять весна, а мне не спится,
Звучит мелодия – души бутон раскрылся,
Она как роза расцвела, о, как прекрасна,
Звучит мелодия в ночи – все не напрасно.

ЛУГАНЩИНА МОЯ

Луганщина моя, живи и процветай,
Благополучия тебе, достатка,
Березово-каштановый, горняцкий край
И люди здесь живут не робкого десятка.

Пшеница колосится на твоих полях,
Кольшет нива, словно волны в море,
И сильная Россия у тебя в друзьях
И признана, надеюсь, будешь вскоре.

Республика моя! Ведь гордый твой народ
В кулак собрался, защитил себя,
И мирным людям дел невпроворот,
Не пустит больше на порог врага...

Луганщина моя, калины алой край,
Ажурных облаков, туманов и рассветов,
Тебя мы любим, защитим всегда, ты знай,
Для мирной жизни нет у нас запретов.

С ЮБИЛЕЕМ, РОДИНА, С ПОБЕДОЙ!

Взвился когда-то над Рейхстагом
Страны победный алый стяг,
А у подножья Бундестага
Герой отец был твой, иль дед!
Забуть героев невозможно
Сложивших голову в войне,
И на душе чуток тревожно
Ведь напирают вновь из вне...

Припев:

С юбилеем, Родина, с Победой!
Мы горды тобою, как всегда!
Прославляя воинов-героев,
Салютует гордая страна!

А к юбилею ветераны
Надели снова ордена,
И хоть у них и ноют раны
Но, ведь – Победная весна!!
Цветок победы в сорок пятом-
Сирени скромненький букет,
Как символ над врагом распятым
В строю Победы много лет!

Припев:

И славим мы героев снова,
Гремит салют, идет парад,
Врагам не будет отступного
Закон поныне этот свят!
А кто с мечом придет к нам, знайте
Погибнет сам же от меча,
Вы эту истину познайте,
У нас – Победная весна!

Драгана Мрджа

Поэт. Родилась в Боснии. Стихотворения в переводе на русский публиковались в альманахе «Крылья» и сборнике «Выбор Донбасса». Живёт в Белграде.

СОКОЛ

Когда по острию ножа,
как по краю моста,
в Ночь прощения Лейлет-л-берат*
перешел ты в мир иной, –
была ли смерть твоя, как милость?

Прошла ли боль?
На том печальном грудном перекрестке,
среди холмов,
где камень воду крестит, а вода камень потчует,
перестало ли болеть,
Мехмед-паша Соколли?

Слышал ли ты колокольный звон из Добруна?
Иль из Царевой мечети печальный призыв?
Пока в священный месяц перед рамаданом
Ангел смерти записывал все о твоей душе,

Путь за твоей спиной поседел от страха;
ты чист пред чужим грехом –
соколом в облаках, одиноким среди людей,
кем ты был – Баицей или Мехмедом?
Видишь ли, Сокол, с той высоты

* *Лейлет-л-берат: пятнадцатая ночь месяца шабана (восьмого месяца мусульманского календаря). Называется «ночью прощения грехов». По верованиям мусульман, в эту ночь Аллах освобождает от греха огромное количество людей. Открывается Книга судеб и ангелы (мелеки) начинают писать судьбу человечества и отдельных людей.*

лето Господне наших дней:
как на отмели, усилием Дрины и рук,
возводится город всех городов?

Эх, почему только я не Эвлия-летописец,
мастер преувеличений!
Сжечь бы глаголом молчанье твое,
безмолвье твое!
Слово мое бы взлетело, как сокол с плеча,
и принесло б, как добычу в руки сокольнику,
бодрствующему на мосту
что сложен из камня и времени, –
мир и покой в душу мальчика-янычара.

СОКО

Када си по оштрици ножа
као по ивици моста
прешао у други свијет
у Ноћи опроста Лејлету-л-берат
Као милост дође ли смрт?

Да ли је престало да боли?
оно тужно раскршће у грудима,
међу брдима.
где камен воду крсти, а вода камен гости
Мехмед-паша Соколли,
да ли је престало да те боли?

Зачу ли звона из Добруна?
Ил' с цамије Цареве тужни езан?
Док мелек смрти ти биљежи душу
у мјесецу часном, пред рамазан

За тобом стаза од страха осижедила;
очишћен пред тужим гријехом
соко међ' облацима, сам међу људима
да ли си био Бајицом или Мехмедом?

Видје ли, Соколе, из висина
Љето господње наших дана
у којем на спруд, руке и Дрина
наносе и слажу град на градовима

Ех, што нисам Евлија
хроничар сваког претјеривања
да сагорим глаголом и имненицом
све тишине твоје, и сва ћутања

Да ријеч ми полети, соко са рамена
донесе ко плијен руци соколара
док бдије над ћупријом од времена и камена
спокој души дјечака јањичара.

Александр Сериков

Поэт. Родился в 1975 году в Челябинске. Стихотворения публиковались в российской периодике. Автор книги стихов «Слова, способные видеть» (2003). Работает преподавателем в Южно-Уральском государственном институте искусств имени Петра Ильича Чайковского. Живёт в Челябинске.

ПОКОЛЕНИЕ Z

Когда время сгущается в сумрак
монитор раскален докрасна.
Я в контакте более суток
без сна.

Обновил посты в ленте и на стене,
лайк поставил, понравилась аватарка.
Раньше бы встретился с ней на скамье
в парке.

У меня любовь строго он-лайн,
в сети полно незнакомок.
Не то, что раньше, сел на трамвай,
проводил только одну
до дома.

А сейчас видишь, Тамара пишет...
Интересно, что она там сказала,
а раньше только и слышал:
проводи меня до вокзала...

Постишь новости, смотришь мемы,
в Тик-токе видео новые от Милохина,
а раньше что, читал бы Лема
«Солярис» или «Магелланово облако».

Люблю сериал Игра престолов
Дейнерис мать ее Таргариен,
не нужны больше Астор Пьяццалла
и Юрий Гагарин.

Музыку разную скачиваю
на вкус любителя:
Инстасамка, Джизус и Клава Кока,
а раньше дядька в порванном кителе
слушал «Нирвану»
громко!

Полно друзей в Инстаграмм и Facebook,
случайные незнакомые,
есть ники из Гродно, Вермонта, Ипсвича,
подписчики мои подхалимчики,
откуда взялась еще тысяча?

Ты в тренде, треки на Муз-ТВ,
туфли,
кроссовки модные на платформе.
Три даблю WWW – шифр поколения Z,
«цифра» в квадрате и в корне.

Были раньше мифы и Боги,
титаны русские классики,
но их победили обычные блоггеры
Васи, Пети и Стасики...

2021

ЧЕЛЯБИНСК

Я люблю этот город, в котором живу.
Сквер Андреевский,
Пушкинский сад.
Над Челябинском небо свечью горит,
метеоры летят в Танкоград.

Город детской мечты
восхваляю тебя,
ослепительный Южный Урал!
Здесь по Кировке с внуками ходят деды,
а отцы на заводе «Сигнал»
фейерверки, петарды пускают, поют,
а их жены одеты в меха.
Всех, кто счастлив и весел,
угрюм поутру,
славлю звонкой струною стиха.

Край озер и лесов
город снов и чудес.
Здесь и Смолино соль и Шершни.
Краеведческий русский огромный музей
и Миасса худые клешни.

Здесь на площади в дождь собирают флеш-моб
и воздушных шаров кутерьма.
Улыбается миру челябинский смайл,
и сквозь прутья сияет тюрьма.

Здесь на улицах чисто, повсюду цветы,
одуванчики и тополя.
Здесь мой садик и школа, трава и мосты,
под ногами родная земля.

Город смога и смеха,
проката и стали
металлурга могуча рука.
Сто одиннадцать метров
дома вырастали, извиняюсь,
один лишь пока.

Есть Пятерочка, Дикси, Магнит и О'кей
да совсем не уральский Ашан.
Кому скидки и слитки, кому на хоккей,
а кому надают по ушам.

Здесь поющий фонтан,
новый путинский пляж
даже берег и тот солнечный!
Был завод часовой, а теперь ТРК
магазины полны и кучны.

Я люблю этот город ночных фонарей
светофоров, пылающих звезд.
Здесь такси и маршрутки гоняют быстрее,
так что кожа слезает с колес.

Всё: и лужи твои бесконечно люблю,
и пурпурно-малиновый снег.
Когда бромом пропитаны легкие все,
я с улыбкой пешком иду в цех.

Комсомольская площадь, электродепо,
гул, тоннелей железобетон.
Верю, будет, когда мне за 70 лет
я смогу прокатиться в метро.

Мой Челябинск любимый,
родной Танкоград,
небо выколет шпиль ЮУрГУ!
Здесь родился и вырос.
Я этому рад.
Я отдам тебе все,
что смогу!

2021

ПРОЗА

Иван Привалов

Прозаик. Подполковник милиции в отставке. Выполнял служебно-боевые задачи по восстановлению конституционного порядка и разоружению незаконных вооруженных формирований на территории Северного Кавказа. Награждён орденами и медалями. Как писатель публиковался в периодике России и АНР. Член Союза писателей АНР и Союза писателей России. Автор сборника очерков и рассказов «Самый западный день» (2018). Живёт в Балтийске Калининградской области.

ОЗЕРО

Есть такие места.
Сокровенные.
Незабываемые.
Места-открытия.
Места-острова.

Путь к ним лежит через сердце. Через лабиринты и извилины разума в чащи и завалы памяти. К ним можно. Но иногда и не надо, и не нужно трогать, то, что дорого, памятно, знаково. О них забывают. И достают свои воспоминания, как бриллиант. Редко. Полюбоваться. Посмаковать. Пережить. В тишине. В одиночестве. Практически и всегда...

А хочется пройти. Прийти. Привести. Как к алтарю. С дрожью и нежностью. Звонящей струной души...

У каждого...

Вот один такой остров и затерян в лесах моей памяти под маленькой станцией Ерцево. Среди шумящих морем лесов Севера, вдали от песен выбиваемых чугунными колесами вагонов и поездов, рёва военных машин и лая собак. Среди далёкой и перевозданной тишины...

Это лето началось как обычно. Со смеющихся ручьёв воды; падающих, звонящих сосулук; с грохота сходящих снежных

лавин, оставляющих без печных труб враз опустевшие крыши; затопленных и плавающих в огромных талых озёрах, почерневших от времени деревянных мостков; в одно утро вспыхнувших ковром, в лесу жарких – лесных северных подснежников.

Это на юге пять градусов тепла – холод, а тут на севере, и позагорать можно. Тепло, но опасно. Обманчива природа. Но появились у домов серые столбы мелких зудящих комаров – всё! Лето! Весна прощается – разливается озёрами и морями. Быстро и ненадолго. Лёд на реке потрещит, потрещит да и поплывёт по бурлящему течению в неведомые страны – до первых кустов ивняка. Там и шумит, и стонет, и поёт. Пока не пропадёт, не иссохнет, не выплachtetся. Никто и не увидит. Всё быстро. Лето же. Маленькое, внезапное и жаркое.

Витька Яров, прибежит, посвистит у окна. Лохматый, чумазый, шустрый, смешливый и весёлый. Со шлейфом из местных пацанов и девчонок. Выманит на улицу, и мы уже бежим к реке. В надежде успеть на эти льдины. А кому не хочется покататься на огромной, в метр толщиной, а то и поболее, льдине? А! Не успели! И хорошо. А то, после того как с парашютом, сделанного из мамино зонтика, прыгали с моста, мягкое место – точка приземления, болело долго. Зонтик сломался, мне задницу ремнём надрали, а ему ничего – он на другом конце посёлка живет. А вообще, с ним интересно. Всё и всех знает. Где, что и как – помнит. Со всеми... Да он и с собаками-то общий язык находит, что там про людей говорить. В школе этому не учат. Это природа.

Лето бежит быстро. Каникулы ещё быстрее. А когда на дворе сплошной день? Когда бегаешь, бегаешь, а темнее не становится и не становится? Воды из колодца дырявым полуржавым ведром наберешь, напьешься, пока зубы не застынут, и снова бегать, оставляя жестянку на скамье брызгать тоненькими струйками-фонтанчиками и сочиться на радость пчелам. Устаешь, ноги заплетаются, падаешь, а домой идти жалко – светло же! А придёшь домой, а на часах уже утро. Нырнёшь под одеяло по-тихому, чтобы никто не увидел и спишь до обеда. И так всё лето, до сентября. За лето – всё и везде. И купалки, и рыбалки, и банки, и ножички. От Ерцевской плотины, до коровников Пятнадцатого посёлка. Время бежит быстро. Мама все чаще напоминает о школе. А тут

по программе «Время» объявили о том, что скоро на нас упадёт солнечное затмение! Ну не совсем упадёт, но приключится. Вот вы видели его? Затмение? Мы – нет. Но загорелось. Очень. Книжки про то, как и что происходит, как и куда смотреть, прочитаны. Осталось дожидаться. А тут Витька:

– Неинтересно!

– Что не интересно?

– Ну, увидим. И что?

– Как что? Затмение солнечное! Оно же бывает ооочень редко! А мы увидим!

– Правильно! Ты увидишь, я увижу, все увидят!

– Тебе что, жалко, что ли? Пусть видят!

– Да не! Пусть смотрят. Не жалко. А вот в школу придём и будем писать сочинение: «Что я делал летом». Каждый год заставляют писать одно и то же. А тут затмение!

– Ну и напишем про затмение!

– Вот так все и напишут. И будет у всех опять одно и тоже сочинение.

– Ну и пусть.

– Ну, должно же что-то в памяти остаться?

– Затмение и останется!

– Вот оно у всех и останется. Одно и тоже. А хочется, чтобы наше было лучше.

– Вить! Ну как ты сделаешь для нас другое затмение? Оно у всех одинаковое. Солнце оно одно!

– Да... А давай мы пойдем на рыбалку, и на рыбалке встретим затмение?!

– Рассмешил! Ну, будем сидеть на реке у моста, как два дурака, и смотреть. А на мосту полпосёлка сядет. Да мы за ними даже неба не увидим.

Витька помолчал. А потом выдал:

– А мы на речку не пойдём! Мы на озеро пойдём.

– Какое ещё озеро?

– Онтяповское! Тут недалеко. Там и рыбы много. И затмение никто не помешает смотреть. Вот и будет у нас солнечное затмение на рыбалке! И такого, ни у кого не будет.

– Что-то я о таком и не слышал...

– Да здесь недалеко! Я знаю!

– Родители не отпустят...

– Отпустят! Ты своим скажешь, что пойдёшь со мной,

а я своим, что с тобой! Точно отпустят!

– Ага! Непонятно, куда. Непонятно, зачем. Неизвестно, насколько. Это куда идти надо?

– Да это в лесу. Мы заодно и грибов собираем! Там знаешь, какие там грибы?! Выше берез!

– Ага! Как только я маме расскажу про грибы выше берез, она меня в больницу отвезёт, а не на озеро!

– Ты что! Не веришь?!

– Да, конечно, нет!

– Хочешь, поспорим?

– Да не хочу я с тобой спорить! Про солнечное затмение попробую, а про грибы не скажу. Ты своим тоже не говори...

А родители отпустили!

Ну конечно, куда идём, знаем. На Онтяповское озеро. Там и рыбу можно половить. Мужики туда всегда рыбалить ходят. Ну, так Витька сказал. Да и до озера-то, рукой подать. Раз – и на месте. Ну, он тоже так сказал. А я про это озеро в первый раз только сейчас и услышал.

С вечера приготовил пакетики с супом. Суп такой, быстро варимый. Дома всегда варил. Папа получал на продпаяк, в части. Кастрюлю с водой на плиту поставишь. Дров подбросишь, чтобы быстрее закипела. Картошки нарежешь, посолишь и ждёшь. Как побуллит минут пятнадцать, пакетик вскроешь и всё содержимое в кастрюлю. Бух! Запах!!! Там и морковь, и лук, и мясо какое-то сушеное, приправы-травы. А еще звездочки. Маленькие такие. Ну как макароны, только звездочками. Зажаривать не надо. А вкус – объеденье. От запаха только захлебнуться слюной можно. Особенно с голода. Так что пригодится. Ну, ещё ножик перочинный. От волков и медведей. И спички – читал, что в лесу самое главное спички. Чтобы костер разжечь – погреться, добычу пожарить, поесть. Ну и, конечно, осколки от битой, коричневой бутылки. На солнце чтобы смотреть и не ослепнуть. Ну, так в книжке написано. И себе и Витьке. Он точно не возьмёт.

А в три утра глаза щелками, как у японцев, не открываются. Щелочки проснулись, чтобы не врезаться во что-нибудь, а остальное спит. А рано, но затмение в шесть утра – надо успеть. Доползти. Не упасть, не столкнуться. Дойти.

Как хочется спать! А идём! Заплетаясь тянущимися ногами по мокрой, росянистой траве. Огибая зелёные можжеве-

ловые колючие шары. С опаской – за ними иногда козы пасутся. Это их место. Они бодучие и кусучие – здесь пасутся, обгладывая колючий кустарник, не давая ему расти вверх, по-нормальному. Вот он и сворачивается, словно ёж в шар. А они едят и едят. Ненасытные и рогатые. Их даже волки боятся. Надо быстрее в лес. Туда они не ходят, а значит бо-дать – кусать некому будет.

Настороженный лес встречает стеной угрюмой. Бросает в лицо росу листьями – проверяет на настойчивость. Сон проходит этим холодным душем. Глаза открываются. Просыпаются. Сквозь бурелом пыхтим. Натыкаемся. Уклоняемся. Молчим. Ворчим. Но чем дальше в лес, тем легче и чище. Витя ведет вперёд. Что он тут в полумраке утреннем видит?! А по мне так кругом всё одинаковое. Стволы. Деревья. Ветки. Кусты. Мох. Учебник по природоведению тут не поможет. Ну, увидел мох на дереве. И что? Ну, север там. Ну, юг здесь. И что это даёт? Что даёт это знание сторон света? Ну, дождусь ночи и найду на небе Полярную звезду? Ну, она на Севере. И я на Севере. А зачем мне туда, где холодней? Мне надо на озеро. Или домой. Где тепло. Продрог так, что уже на затмение идти и не хочется. А назад неловко. Да и где этот зад? Тут с Витькой такие круги-петли нарезали, что, наверное, и он не знает, куда идти. Но он впереди. Что-то рассказывает. Молчит. Прислушивается. Смеётся. Идёт и идёт. А я за ним. По мягкому мху. По хрусту сухих веток. Молчу.

Мох. Останавливаемся и на мох – отдых. Лежим. Дышим. Пускаем пар ртом. На ковре. На влажноватой и холодной, но мягкой обволакивающей кровати. С жучками, паучками, комарами. Ползающими и молчащими. Вокруг темнота леса. Ели, лапами давящие на голову, прижимающие к земле. Посыпающие иголками. Неба и не видно. А мы – два лесных, копошащихся муравья. Отмахивающиеся от попыток согреться на нас насекомых. Отплевывающие хвоинки, попавшие в рот. Лежим.

Как-то незаметно. По свойски. Словно десять лет на «ты». Лес. Уже не пугает темнотой. Не пытается заставить дрожать упавшей на голову каплей росы. Не вздрагивает хрустом сломанной ветки. Не бьет, не стегает. Обнимает. Листочком, хвоинкой, стебельком. Толстые стволы елей притягивают природным теплом и умиротворяющим, успокаивающим,

примиряющим запахом смолы. Готовые укрыть и спасти.

Когда лёг. Когда замер. Закрыв глаза. Растворился и полетел. Раз! И всё вокруг оживает. Наполняется звуками, запахами. То, что раньше пугало и страшило, становится мило и дорого. По родному. Лишь иногда, когда хрустнет что-то рядом – вдали. Смолкнут как по команде все звуки. Замрет лес от зверя далёкого – близкого. Ненадолго. На секунды. На полстучка сердца.

Сжимаю в кармане, ещё вчера казавшийся грозным оружием, нож. Ножичек. Им-то от волка или медведя не отбиться. Даже не поцарапать.

– Вить! А если медведь выйдет, то, что делать будем? От него же не убежать!

– Что боишься?! Не бойсь – он вонючих не трогает!

– Каких вонючих?

– Понятно каких – нас!

– Да мы вроде не воняем...

– Когда он выйдет, то будешь! Штаны полные сделаешь и будешь!

Витька рассмеялся:

– Да и я тоже. Чтобы запах посильней был. Вдвоём медведя отпугивать сподручнее и надёжнее. Да и если убежать, то он след не учует, а учует то не догонит.

– Почему не догонит?

– Потому что скользко бежать за нами будет!

А потом, отсмеявшись, по-серьёзному:

– Тут свои правила. Вот ты идёшь, идёшь – вокруг ёлки, папки, холод. И ничего. Ничего не видишь. Ничего не слышишь. А ты прижмись к дереву, как к маме. Посмотри и послушай. Если будешь лес уважать – он тебя и прокормит, и спасёт, и защитит.

– От медведя? От волка? Не смеши!

– Хорошо. Вот если никому не скажешь, что-то покажу...

– Ну, покажи!

– Не расскажешь?

– Да нет! Показывай!

– Ну, смотри!

Витя встал, огляделся и словно, что-то увидел, пошел за большую толстую ель.

– Иди сюда!

И когда я подошёл, он, указывая на землю, пробормотал:

– Наверное, здесь!

И встав на колени, стал аккуратно раздвигать мох.

– Смотри!

– И что?!

– А! – Витя махнул рукой и из мха вытащил что-то завернутое в почерневший брезент. Развернул, а в ней – обрез дуствольного ружья. И длинные желтые столбики патронов.

– Вот! От медведя. И идиотов. Понял? Здесь такого много попрятано. Вон, смотри – метка на дереве. Где такая есть, то там и спрятано что-нибудь. Чтобы выжить. Или для охоты. Тут, говорят, еще с войны немецкое оружие осталось попрятанное. Десант сбрасывали фашисты. Вот где-то и лежит. В поселке не спрячешь, а здесь, кто искать будет?! А если и найдут, то и хозяина у него нет. Все по-честному. А лучше никого не бояться, никого не пугать – тогда все будет хорошо. Звери они просто так не тронут. Они же не люди...

От увиденного, от доверенного, от непознанного – ошеломлён. От другого мира, который, не зная, не заметишь. С легкой досадой, что Витька посвящён в эти тайны, а я нет. Видит знаки, слышит лес и не нужен ему ни мох на дереве, ни Полярная звезда с медведицами. Идёт себе и идёт.

А Витька в это время аккуратно упаковывал обрез в ткань.

– Нам он не пригодится, а кому-нибудь и жизнь спасёт.

А ты забудь...

Забудь... Да я через минуту, после того как он все спрятал назад, уже бы и не нашёл это место...

Пошли... Молча...

Уже захотелось есть. Поцупал пакетики с супом...

– Вить! Стой!

– Чего?

– Слушай! Мы с тобой на рыбалку пошли?

– Пошли!

– А удочки-то мы не взяли!

Витька посмотрел на меня и давай смеяться:

– Рыболовы!

Было не смешно. А кушать-то что? И назад вернуться обидно – полпути точно прошли!

– Ладно! Не умрём! Выживем!

Хотелось ему верить, но кушать уже хотелось. Очень.

– Потопали!

Лес отошёл, расступился облаками, спрятавшими и небо, и солнце, и затмение. Перед безбрежной белой поляной. Не хотя. Цепляя ветвями, удерживая теплом деревьев. А холод в лицо, со всех сторон – туманом. Сползающее одеяло утра. Хочешь наступить на краюшек, а он расступается и ускользает. А стоит убрать ногу – сразу заполняет, прячет, проверяет, обнюхивает, изучает твой след. Рукой хочешь ухватить эти холодные космы, а они тают и тут же смыкаются за тобой. Закутав в белоснежный шар, ведут и путают, сопровождают и не отпускают. До обрывающейся тиши парящей воды. Без дальнего берега, запрятанного белоснежными клубками лесного и небесного творцов.

– Ураааа!!! Пришли!

Эхо неохотно отразилось от деревьев за спиной, прорубило в этом белом убранстве тоннель, обнажила почерневшие от времени, блестящие от тумана, влажные брёвна деревянного сруба.

– Избушка, избушка! Отвори двери, приют и накорми...

Приютила. Запахами прогоревшей и остывшей печки, золы, трав, древесного и устоявшегося мужского пота, полумраком. Стол, лавки, по стенам полки. Всё из дерева, топором рубленного. В углу закопчённые чайник, кастрюля. В другом, обычная буржуйка, обложенная булыжниками, с трубой, уходящей в стену. Какая-то запыленная одежда на гвоздях, маленькие вязаночки трав, приветливо покачавшихся на наше появление. Чисто, просто, надёжно.

Витя по-хозяйски прошёл в сруб и пошарил рукой на одной из полок:

– Есть!

Показал мне ладонь со спичечным коробком:

– Крючки! Рыбу ловить будем.

Леска нашлась тоже. Намотанная на кусок газеты сложенной в несколько слоёв. Удилища срубили из куста орешника. Неподалёку. Топором, взятым из избушки, вырванным из ленивого окружения ножей, вилок, ложек и посуды. Из скромных запасов соли, сахара, круп. Неделю можно жить!

На берегу, почти до краёв наполненная водой, ждала лодка. Огромная и плоскодонная. Ждущая и манящая в путь пиратским кораблем. Но без мачты.

Эх! Давай черпать-вычёрпывать. Мокрые, разогретые и парящие. Весла нашли. Чайник, кружку забросили и вперёд! К открытиям и свершениям. Викингами. Дикими и просвещёнными. Вглядываясь в даль. Разрывая взглядом белую вуаль утра. Угадывая и прокладывая курс. Задуматься бы: откуда столько водицы...

А там, за туманом, затмение!

Туман. Загадка и тайна. Всё спрятал. Всё укутал. Другого края озера и не видно. Да и этот тоже стал таять, темнеть, угадываться, исчезать. И всё вокруг стало белым-бело. Только чёрная вода под нами и вокруг. Словно летим. Словно парим. Словно в космосе. Но солнца нет. Не видно. Угадывается по загоревшейся золотом, кромке черных верхушек, проявляющихся ото сна, деревьев. Где-то вверху. И всё! К белому, синему и черному цветам утро добавило желтый. Яркий. А мы исследователи. Мы первопроходцы. Мы открыватели неведомых земель и миров. Рыбачим. На хлеб. Из-за пазухи. Вкусный. Ароматный. Очень. А поплавки из сухих, еловых сучков лежат на воде, мокнут – не проснулись. А холод через мокрые ноги и руки уже начинает пробираться за пазуху. Заставляет вздрагивать и дрожать. Молчим, клацаньем зубов отпугивая рыбу. Грызём потихоньку, по крошечкам, захваченную из дому корочку хлеба. Таем её во рту. Гоняя языком. Так теплее. Сытнее.

Деревянный поплавок вдруг незаметно, но уверенно потянуло в сторону. Замер. Снова пошёл. Опять замер. Дрогнул. Слегка. Погрузился... Нет притописался, до легких, почти невидимых кругов по воде.

– Смотри! Смотри! – зашипел Витька, толкая меня под руку. – Смотри! Счас дёрнет!

– Отстань, ты! – шиплю гусем в ответ.

А поплавок словно услышал. Замер.

– Вот, что ты под руку говоришь! Я что, не вижу! – разозлился я.

И тут сучок-поплавок без всяких заигрываний. Бульк! И утонул. От неожиданности со всей силы, рву удилище вверх, выхватывая желтопузого карася из озера. Только в своём полёте он не остаётся на крючке и срывается... В лодку! Ух! Плюхается в остатки не вычерпанной и неизвестно откуда

набравшейся воды, и начинает шлёпать звонким, утренним звоночком, извиваясь и подпрыгивая.

– Первая!

Нет ничего сильнее ревности рыбака. Особенно когда не клюёт, а у соседа всё хорошо. Сядет и ворчит, про себя. Сплёвывает и ругается. Начинает искать глазами новое, более удачливое место. И между делом, подбрасывая свой крючок в то место, откуда сосед вытащил свою добычу. Глазами поедая бьющуюся рыбку, досадуя про себя, что упала в лодку, а не в воду. Даже говорить ничего не надо. На лице всё написано. Крупными красными буквами. Эх! До первой. Своей.

А тут, такое началось! Рыба просто сорвалась, как с голодного края. Распробовала! Поплавки ещё не успевали лечь на воду, а уже устремлялись в темноту озера с захваченными крючками во рту. И всё. Черная дыра рыбалки. Поглотила. Остановила и время, и пространство...

Туман рассеивался. Солнце бледным пятном пробилось сквозь туман над тёмной каёмкой леса. Ненадолго. А над туманом нависли тёмные тучи. И мелким робким дождиком намекнули о том, что солнечного затмения можно и не увидеть. А уже не до него. Рыбы наловили! Пол-лодки. Наловили. Да вот только не заметили, что с рыбой в лодке и воды то побольше стало. Пришлось бросить удочки и черпать-вычёрпывать. А лодка медленно, но уверенно наполнялась. Смешки утихли. И кружка и чайник не справлялись. Вода прибывала. Сквозь щели невидимые. Рыба, метавшаяся в лодке, уже не радовала – раздражала. Мешалась и выбрасывалась с водой. Тяжеленные, вырубленные из брёвен весла лежали вдоль бортов. Лодку кружило и несло. Неторопливо. Почти незаметно. Просто. Буднично. То ли течением, то ли ветром, то ли мыслью. Пар от разогретых, борющихся за жизнь тел, смешивался с туманом. Становился его частью. Озеро готовилось забрать нас. И с рыбой, и с алюминиевым чайником, и с металлической кружкой. На дно. Водичка захватила и своим холодом, словно щупальцами, по ногам, отхватывала сантиметр за сантиметром. Тихим холодным ужасом подбираясь к сердцу. Туманом погружаемой в воду лодки.

Тихий безмолвный страх утра, наполняемый плеском вычёрпываемой воды, нашим тяжёлым дыханием. Устав-

шими, немеющими руками. Сводящими, закручивающими от напряжения судорогами, пальцами. Тонущий корабль с двумя крохотными капитанами-матросами. Выстукивающие зубами сигнал о помощи. Черпая и гребя. Неизвестность укутанная туманом.

А потом лодка врезалась в берег. На издыхании. А мы с Витькой вцепились в заросли голубики, раздавливая задубевшими пальцами синие ягоды кровавым муссом.

– Земля!!!!

Спасение!

Вылезли на берег. Затащили цепь. И упали. Смеясь. От счастья спасения и передышки.

Недолго.

Земля оказалась небольшим островом с росшей посередине обглоданной жизнью и ветром ёлки, с эмалированным ведром, помятым и разукрашенным ржавыми пятнами, болтающимся на её обломанном суку и зарослями голубики вокруг. Клочок земли. Десять на пятнадцать. Необитаемый остров, спасший нам жизнь. Накормивший до одури голубикой. С голодухи. От нервов.

Ураааа! Мы робинзоны! Самые настоящие! На самом необитаемом острове мира!

Но холодно. Одежду сняли. Выжали, скручивая в четыре руки.

Но холодно. До цоканья зубов. До дрожания каждого сантиметра тела. До волос дыбом.

Холодно.

А ни солнца, ни его затмения. Туман хоть и начал отступать, солнца не освободил. А тепло только в виде ниток пара над водой. Не греет.

Остываваться нельзя! Лето не лето, а замерзнуть можно и на сковородке.

Лодку чуть подтащили, вытянули нос на берег. Витька взял ведро и стал вычерпывать воду. Ведром то ведь сподручней, чем кружкой. Масштабы другие. А я в чайник – голубики. Чем-то же надо заняться.

Из рыбы в лодке осталось с десятка три жирных карасей сверкающих благородной чёрной желтизной. Ну, ещё пара кружек воды. Витя постарался.

К этому времени растаявший туман обозначил темной по-

лоской края озера. Показал ближайший путь к спасению.

Виктор повесил спасительное ведро обратно на сук.

– Может ещё пригодится здесь. Поехали.

Оттолкнувшись веслами от берега, мы с карасями и голубикой покинули свой первый необитаемый остров. Не знаю, как там Робинзон, но мы бы долго на нем не протянули. Даже если бы у нас были спички, то деревья надолго бы не хватило. Замерзли бы. Даже летом. Негде скрыться на нем от холода воды и тумана. Негде. А вода ледяная. Почему-то.

Догребли до ближайшего берега и уже вдоль, чтобы не рисковать, отталкиваясь от берега вёслами, вернулись в точку отправления.

А какой замечательный супчик со звездочками! Ароматный! Обжигающий! С дымком. Ну, такого дома не сварить. Никогда! А костёр, какой ласковый и добрый! А одежда от его доброты сохнет и парит. Парит и сохнет. Какое же это счастье смотреть, как пламя съедает сухой валежник. А ты кидаешь ему в пасть, кормишь, стреляющего, дымящего, ненасытного. С благодарностью и почтением. Уклоняясь от летающих угольков.

А на десерт – компот из голубики. Черпанул чайником воды из озера – разбавил ягоды водичкой. И на костер. Закипел и компот готов. Без сахара конечно много не выпьешь – скулы от кислоты сводит – не разжать. Глаз не отворить. Но горячий.

Подсохли. Обмякли. Сытые и неповоротливые. Даже комары не замечают. Неинтересно с нами.

– Может, пойдем грибов пособираем?

– Не хочется. На обратной дороге поищем.

– Да сейчас пошли!

– Ага! Возьмем один гриб выше берёзы и потащим через лес домой! Не смехи! Лучше полежим.

– Ты что!? Не веришь!? А ну пойдём!

Виктор вскочил и потянул меня в лес. В сторону противоположную той, откуда мы пришли. Хоть и лень, а пошёл. Посмеяться.

А лес оказался не таким и большим. Он снова оборвался, обнажив огромную поляну усыпанную грибами. Поле грибов. Больших и маленьких. С огромными шапками и тонкими ножками. Серыми кругами в серебряном мху. С точками

красных мухоморов и разноцветных сыроежек. В зелёных нитях лета пробивающихся сквозь шляпки местных щеголей.

- Ну, как тебе?
- Здорово! Столько грибов, а у нас некуда их собирать.
- Да я тебе не об этом! Видишь, что грибы выше?
- Кого?
- Да берез!
- Каких?
- Наклонись и посмотри.

Зеленые ниточки, пытающиеся вырваться из грибного плена, оказались уменьшенными веточками берез. Маленькие темные листочки. Как у мать-и-мачехи – темные и жесткие сверху и бархатные и светлые снизу, только с ноготок...

Грибы действительно оказались выше берёз. Пусть карликовых, но выше! Не обманул. Хорошо, что не поспорил.

- Надо у дома посадить!
- Витя ухмыльнулся:
- Ну, выкапывай. Сади!

Потянул за веточку. В надежде вырвать с корнем. Полметра вытянул, разорвав мох, но корня не нашёл. Стал тянуть дальше. А береза, рыболовной сетью с огромными ячейками выползала изо мха. Сломать тоже не получилось – она оказалась на редкость гнучкой и крепкой. А в глубине, под сетью берёз, оказался лёд. Огромной плитой без начала и конца – среди леса, огромный, плоский айсберг, покрытый мхом, грибами и сетью карликовых берез.

– Это вечная мерзлота, она пятнами здесь. И озеро, наверное, тоже. Лёд растаял, потому и вода постоянно холодная, и глубина неизвестная... Так бывает в мерзлоте.

А береза тянулась и тянулась. Словно верёвка. Притаилась в пласте мха. Как в шубе. А куда ей деваться, если внизу холод и сверху не жарко. Золотая, тёплая серединка.

В какой-то дымке прошли сборы домой: аккуратно снята леска с удилищ и аккуратно спрятана на прежнее место; откусаны крючки; вылит компот из чайника; вымыта и разложена на место посуда; все оставшиеся припасы – соль, суп в пакете, спички, уложены на полки. На лавку – стекла бутылки: вдруг кому-то пригодятся смотреть на солнечное затмение. Может, кому повезёт побольше нашего! Дверь в стожку закрыта и надёжно подперта бревном. Всё!

Выпущенные караси лежали на отмели и потом не-торопливо растворились в черноте озера. Даже не шлёп-нув хвостом по воде, за свободу. Неблагодарные. Как и облака, так и не выпустившие солнышко для затмения. Как и туман...

Пошли.

Домой.

Затмения ещё были. И не одно. Ещё были сочинения в школе. И не одно.

Но этот мир мне приоткрыли только на один день.

День, в котором я был викингом, Робинзоном, первооткрывателем терпящим бедствие, замерзающим полярником, отчаянным первопроходцем и пиратом...

День моего повзрослевшего детства.

День, в который мечтал стать художником.

У заброшенного озера.

У забытого посёлка в лесу.

У стучащей колёсами и гудящей рельсами станции Ерцево.

В моей школе детства...

Александр Цыба

Прозаик. Живёт в Енакиеве (ДНР).

МОЙ КОШМАР

Я вижу сон. На обочине дороги, по которой снуют шумные авто, в заросшем бурьяном и прочим разнотравьем дворе, стоит низкая, давно небеленая саманная хижина с подслеповатыми окнами и покосившейся обшарпанной дверью.

Когда-то давно все выглядело по-иному – здесь жили люди, было много света, шумных дней, наполненных ожиданием неизбежного счастья и просто трудами-заботами. Теперь хижина опустела, дети выросли и разъехались кто куда, умер кормилец, осталась только всеми забытая старушка, доживающая дни в этой заброшенной «хатке», с нетопленной печью и провисшим закопченным потолком.

Старушка почти не выходит за дверь, коротая унылые сумерки жизни у окна, когда светло, или за клеенчатым столом при дрожащем язычке свечи, по вечерам. Жизнь прожита, и она смиренно ждет конца, снова погружаясь в воспоминания – яркие, живые отголоски безвозвратно ушедшего прошлого. Нет ни слез, ни сожаления. Лишь воспоминания.

Единственное, что оживляет ее, – мой приход. Я появляюсь в хижине один раз в два-три дня, приношу гостинцы. Ест она мало, но торопливо, то и дело вытирая тряпочкой сухие, морщинистые губы. Мне неловко, оттого что не могу заходить чаще, а она никогда сама не попросит наколоть дров, заменить болтающуюся петлю на двери. Она не спрашивает, когда я приду опять, но в ее выцветших тревожных глазах видны немые вопросы: Приду ли я? Не забуду ли о ней?

Я приду, я не забуду. Даже если жестокая вьюга заметет следы, будет сбивать с ног, а пронизывающий ветер гудеть в проводах. Даже если окажусь далеко, под теплым ласковым солнцем, где шепот зеленых волн убаюкивает, погружает в дремоту и негу, а море приветливо дарит тысячи серебряных улыбок. Даже когда встречу прекрасную незнакомку,

рожденную самим прибором и своей порывистостью напоминающую горьковскую Мальву*. Я приду.

С трудом отворив ветхую калитку, утопая в чистых, еще не тронутых грязью сугробах, я подойду к скрипящей, приоткрытой двери. Сколько времени прошло? И где та милая старушка в сером платочке, в которой я угадываю черты матери?

Сердце, обожженное ледяным ужасом, замирает, кровь стучит в висках, глаза застилает пелена. Или это за серыми сумерками, подобно голодной рыси крадется воющая ночь?

Я знаю – за этой холодной дверью осталась моя мама, до последней секунды ожидавшая меня и никогда не сетовавшая на судьбу.

Дверь стучит на ветру и из рваного небесного мешка сыплет непрерывно снег: замечает порог, складывает белое жнивье у низких, промерзших окон. Ужас становится осязаемым, необъятным, превращается в кошмар. Моя нервная система не выдерживает, я просыпаюсь, постепенно прихожу в себя.

Мама, мамочка моя дорогая! Любимый мой человек! Есть ли на свете слова, поступки способные выразить благодарность за твои теплые заботливые руки, за ночи без сна, за самую жизнь, что ты подарила? Большую ее часть я отдала суете, пустым мелочам, погоне за теньями, воспринимая твою любовь, как должное. Мой кошмар – чувство вины за невнимание, за время, проведенное не рядом, за глухоту и слепоту к просьбам – всегда будет со мной. Мой крест, укор, осуждение. Какое счастье, когда ты рядом, когда я вижу твою добрую улыбку. Ты достойна лучшего: времени, заботы, сил и самых светлых чувств. Важна любая мелочь, любое участие – любимые конфеты, душевные посиделки, теплое одеяло в холодную ночь.

«Спешите делать добро»**. Это лучшее лекарство от кошмаров.

* *Мальва – героиня одноименного рассказа (1897 г.) великого пролетарского писателя, классика советской литературы Алексея Максимовича Горького (Пешкова) (1868-1936 гг.).*

** *«Спешите делать добро» – слова из книги «Appel aux femmes» («Призыв к женщинам»), как символ милосердия и доброты, написанной старшим врачом московских тюремных больниц, католическим общественным деятелем Фридрихом Йозефом (Федором Петровичем) Гааза (1780-1853 гг.) и опубликованной в 1897 году посмертно.*

ПАМЯТЬ

Владимир Исаев

Доктор философских наук. Профессор Луганского государственного университета им. Владимира Даля. Живёт в Луганске.

«ЛИШЬ ТА ЛЮБОВЬ – ЛЮБОВЬ, КОТОРАЯ ЧУЖДАЕТСЯ РАСЧЕТА»

(Записки об А.П. Мальцеве)

С А.П. Мальцевым (Толиком) я дружил с 1949 г. – с первого класса 39-й школы, что в Малой Вергунке (г. Луганск) до самых последних дней. Достаточно сказать, он был главным свидетелем («дружком») на нашей с Валентиной Васильевной свадьбе, а мы, в свою очередь, были свидетелями на его.

Писать об очень близком человеке почти невозможно, потому, что еще в памяти живы все дни, все разговоры, все крупные и мельчайшие события – описать их, значит писать многоatomную день за днем летопись нашей жизни, что, конечно, невозможно. Выделить главное, что более-менее точно характеризовало бы этого удивительного человека еще рано – «лицом к лицу лица не увидеть». Но именно в этом, кажется, и состоит главная цель таких записок: перефразируя известные слова Шекспира можно сказать, именно так долг велит писать, – не больше и не меньше. Поэтому эти записки – лишь описание некоторых событий и тех мыслей по их поводу, которые рождаются сквозь еще не утихшую горечь утраты лучшего друга.

Чтобы лучше понять сущность человека, то что в православии называется «внутренний человек» в случае с А.П.М. обратимся к такому примеру. В наше время была такая детская игра. Писались на листе бумаги вразброс цифры, а затем их надо было соединить по порядку одной линией так, чтобы она нигде не пересекалась.

Если линия – это жизненный путь, то при взгляде на рисунок может показаться, что в этой «линии жизни» нет никакой логики – множество изломов, путаницы, отсутствие прямых линий. Но если присмотреться, то можно логику, не сразу, но обнаружить: от цифре к цифре по возрастающей. Так и в жизни Толика: логика в этих изломах есть: присмотрись, и ты увидишь основные, я бы сказал основополагающие точки («цифры»), это – честность, вера в Бога, доброта, любовь. Я не случайно в заголовок поставил строки о настоящей любви, которая без корысти. Парадокс в том, что это можно было увидеть в этом человеке только со временем, отмечая всю его игру в «простака», которая со временем оказывалась лишь способом спрятать отзывающуюся на каждую глупость или несправедливость окружающего мира боль сердца, постоянно откликавшегося на всякую несправедливость, жестокость и ложь. Воистину: «Сотри случайные черты – И ты увидишь: мир прекрасен». Не потому ли всегда очень трудно писать о человеке, как бы хорошо ты его ни знал. – В каждом из нас есть тайна, тайна для всех, в том числе и для себя самого. Об этом хорошо написал Гоген, художник, в котором можно обнаружить и нечто общее с А.П.М.: «Непостижимая тайна обстоит такой, какой была всегда, есть и будет – непостижимой. Бог не принадлежит ни ученым, ни логикам. Он принадлежит поэтам, миру грезы. Он символ Красоты, сама Красота». В этих словах ответ на вопросы о главном – Толике: Господь наделил его множеством талантов: и художника, и поэта, и учителя, и писателя, и литературоведа. И все его таланты проявлялись для окружающих не сразу и не для всех...

Об этой особенности его бытия может свидетельствовать такой случай из его армейской жизни. Старшина выстроил солдат и спрашивает, есть ли среди них строители. Строители шаг вперед. «Ну я тоже делаю шаг вперед, – рассказывает Толик. – Нас везут на дачу комполка, достраивать стены». Затем начинает старшина выяснять, кто какую из строительных специальностей имеет. Доходит очередь до него.

- Какая у тебя строительная специальность?
- Никакой!
- Тогда почему ... ты вызвался?!
- Ну вы же вызвали строителей!
- А ты...?!!

– А я строитель коммунизма! – Дальше – немая сцена!

Он умел своими поступками и словами доводить бездушные и несправедливые жизненные обстоятельства до абсурда и тем самым художественно (как истинный поэт) их высмеять! Здесь следует отметить, что речь шла не о политике, не о коммунизме, а о том бардаке, который творился в те годы в армии. Можно к этой теме вспомнить историю с интервью А.П. Мальцева местной газете по поводу коллекционирования им презервативов (изделий № 2), в котором он на полном серьезе рассуждал о ценности и необходимости такой коллекции. Опять-таки в данном случае эпатаж на грани хулиганства объяснялся просто: надо было как-то отреагировать на журналистику, которая в условиях горбачевской свободы была готова публиковать любую, даже сомнительную информацию, лишь бы она повышала тираж издания. Все дело в том, что во всех суждениях и во всех поступках Толика сквозила особая интеллигентность, чувство меры, аристократизм и утонченность – то, что называется «породой». Он об этом прямо никогда не говорил, но из отдельных его реплик можно было сделать вывод о том, что корни его родни уходили в шляхетство, и это всегда чувствовалось. Не случайно же он одну из последних своих картин назвал «Портрет моей бабушки, польской дворянки». Я, например, уже будучи студентом от него впервые узнал, что кроме чая, можно пить кофе, что есть мельница для того, чтобы его смолоть, есть джезва для заварки кофе; он первый повел меня в балет, когда в Ворошиловград приезжал на гастроли харьковский театр, он первый меня повел в театр вообще и открывшийся у нас впервые художественный салон-магазин, где кстати я и купил турку-джезvu!

В одном советском фильме один из героев говорит другому: страстями надо жить, страстями! Это в нашем случае означало, что надо больше доверять чувствам, что очень многое в этой жизни разумом не понять. В лучшем случае, к такому пониманию жизни приближает нас поэзия. Не случайно он так любил и знал Есенина. Именно в его поэтике можно найти ту гамму чувств, которая наиболее точно, или, как сегодня говорят, наиболее адекватно отражает всю полноту жизни. В тех, порою незначительных, порою рутинных ежедневных событиях поэзия дает возможность видеть глубин-

ные смыслы, видеть их трагические и комические смыслы, а значит, видеть всю полноту и радость жизни – это он умел, или Это ему было дано, и в этом было обаяние его личности для всех, кто старался его понять, для всех, кто его любил!

Есенинская тема воспоминаний открывает всегда воспоминания о любви. В древнеиндийском трактате о любви «Ветки персика» есть такие слова: «Три источника имеют влечения человека: душу, разум и тело. Влечения душ порождает дружбу. Влечения ума порождает уважение. Влечения тела порождает желание. Соединение трех влечений порождает любовь». Толик знал, насколько мне было видно в течение всей нашей дружбы и уважения, знал все три влечения и врозь, и вместе разом. У него было три настоящих в этом смысле любви к женщине. Одну я называю «бальзаковский сюжет». Другую я бы назвал «в Москву, в Москву!» и третью «Весь я не умру...Рождение дочери». Каждый из этих периодов дал ему очень много и радостей, и огорчений. Но в конце концов это все только укрепляло его в светлой уверенности, что жизнь имеет смысл и жить имеет смысл, если смотреть на все иронично и оптимистично. Выше я упомянул Гогена. Глядя, на жизнь Толика, хочется сказать, что у каждого художника есть свой остров Таити. Для него таким островом был Есенин. Знакомство с теми, кто знал этого великого русского поэта, знакомство и переписка с теми, кто изучал его творчество – все это было не ради известности (светить отраженным светом!) и не ради коллекционирования (хотя коллекция для наших краев была удивительно интересной и полной), все это была жизнь во всей ее полноте на острове с прекрасными цветами, деревьями и людьми.

Он жил воздухом этого острова, а затем пытался передавать смыслы этой жизни в своей живописи. Его картины вначале производят впечатление «недо...» – недописанности, недодуманности, даже какой-то небрежности. Впрочем, такое же впечатление при первом знакомстве производят и многие его стихи. Но, если погрузиться вглубь его помыслов, постараться войти в диалог с его внутренним человеком, видится иное. В этом случае можно увидеть остановленную в творчестве мысль в момент ее прояснения, а это очень редкое и важное качество в любом творчестве: оно побуждает вступившего с автором в диалог к сотворчеству и тем самым

вольно или невольно формирует и нашу душу в сторону совершенствования по тем «цифрам-точкам», о которых я упоминал вначале.

Два замечания в конце этих беглых заметок.

– В одной известной телепередаче в конце ведущий обращается к тому, о ком шла в передаче речь: напишите письмо к себе юноше, что бы вы ему сказали с позиций сегодняшнего дня. Позволю себе воспользоваться этим приемом и написать тебе, дорогой друг, письмо. Это будет отрывок из Артура Шопенгауэра. «Ныне человек ничем не гордится так, как своими умственными способностями, поскольку именно они позволили ему завоевать господствующее положение в животном мире. Однако было бы крайне опрометчиво показать кому-то свое очевидное превосходство над ним в этом отношении, да еще и обратить на это обстоятельство внимание окружающих...

Если положение и богатство всегда берутся в расчет и от них зависит отношение к человеку в обществе, то с интеллектуальными способностями дело обстоит самым неожиданным образом: величайшая милость, которая им оказывается, – то, что их вообще не замечают...

Человек может являть образец скромности и смирения, но если он превосходит людей в интеллектуальном отношении, они все равно вряд ли простят ему это преступление. В «Саду роз» Саади замечает: «Ты должен знать, что глупцам неизмеримо сильнее претит общество людей умных, нежели мудрецам – общество глупцов». Ты, дорогой мой, являл и являешь в наших глазах образец скромности и смирения И превосходишь нас в интеллектуальном отношении, но мы считаем это не преступлением, а твоим достоинством и надеемся, что общество будет умнеть, а не глупеть, а значит будет постоянно увеличиваться число уважающих тебя искренних друзей!

– второе. Я знаю, ты меня слышишь и знаешь, как нам не хватает тебя и в ежедневной твоей готовности помочь, и в твоих словах, и в твоём смехе. Ты знаешь, что мы все твои много-многолетние друзья печалимся твоему уходу от нас. Но ты не печалься, и мы не будем. Будем молиться, и тогда, как у Пушкина, нам будет грустно и легко, и печаль наша полная тобою будет светла! Спасибо тебе, Толик!

Валерий Кук

Художник. Окончил Луганское художественное училище.
Живёт в Луганске.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АНАТОЛИИ МАЛЬЦЕВЕ

Хотелось бы рассказать об Анатолии Петровиче Мальцеве. Я его знал с раннего детства – мы познакомились в детсадишке. Это было трудное послевоенное время. Нас, детей, взрослые оберегали, давали лучшее. Помню, что заведующая детсадом была добрая женщина, любила детей. Эта любовь была и у воспитателей. Кормили нас хорошо и вкусно – это в те времена было не так просто. Как сейчас помню конфеты «Перемога» в красной обертке.

Вот здесь я познакомился с Толиком. Он приходил со своей старшей сестрой Валею, их провожала мама, чуть позже, после знакомства, я называл её «тётя Зина». Детвора занималась играми, многие рисовали, кто-то играл на губной гармошке. Толик вместе с Валею играли с куклами в центре большой песочной клумбы. Мне запомнилась эта игра, а с Валею и Толей я подружился с тех пор.

Уже после того, как я подружился с Толиком, стал чаще общаться с его мамой. Отца у Толи не было – он погиб во время Великой Отечественной войны ещё до рождения своего сына. Тётя Зина показывала письмо от своего мужа, в котором он просил назвать ещё не родившегося сына Анатолием. Толик появился на свет в марте 1942 года и отца своего никогда не видел.

Тётя Зина одна воспитывала двух маленьких детей. Помню, она рассказывала о трудностях во время Великой Отечественной войны. Она была одна, на руках маленькие дети, даже за продуктами сходить было некогда, да и куда детей оставишь? «Я посадила детей в тачку, – рассказывала она, – взяла всякие ценные вещи менять на продукты. Потому что

в доме оставлять детей было не с кем». А ведь вокруг бушевала война, были бомбёжки, обстрелы.

В семилетнем возрасте мы с Толиком пошли в школу (№39, в Малой Вергунке) и оказались в одном классе. Мальчик он был степенный, спокойный, небалованный. Был легкоранимым, из-за обиды или несправедливости мог заплакать. Уже будучи в 5-м классе во дворе школы мы играли в футбол. Кто-то из ребят выхватил из под ног Толика мяч. Уже не могу вспомнить точно подробности, в чем именно была заставка, но помню, что Толик заплакал.

Учился он очень прилежно, но в хорошисты так и не мог выбиться. Уж не знаю, в чем тут дело. Сам Толя был уверен, что некоторые учителя занижают ему оценки. Помню, что в 8-м классе классная руководительница хотела сделать его хорошистом, стала она просить преподавателя по черчению поставить Толику четверку, но тот наотрез отказался. По иронии судьбы, Анатолий окончил позднее вуз и стал сам учителем математики и черчения.

Помню ещё такой случай. Однажды в школе было родительское собрание. Мы наблюдали с ним с улицы за тем, как сидят в классе наши родители. Я показал ему своего отца. «Красивый у тебя отец», – задумчиво и с грустью сказал он. Я ему ничего не ответил, только улыбнулся. А он пошел домой не оборачиваясь. Мне сейчас кажется, что он в детстве остро переживал то, что не знал своего отца, был лишен отцовского внимания.

Школьные годы пролетели, как с горки вниз. Отслужили в армии, завершили обучение. Стали жить взрослой жизнью. Но своей дружбы не прерывали.

Толик порою ко мне обращался с просьбами помочь в оформлении его есенинианы. Как художник-оформитель, владеющий шрифтовым искусством, я помог ему оформить альбом. В альбоме были портреты родственников Есенина, его друзей, знакомых писателей. Сюда же были вложены автографы – письма многих людей, лично знавших великого поэта. С ними Анатолий переписывался, со многими лично встречался. По есенинским местам он отправлялся на Кавказ. Здесь, кажется, он повидался с Шаганэ, от неё он много узнал интересного.

У Анатолия часто собирались компании друзей, приятелей. Время незаметно текло под интересные беседы. Толик очень любил юмор, и сам шутил, и чужие шутки ценил. Помню, как-то приехал к нему крестный сын с компанией друзей. Я также оказался тогда у него в гостях. И вот я стал рассказывать анекдоты о Ходже Насреддине. Публика с удовольствием слушала, а Толик так расхохотался, что стал просить меня: «От смеха мне плохо, отдохни, потом продолжим». Таким он мог быть беспредельно весёлым.

Но не всегда он был весел. Порою бывал он грустным. «Остался я один», – часто повторял он. Мы его старались успокоить: «Мы тебя одного не оставим, и дочь у тебя есть». Последнее время он с дочерью не ладил.

В одно субботнее время мы засиделись до утра.

– Ты любишь Есенина? – спросил он.

– Да, непременно я люблю его поэзию, но мой любимый поэт Лермонтов.

– Давай с тобой заключим договор. Если ты что-то узнаешь о Есенине – приноси мне, а я буду приносить тебе о Лермонтове.

Я увлеклся Лермонтовым, бывал в Лермонтовских местах, не раз писал картины, посвященные поэту. И наш договор принес нам обоюдную пользу.

При встречах Толик не раз вспоминал разные забавные случаи из своей жизни. Помню, как-то рассказывал он о таком курьезе из своей армейской жизни. Однажды отделение командира Мальцева (он был командиром ракетного расчета) выполнило задание на «отлично». Пришлось докладывать генералу. От волнения Толик назвал его лейтенантом, но генерал лишь улыбнулся, всё понял, не стал придирается к Толику. «Ваша ракета попала точно в цель, – сказал генерал. Вам объявляю десять суток отпуска».

Когда я закончил учёбу в художественном училище, Толик пришел ко мне в гости. Я ему показал свои студенческие работы. Он спросил: «А что будет дальше?». Я ответил: «Не знаю, что будет дальше. Но буду работать, писать. Ведь этому меня учили». Он всегда интересовался моими картинами, я с радостью нес ему их – для дружеской оценки, совета. Его мнению я дорожил.

Толику хотелось одно время открыть свою художественную выставку под названием «Не боюсь быть непризнанным». Такой плакат я ему оформил.

Последнее время он жаловался на здоровье. Так получилось, что умирал он на моих глазах. Всё время он лежал, был в сознании, всё так же говорил об искусстве и литературе. Я непрерывно ему рассказывал интересные истории, старался его ободрить. Всё время он пил только чай. Я у него спросил: «Почему ты не кушаешь?». Толик сказал: «Я уже давно ничего не ем. У меня нет аппетита». Так он ответил. Я все-таки надеялся, что ему станет лучше.

Но внезапно ему стало еще хуже. Он хотел взять таблетку, но всё содержимое упало на пол. Тогда он успел позвонить дочери: «Приезжай, мне очень плохо». Эти слова были его последними словами. Вызвали скорую. Приехала и дочь, и скорая. Но в карете скорой помощи на территории 4-й горбольницы он скончался.

Галина Чудинова

Писатель, публицист. Член Союза писателей России. Кандидат филологических наук. Живет в Пермском крае.

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ИВАКИНА

Сложно писать о человеке, которого я не знала лично. Моё заочное знакомство с ним состоялось после прочтения двух его сильнейших рассказов о войне, опубликованных в альманахе «Время Донбасса» в 2016-м году. Рассказы запомнились редкостным мастерством художественной формы, тщательно прописанными характерами героев, неординарностью проблематики. Уже название первого из них – «Кальсоны» – говорило о пристальном внимании автора к прозаической и даже натуралистической изнанке войны. С мягкой иронией и тёплым юмором в завязке повествования воспроизведена обидка внучки, что у бабушки нет медалей и ей, внучке, не о чем писать сочинение в год сорокалетия Победы. В сцене мирного кормления уток на мостике через пруд бабушка делится воспоминаниями о тяжелейшей работе в Банно-Прачечном батальоне. Ей, семнадцатилетней девчонке, пришлось от рассвета до заката стирать окровавленные и грязные кальсоны, нательные рубахи, гимнастёрки, а порой и телогрейки раненых и убитых солдат. Экстремальность ситуаций, трудовой подвиг юных прачек передан в ёмких деталях: «Давно не работал генератор, потому что не было бензина. И воду носили вёдрами, потому что был перебит водопровод. И мыла не было, стирали содой. И руками. От соды сходили ногти на руках». Зато сколько солдатских жизней – и от вшей, и от разного рода заразы – спасло это чистое бельё!

Мотив спасения стал ведущим в рассказе. Красавец-сезлень пытается спасти свою стаю от притаившегося в кустах кота. Голенастая девчонка своей любовью спасла искалеченного капитана административной службы Каменева от попытки самоубийства из-за насмешек остроязыких над

Блядско-Половым-Борделем, как называли они Банно-Прачечный батальон. Капитан ценой своей жизни спас девочек во время внезапной атаки немцев. Героиня будет кутать новорожденную дочь в постиранную гимнастёрку отца. Рассказ бабушки и её медаль за труд в корне изменили представления внучки о войне.

Действие рассказа «Дело привычное» происходит уже во времена войны в Донбассе. Повествование подчёркнуто кинематографично: до мельчайших деталей прописано шествие двух людей – конвоира и связанного ополченца – к обрыву возле степной балки. Оба они – бывшие работники: «У Березки лицо черного цвета. У Флоры такое же. И руки одинаковые: только у одного уголь вьелся в кожу, у другого чернозем». Оба – земляки, оба – почти одного возраста, обоих порядком измучила война, мысли их во многом созвучны: «Хорошо, что не пацан ведет». «Хорошо, что не пацана веду». Трагизм ситуации в том, что смыслы их жизней прямо противоположны. Один служит киевской хунте: «Берёзка передёрнул затвор... Приказ. Дело привычное». Другой до последнего мгновения жизни был в рядах восставшего народа Донбасса.

Второе моё знакомство с военной прозой Алексея Ивакина произошло после прочтения летом 2017-го его документальной хроники «Донецкий исход 1918 года», опубликованной в альманахе «Выбор Донбасса». Речь в хронике шла о единственно правильном решении Климента Ворошилова отступить из Луганска вместе с рабочими отрядами под натиском немцев, гайдамаков и белых, с боями дойти до Царицына. Автор привёл архивные данные, как в пути белоказаки атаковали санитарный поезд: «Около 500 человек были зарублены. Некоторых вешали прямо в вагонах. Некоторых вверх ногами... После того санитарного поезда все уже понимали: белым сдаваться нельзя». Здесь я увидела переключку с современностью: отвергая неоспоримые завоевания социализма, нынешние украинцы и российские либералы почти полностью сдались Западу: кто – за «кружевные трусы», кто – за «баварское пиво», кто – за виллы и яхты за бугром. Уроки истории не пошли им впрок! Но сторонники обновлённого социализма вновь предлагают народу иной, победный исход.

У меня возникло желание как можно больше узнать о жизни и судьбе Алексея Геннадьевича. Сведения пришлось со-

бирать по крупицам из разных источников. Дата и место рождения – 13 августа 1973-го года, город Слободской Кировской области. Кем только не довелось ему поработать! Сторожем, педагогом в школе, инструктором пешеходного туризма, политехнологом, психологом-консультантом, даже заведующим кафедрой психологии Кировского филиала Русского университета инноваций, директором психологического центра, торговым представителем, журналистом. Было где набраться жизненного опыта!

В 1994-м году ему пришлось, как говорится, испытать на собственной шкуре все катастрофические последствия стремительного развала Советского Союза. Педагогам на Областной станции туристов выдавали зарплату раз в полгода. Несколько лет спустя в интервью Глебу Боброву, главе СП АНР, Алексей рассказал, как безденежье привело его к военной археологии и поисковой работе в рядах кировской поисковой организации «Долг», как ошеломили его первые находки и кардинально изменили его мировоззрение: «Что больше всего поразило там? Торчащие из земли трубки противогазов. Березки, прораставшие из черепов. А еще немецкое кладбище дивизии СС «Мертвая голова» – от горизонта до горизонта. И в каждой могиле – два-три немца. До той поездки я был отъявленным либералом – молодой романтик. Я увидел изнанку войны. Я увидел – с кем мы воевали. И какой ценой далась победа. Да, я стал сталинцем. Таковую машину смерти, как Третий Рейх, могли победить только большевики». С тех пор тема человека на войне и войны в человеке стала ведущей в его творчестве.

Позже в издательстве «Яуза» вышел сборник «В окопах времени». В него вошли рассказы «Захоронение», «Поисковый синдром», «Первый медальон» и другие. Рассказы, по словам читателей, жёсткие, нелицеприятные, шокирующие страшной правдой о войне. «Захоронение» – это эмоциональный, экспрессивный репортаж с места раскопок близ посёлка Синявино Ленинградской области в 2009-м году. Положив около сотни гробов с останками людей в вырытую экскаватором огромную могилу, поисковики долго не могли прийти в себя, пели песни о воинах, павших на этой земле, чувствуя свою мистическую связь с ними:

Выпьём за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробивался болотами,
Горло ломая врагу.

Неожиданная задержка запланированного сверху мероприятия вызвала недовольство чиновников: «Оглянулся. Прищурился. Стер влагу со щек. Стоят чиновники и депутаты, нетерпеливо топчутся с цветами в руках. Им коньяка хочется. У них палатка стоит – сервелатик, водочка «Финляндия», коньячок «Реми Мартен»... Зацепились взглядом с каким-то замом. Он быстро отвернул свою красную рожу... Хорошо, что я лопатку в рюкзаке оставил... Мы идем с кладбища в Синявино, в Кировск. Девятнадцать километров. Пешком. У властей нет денег на автобусы...».

И в поисковых рассказах, и в интервью ощутим ершистый, взрывной, пассионарный характер писателя. Далеко не с каждым человеком Алексей Ивакин мог поладить, найти общий язык. В августе 2012-го он приехал в Одессу, где прожил три года, там и застала его война. 2 мая 2014-го Алексей был на Греческой площади и у Дома профсоюзов: «Я видел, как убивали людей. И я жалею, что у меня в тот день не было «Утеса». ...Кровь рекой текла... Отлежался дома и поехал в Луганск в ноябре 2016 года. ...Имею ли я право сидеть в тылу, когда война в 18 часах от Москвы? И чего я потом Богу скажу?»

Приехав в Донбасс тяжело больным человеком – с инсулинозависимым диабетом – Алексей вступил в ряды батальона «Призрак», лучшего подразделения всей Новороссии. Война дала писателю огромный фактический материал: «Ничего не надо придумывать. Вот. Бери и обрабатывай историю. Золотая жила, простите за цинизм». Такой «золотой жилой» стали события, происшедшие в колонии для заключенных в Чернухино. Автором был задуман роман, но до читателей дошла только его глава «Чернухино. ИК-23», опубликованная в альманахе «Воля Донбасса» в 2019-м году. Текст поразил меня мощью повествования, необычностью ситуаций, жуткими сценами расправы над людьми.

Повествование подчёркнуто натуралистично, такова логика страшного развития событий: «После второго залпа «Градов» по Чернухинской колонии начали работать мино-

меты. От близких разрывов вылетали стекла, осколки летели на койки, втыкались в подушки, рвали одеяла... Тех, кому не повезло, отгаскивали в душевые. Там хоть кровь стекала в канализацию...».

Проблема выбора, сделанного человеком на войне, решена сквозь призму судеб двух заключённых. Алексей Ивакин и здесь явил своё мастерство психологического портрета. Что сблизило двух главных героев – Потапова, по «погонялам» Боцмана, сидевшего за нетяжкие провинности, и Хохлова – Хохла, хладнокровно убившего нескольких предателей и доносчиков? Их сблизили посещения библиотеки да неубитая в глубине душ жажда справедливости. «Боцман» и «Хохол», чудом выжившие после обстрела, наотрез отказались служить в армии «незалежной» Украины. Кульминацией повествования стала зверская расправа украинских карателей над теми, кто решил уйти к «сепаратистам». На глазах Боцмана «голова впереди идущего, вдруг разлетелась кровавым облаком, словно кто-то сдул красный одуванчик... Выстрел снайпера был сигналом... Никто из зеков даже не догадывался, что на них поставили ставки. Тир. Сафари. Кто больше положит – тому ящик коньяка из замародеренного магазина».

Надолго запомнилась мне воссозданная автором картина ада на земле: «А над черно-белым полем повис многоголосый вой. Солдаты Украины обливали раненых бензином из канистр. Потом поджигали. Таял снег, высыхала грязь, сгорали люди... Некоторые просто ржали над судорогами горящих. Некоторые же плясали вокруг человеческих костров и орали...». Жуткая история не нова. Подобным образом расправлялись с жителями Белоруссии фашисты в годы Великой Отечественной войны, и сам Алексей Ивакин видел, как заживо горели люди в Доме профсоюзов в Одессе и как добивали их каратели.

Финал главы вселял надежду: два бывших ээка, чудом претерпевшие страшные, нечеловеческие испытания и спасённые разведгруппой, сделали единственно правильный выбор, встав на сторону защитников Донбасса.

На базе батальона «Призрак» Алексей Ивакин организовал детско-юношеский клуб «Четверка» и сам проводил занятия, убеждённо считая, что с пацанами надо заниматься историей, трудовой практикой, обучением полезным навыкам, прежде всего – автоделу, а не делать красивую картинку

для отчёта перед начальством. Своих питомцев он называл «волчатами». Многие из них осиротели за годы войны, ценили малейшую заботу, старались ответить тем же: «Как-то был случай, когда я не мог даже встать и доползти до чайника с водой. «Волчата» меня и отпаивали. И капельницу ставили».

С конца 2019-го года я стала общаться с Алексеем в Фэйсбуке, где он выкладывал фотографии «волчат». Читала его острые, порой нецензурные выпады в адрес местных и прочих властей. Однажды посоветовала ему отказаться от мата и прийти к Богу. В ответ он послал меня куда подальше, заявив, что не нуждается в морализаторстве. Я не обиделась. Желание лично познакомиться с ним крепло у меня, несмотря ни на что. Весной 2020-го я собралась в четвёртый раз съездить в Донбасс: пандемия нарушила этот план. А в конце лета прочла сообщение в соцсетях: «На 48-м году жизни после тяжёлой продолжительной болезни ушёл из жизни Алексей Ивакин – писатель, журналист, поисковик, ополченец АНР». Он умер 18 августа 2020-го года, похоронен на верхнем каменнородском кладбище в Луганске. Известие о его смерти я восприняла как личную утрату: не часто встречается в наше время столь мощный писатель-баталист с талантом сродни шоолоховскому.

Лауреат литературной премии им. А.П.Чехова, национальной литературной премии «Серебряное перо Руси 2014», Алексей Ивакин всю свою нелёгкую жизнь был борцом и бойцом. Он награждён медалью АНР «За боевые заслуги». Первая изданная им книга «АнтиАнастасия» стала результатом работы психолога с жертвами тоталитарных сект: не зря набросились на него участники движения «Звенящие кедровые России». Активно выступал Алексей в защиту исторической правды о Второй мировой войне. Его перу принадлежат книги «Мы погибнем вчера», «Десантура-1942», за которую автор получил именные часы от командующего ВДВ России генерал-майора Шаманова, «Прорвать блокаду! Адские высоты». Обращался Алексей и к жанру военной фантастики: в соавторстве с Олегом Таругиным вышли в свет книги «Штрафбат в космосе» и «На взлёт идут штрафные батальоны». И это далеко не полный перечень всего сделанного им за недолгую жизнь.

Когда я приеду в Донбасс в четвёртый раз, то непременно навещу могилу Алексея Ивакина и со словами «Вечная память!» положу на неё красные гвоздики.

ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ РУДЕНКО

В этом году ушла из жизни Светлана Руденко – прекрасный писатель и публицист, уроженка Луганска, большой друг редколлегии альманаха «Крылья». В нашей памяти навсегда останутся её интеллигентность и принципиальность, вера в добро и человеческие души. Московские друзья прислали краткую биографическую справку о Светлане, а также подборку стихотворных посвящений её супруге, поэта Михаила Бондарева.

Светлана Анатольевна Руденко (13.02.1969 – 23.05.2021) – литературный критик, редактор, тележурналист. Родилась в Луганске в рабочей семье. Окончила 20-ю школу, в 1991 году – филологический факультет Луганского государственного педагогического института им. Тараса Шевченко. Преподавала русский язык и литературу во 2-й школе Луганска, публиковалась в местной прессе. В 1995–2000 гг. заочно училась на факультете прозы Литературного института им. А.М. Горького в Москве. Вместе с другими студентами основала русский литературный журнал «Молодое око» (МОЛОКО), который выходит поныне. С 2000 года и до своей кончины работала в Москве в «Учительской газете» редактором отдела образования и воспитания. Кроме того, в качестве корреспондента работала в общественно-политическом журнале «ВВП», редактором на телеканале «Красная линия», с 2014 года и до ухода из жизни – программным редактором и ведущей в агентстве «ANNA-News». Лауреат премии правительства РФ за 2010 год в области печатных СМИ.

Светлана Руденко постоянно поддерживала связь с Луганском, занималась популяризацией литературы Донбасса и альманаха «Крылья». Как литературный критик публиковалась в журналах МОЛОКО, ВВП, «Наследник», на «Русской народной линии», в «Учительской газете», на «Свободной прессе» и др. Была настоящим патриотом родного города, участвовала в организации гуманитарных миссий на Луганщину. Похоронена на кладбище «Острая Могила». Памяти Светланы Руденко сотрудники «ANNA-News», «Учительской газеты» и журнала МОЛОКО сняли документальный фильм «Светя другим, сгораю сам».

Михаил Бондарев

Поэт, журналист. Окончил Литинститут им. Горького. Живёт в Калуге.

Я КАЛУЖСКИЙ, ТЫ ЛУГАНСКАЯ

У судьбы – дорога узкая,
Чуть зарвался и – в кювет.
Вижу: звёздочка калужская
Шлёт янтарный мне привет.

Небо тихое донецкое –
В бриллиантовых цепях.
Дремлет что-то половецкое
В этих сказочных степях.

Что-то княжеское, ханское
В малорусских этих снах.
Я налью себе шампанское,
Опрокину в один мах.

А потом налью горилочку
И нарежу я сальца,
Крепко выпью за кровиночку,
За сынулю молодца.

Я калужский, ты луганская,
Разве это не родство?!
Наливай, жена, шампанское!
Пей до дна за Рождество!..

20.12.2004

НЕ СЕРЧАЙ, УКРАИНКА

Ты прости меня, милая Света,
Что я облик теряю поэта
В твоих грустных усталых глазах.
Ты прости меня, добрая жинка,
Что я толстый, а гнусь как тростинка
И барахтаюсь в детских мечтах.

Ты прости меня, добрый редактор,
Что рычу я как сломанный трактор
На асфальте московских дорог.
Не гневись, не серчай, украинка,
Ведь я тоже всего лишь пылинка,
Меня носит, и дьявол, и Бог.

Ты поверь, моя крошечка Света,
В то, что песенка наша не спета
Средь славянских лесов и полей.
В мелкий дождь и стаканье бури,
В лучезарной звенящей лазури
Мы похожи на двух голубей.

29.10.2004

ЗАШУРШИМ, ЗАСТРЕКОЧИМ

Слава Солнцу, – стрекочет кузнечик,
Копошатся букашки в траве.
Добрый день, мой родной человечек,
Как дела твои в шумной Москве?

Как дела у тебя на работе,
Вновь про школу готовишь статью?
А я в тихом калужском болоте
Стихотворную строю ладью.

От огня поэтических свечек
Меня тянет в простор голубой.
Не скучай, мой родной человек,
Скоро буду я рядом с тобой.

Скоро вновь зашуршим, застрекочем,
Снова будем налаживать мир,
Осветлять подмосковные ночи
Электричеством съёмных квартир.

31.07.2006

ЛУГАНСКИЕ КУРГАНЫ

Седы луганские курганы –
Прожили тысячи веков.
Не миновали ураганы
Край хлебобобов, горняков.

В степях Восточной Украины
Я слышу русские ветра.
Мне не понятен плач детины,
Которой ближе немчура.

И никогда я не поверю,
Что для доверчивых славян
От всей души раскроет двери
Европы хитрый старикан.

Седы луганские откосы,
И в летней знойной тишине,
Взметнув серебряные росы,
Князь Игорь скачет на коне.

Ему не ведома граница,
Что разведет единый полк.
Взлетает князь как будто птица,
Крадётся он как серый волк.

Его бесстрашная дружина
За дело русское умрёт.
Куда летишь ты, Украина,
К закату или на восход?

И я не знаю, где Мессия,
Мне надоел туман-обман,
Но верю я, что лишь Россия
Спасёт славянский караван.

03.09.2009

СЛОВО ДОНА И СЛОВО ДНЕПРА

Я к степному прислушался стону –
На окраину русский гонец, –
Устремившись к Великому Дону,
Тихо Северский плачет Донец.

Кто-то с умыслом создал границы,
Наломал, как попало, дрова.
Разлетелись родные две птицы –
Древний Киев, златая Москва.

Вьют как будто отдельные гнёзда,
Недомолвками кормят птенцов,
А над ними великие звёзды –
Звёзды пращуров, звёзды отцов.

А над ними свистят ятаганы,
Нависает германский сапог.
Прожигая столетий туманы
Грустно смотрит славянский наш Бог.

Я прислушался к шуму Азова,
Выйдя к морю тревожно с утра.
Здесь сливаются снова и снова
Слово Дона и слово Днепра.

07.12.2006

* * *

Светлой памяти Светланы Руденко

По скверам шла весна. Цвели каштаны,
Черёмуха душистая цвела,
Ожили подмосковные фонтаны,
А ты в пору цветения – ушла.

За все обиды ты прости, Светлана,
И в мире, полном передряг и бед,
Мне солнышко сквозь пелену тумана
Всегда, всегда напомнит о тебе.

Пусть твоё имя повторяют ветер
И светлая небесная вода.
Пока я жив, ты в моём сердце, Света,
В душе ты остаёшься навсегда.

29.05.2021

ПОЭЗИЯ

Григорий Шувалов

Поэт, литературный критик. Родился в 1981 году в пос. Ладва Республики Карелия. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Стихи печатались в журналах «Москва», «Дети Ра», «Наш современник», «Подъём», «Родная Кубань», «Вологодский ЛАД», «Бельские просторы», альманахе «Крылья» (ЛНР), в «Литературной газете», «Литературной России» и др. изданиях, переведены на английский, болгарский, вьетнамский, китайский и якутский языки. Автор книги стихотворений «Восточка» (2017). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

* * *

Вся вкривь и вкось застроена Москва,
куда ни глянь – кругом головоломка.
Провинция по жизни не права,
а здесь для всех подстелена соломка.

В Кремле китайцы, в ГУМе – кавардак,
Покровского собора пирамидка,
а где стоял гостиничный барак –
для селфи забабыхана открытка.

Пойду на мост, ведущий в никуда
пропавшие навеки поколения,
пусть чёрная московская вода
накроет память пеною забвенья.

Потух пожар, бушующий в крови,
и сам себе я повторяю снова:
«Барахтайся, барахтайся, живи,
любую пошлость одолеет слово».

* * *

Зима. Нет снега в декабре.
Ополоумела природа.
Траве неясно на дворе
какое нынче время года.

Ах, где бы снега взять взаймы
под настроенье никакое?
Земля устала без зимы,
ей очень хочется покоя.

Лежать мечтается полям
под лебединым одеялом.
Здесь в городе всего навалом,
но нет житья снеговикам.

Блестит искусственный каток,
на конькобежцев зырит зритель,
его не радует итог,
где вместо снега заменитель.

Бредет усталый человек
во тьме с работы до ночлега,
его душа желает снега,
но потерялся где-то снег.

ТЁПЛАЯ ЗИМА 2020 ГОДА

Разгулялось солнце в январе,
за Урал попрятались морозы,
по крещенской я иду жаре,
и стекает снег с холмов, как слёзы.

Десять раз ложился снег на грязь,
ничего, увы, не получилось,
и весна как будто началась,
перемножив плюс на минус.

Хорошо с метелью в голове
ковылять по тропке вдоль канала,
не мечтал я в детстве о Москве,
но судьба надежно привязала.

Уток черствым хлебом покормлю –
заберёт изъятое природа,
этот город я ещё люблю
за осколок небосвода.

И плывут размякшие в тепле
за подачкой птицы,
чтоб со мною в треснувшем стекле
неба отразиться.

* * *

Этой ночью мне спать не давал соловей,
он всю ночь распевал для любимой своей.

Если б мы с тобой ночью сидели вдвоём,
я бы тоже, наверное, пел соловьём.

Но спокоен отныне мой скорбный приют,
больше певчие птицы здесь гнёзда не вьют.

Впрочем, песня меня бы уже не спасла –
в моём сердце не лёд, а осколок стекла.

Замолчи соловей и людей не морочь,
пусть глаза мне закроет косматая ночь,

упаду мертвецом я в объятия сна,
мне гораздо нужней темнота, тишина.

Ну а ты улетай, чтобы встретить зарю,
и не слушай, безумец, что я говорю.

* * *

В молодости кажется, что всё еще впереди,
но проходит десяток-другой и кажется – всё уже было:
зеленела трава, трепыхалось сердце в груди,
незаметно подкралась осень и всё затопила.

Будет ещё индейское лето, как говорят в США,
или же просто бабье, как говорят в России.
Будет ещё веселиться твоя душа,
под кратким солнцем спасаясь от ностальгии.

Дальше выпадет снег, день рождения, Новый год.
Забывание старого – жизни любой основа.
Под бой курантов прополощешь шампанским рот
и завалишься спать до Рождества Христова.

* * *

Исчезают родные названья,
были русские, стали – ничьи,
и уходят за край мироздания
наши речки, болота, ручьи.

Это Ключики, Пишковка, Лямка,
это поле с названьем Играс*,
это стёртого мира подлянка
тем, кто выйдет сюда после нас.

Кто там вспомнит названья поскотин,
где Гарская с Тыркановской шли,
и останется разум бесплоден
перед ликом забытой земли.

* *Играс – название происходит от слова «райграс» – кормовой травы, которой было засеяно поле за деревней Кочино, где впоследствии ребятня играла в футбол, волейбол, лапту.*

Попиравшие в городе клумбы,
от столичных отчалив квартир,
выйдут в поле чужие Колумбы
и откроют затерянный мир.

В МУЗЕЕ

Мне в музее выдали автомат,
не стрелять, конечно же, так, для фото.
Мне в плечо упёрся его приклад,
будто это с детства моя работа.

Старый добрый дедовский ППШ,
сплав смертельный дерева и железа,
ты, наверно, в юности не спеша
по фашистам трели давал из леса.

Как кузнечик смерти носился ты,
враг, тебя услышав, на землю падал,
разлетались головы и цветы,
если ты плевался свинцовым ядом.

Не стрелял по людям я, не пришлось,
но знаком плечу жёсткий вкус приклада,
и когда нагрянет незванный гость,
я умру за Родину, если надо.

Застрекочат пули, рванёт фугас,
пулемёт ударит с небес по тверди.
Дай мне силы, Господи, в этот час
не бояться крови и близкой смерти.

Андрей Бабожен

Поэт, поэт-песенник. Родился в 1982 году в городе Чите. Регулярно публикуется в литературной периодике с 2007 года. Член Союза писателей России и Российского авторского общества, автор книг «Я заболел осенними ветрами» (2009), «Любви хрустальный свет» (2010), «Моя тридцатая зима» (2011), «После дождя» (2014), «Судьбе о судьбе» (2017), «Стихи на опавшем листе» (2020). Живёт в Чите.

РУССКАЯ ИЗБА

Несправедливая судьба
Стучится дикой вьюгой в двери.
Стоит убогая изба,
В свою ненадобность не веря.

На всю округу – ни души,
Лишь мокрый снег да буераки.
И в звёздном небе миражи,
И вой то ль ветра, то ль собаки.

На десять вёрст – сплошной пустырь,
Заправлен рваным покрывалом,
А на пригорке – монастырь
Среди крестов, каких навалом.

Тайга кольцом смыкает круг.
Ночами месяц смотрит с неба
На дом, уставший от разлук.
Там пусто всё и всё нелепо.

Избёнок этих на Руси,
Наверняка, сегодня много.
Они заброшены в грязи,
Забыта нами к ним дорога.

И обветшалостью полны
Окрестности таких селений.
...За новой жизнью не видны
Постройки прежних поколений.

СВЕТЛОЕ ОКНО, ТЁМНАЯ ВОДА...

Светлое окно,
Тёмная вода,
На столе вино
В злые холода.

Улетели сны
Стаей вольных птиц,
Слёзы солонны
Капают с ресниц.

Время лечит боль,
Но не пустоту,
Примеряет хворь
Белую фату.

Знать, невеста мне –
Лишь она одна.
Жизнь на самом дне,
И не видит дна.

Есть всему свой срок,
Мягкой станет твердь.
Если там есть Бог,
То условна смерть.

Лишь душе дано
С верой жить всегда.
Светлое окно,
Тёмная вода...

ГРОЗА НЕЧАЯННОЙ ВОЙНЫ

Водой холодной остудите нервы,
Чтоб ныли зубы, дыбилась душа!
Двадцатого столетья сорок первый
Преподнесли на лезвии ножа.

И в новый век нацистские знамёна
Внесли под гул с парадного крыльца,
А в храме мироточила икона,
Прося без слов о помощи Творца.

И отголоском горестного эха
Донёсся плач сестёр и матерей,
Где средь веселья стало не до смеха
От звонких и горячих новостей.

Мы все замолкли, головы склонили,
Но не спешим седлать своих коней,
А там вдали, за облаком из пыли,
В упор стреляют в женщин и детей.

Идёт пожар, и пламенем объята,
Когда-то наши, русские леса,
И плавятся рассветы и закаты,
Удерживая злые небеса.

Они без нас выходят в ополчение,
Им ордена за доблесть не нужны,
И в унисон сердечного биения
Гремит гроза нечаянной войны.

А горизонт от ярости краснеет,
Склоняясь над могилами бойцов.
И с каждым днём становится большее
Смотреть в глазницы мёртвых городов.

ПЕРВОЗДАННАЯ

Ты первозданная,
Я знал тебя такой,
Наверное, лет тысячу и больше.
Ты окаянная,
А мне легко с тобой,
Не важно где – на Кубе или в Польше.

Ты повседневная,
Но празднично вокруг,
Когда глядят глаза твои с улыбкой.
Ты несомненная –
Спасёшь меня от выюг
В моей мечте волнующей и зыбкой.

Ты ясноокая,
Но взор печален твой,
И в нём видны забытые тревоги.
Ты одинокая,
Хотя теперь со мной
Идёшь по жизни, точно по дороге.

Ты восходящая,
Как первая звезда
На тёмном и спокойном небосклоне.
Ты настоящая!
И слово твоё – «Да!».
...Дотронься тёплой щекой моей ладони!

Оксана Макаеева

Поэт, поэт-песенник, прозаик. Родилась в 1978 году в Свердловске Луганской области УССР. Член Свердловского литературного объединения «Забой» им. А. Лебединского. Член Союза писателей ЛНР. Широко публиковалась в периодике ЛНР и России. Автор десяти сборников для детей разных возрастов и шести поэтических сборников для взрослых. Дипломант и лауреат литературного фестиваля «Муза Новороссии» (Молодоговардейск). Живёт в Свердловске.

МОЁ НЕЖНОЕ СОЛНЦЕ

Как живётся тебе, моё нежное солнце?
Каждый день освещаешь моё ты оконце,
Каждый день согреваешь весь мир ты лучами.
Прикоснуться бы к ним хоть разочек руками.

Окунуться в твой блеск и стать вечностью света,
Вдохновением быть для любого поэта,
И блистать ослепительно, лишь неизменно!
Маяком быть нетленным для всех во Вселенной.

Быть небесным светилом, звездой самой яркой,
И при этом вовек оставаться загадкой.
И при этом вовек дарить жизнь всей планете,
Начинать новый день, как всегда на рассвете....

ВОЛЬНЫЙ ВЕТЕР

Над ковылью вольный ветер
Распевает снова песнь.
И танцует на рассвете,
И несётся до небес.

Да над полем, светлым, вольным
Машет вихрем удалой.
Да над краем, над раздольным,
Над зелёною травой.

Разгулялся он внезапно,
И не хочет утихать
Над просторами азартно,
Хочет вдоволь полетать.

ОПЯТЬ НАШЕПТАЛИ СВЕРХУ

Опять нашептали сверху
Скорее всего невпопад,
На слёзы? А может, для смеха?
Потом как-нибудь сообщат.

Я знаю, потом разберутся
Все судьи лазурных небес,
И черные тени уймутся,
Которых выстраивал бес.

Мелькну среди звезд под луною,
Дорожку прочертит маяк,
И я за заветной мечтою
Пойду перекрашивать мрак...

Наталья Советная

Поэт, прозаик, публицист, литературный критик. Кандидат психологических наук. Автор 12 книг поэзии, прозы, публицистики, изданных в России и в Беларуси, в том числе: «Цветок на морозе» (2006), «В поиске сокровища» (2008), «За краем света» (2010), «Тайна русского Царя» (2010), «Два поклона» (2015), «Увидеть ветер» (2014), «Венчики золотые» (2016), «На земном подсвечнике» (2016), «Пучок травы» (2015), «Одна судьба» (2018). Имеет награды, в том числе медали «Василий Шукшин» (2014), «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923-1996)», орден Фонда мира «За веру и верность» (Москва, 2016). Член Союзов писателей России, Беларуси, Союзного государства. Председатель оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьева (1923-1996) и литературных чтений И. Григорьева в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Живёт в г. Городке Витебской области Белоруссии.

* * *

С ума сойти от этой нежности –
От майской травности тугой,
И от лесной зелёной свежести,
И от туманов над рекой!

Изнемогаю от бессилия:
Вместить бы эту красоту
В душе,
спасаясь от засилья
Грехов, влекущих в темноту.

Но Кто-то бережно и ласково
(Кому дано с небес взирать)
В души глубины,
злу не властные,
Впустил святую благодать!

КАШТАНОВЫЕ СВЕЧКИ

Молчаливо, тёмно-тучно
Смотрит небо мутным глазом.
Серый город... Сыро... Скучно...
Ливнем смыть бы скуку разом!

Чуть дождит...
И вдруг – каштаны
Белым вспыхнули пожаром!
Вмиг рассеялись туманы,
Словно грустной феи чары.

Миллионы свечек нежных –
Выше, выше пламень света,
Пламень веры и надежды –
За дождями грянет лето!

* * *

Памяти Глеба Горбовского

Не дождался весны, улетел лёгкой птахой из мира.
Мягкий снег засыпает поэта земные следы.
Отзвучала его незабвенная звонкая лира,
Высох щедрый ручей животворно-чистой воды.

Но весна пробудилась и полнится тайною силой,
Капля талая точит и точит могучие льды,
А под ними сокрыта стихов златоносная жила,
В оживающих струях искрятся живые мечты.

Отпечатки следов заполняет весенняя влага,
Припадают к ней птицы, чтоб чище и радостней петь.
И капель, и ручьи, и следы – всё небесное благо,
А в руках у поэта сверкает и тусклая медь!

СУМЕРКИ СИНИЕ

Бредут по снегам, словно схимники,
Молитву беззвучно творят
Волшебные сумерки-зимники –
Небесные рясы до пят!

А лес – с голубыми деревьями...
И воздуха синь-синева
Вся выгкана чудо-мгновеньями
Божественного Рождества.

От тайной Звезды до Крещения
Душа в ожиданье чудес:
В сиянии Богоявления
Опустится голубь с небес.

Расступятся льды аметистовы,
И воду свят-крест всколыхнёт –
По сини ногами пречистыми
Господь, воплощённый, пройдёт.

А нынче в снегах, словно схимники,
Молитву беззвучно творят
Январские сумерки-зимники –
Небесные рясы до пят.

* * *

Разлука на веки... прощанья... потери...
Родные мои далеко за годами –
Закрты, невидимы времени двери,
А я всё ищу, как в тумане блуждаю.

В руках моих тоненький ниточный хвостик –
Размотан клубок до седого предела.
И дальше – лишь радуга – призрачный мостик
На берег, на тот, что таинственно белый.

Там бабушка грядки капустные полет,
Крахмалит бельё, Богородицу славит.

Там вечером папа читает запоем,
А утром он косит рассветные травы.

Там тётушки, дядюшки дружной семьёю,
Соседи, друзья и знакомые просто.
Заря с золотисто-лучистой косою,
И вечер сиренево-сине-раскосый.

Там любящим взглядом встречает любимый,
Дыхание рядом, слова стали лишни...
Ступаю на мостик, но – мимо и мимо!
И катятся с белого берега вишни...

* * *

«Моё родимое селенье,
Тебя уж нет, да всё ты есть...»

Игорь Григорьев «Ситовичи»

Веретенька журчит – пробудилась.
Вот спасибо, родная, за милость!
Прозвучи нам старинным напевом,
Что слагали на бреге на левом,
Где деревня когда-то звенела,
Горевала, молилась и пела.
А в рассветной тиши было слышно,
Как гудит наковальня у Гриши.

Сито... Ситовичи...
Быль-селенье
Процедило столетья-мгновенья:
И ни хат, ни души, лишь в ложбинках
Кабаны протоптали тропинки,

Во дворах табунятся берёзы
И снега. И земелька промёрзла...
Но журчит Веретенька: «Жить – будем!»* –
Пока память дарована людям.

26.03.2018

* название книги стихов И.Григорьева (М., 1984).

* * *

Близится ночь, синева загустела.
А на родные земные уделы
Месяц отчаянный светит неистово,
Сыплет и сыплет он яркими искрами.

...Годы, как летняя ночь, всё короче.
Даже минутки никто не отсрочит.
В сумерках узкие тропки растаяли.
Наши любимые – с белыми стаями.
Звёздными птицами в небо взлетели,
Вспыхнули – мир озарили – сгорели...

Месяц отчаянный светит неистово.
Падают звёзды горячими искрами...

СТИХИИ

Застывшим солнцем в капельках смолы
Волна морская, берег окропляя,
Явила связь стихий с небесным краем
Застывшим солнцем в капельках смолы!

В янтарный одуванчиковый май
Весна, цветущим светом озаряя,
Плеснула нам Божественного Рая:
Янтарный одуванчиковый май...

В медово-яблочный созревший Спас,
Плоды земные в храме освящая,
Омыла благостью вода святая
Медово-яблочный созревший Спас.

Лампадка осени – светильник-лес,
Огнём купинным землю согревая,
Рассыпал листья – радость даровая! –
Лампадка осени – светильник-лес.

Надеждой тёплой в искорках снегов
Крещенский день, просторы осеняя,
Благословил союз зимы и мая –
Надеждой тёплой в искорках снегов.

Воскресшим Солнцем в пламени сердец
Любовь людская, мир от зла спасая,
Связала Край земной да с Небокраем
Воскресшим Солнцем в пламени сердец!

САПЁР

*Памяти Василия Ивановича Форманского,
гвардии красноармейца, награждённого медалью
«За отвагу» при освобождении Витебщины от немецко-фашистских захватчиков в 1944 году.*

Казалось, даже воздух стал железным,
И вздох – последним.
И последним – взгляд.
Был каждый шаг его полётом в бездну,
В кроваво-огненный свинцовый ад.

Неверное движенье мстило взрывом,
Но, смерть опережая, шёл вперёд,
Безминный путь готовя для прорыва –
Пятиметровой ширины проход.

И был перед сапёром враг бессилён,
Слепыми пули становились вдруг,
Когда навстречу им вставал Василий –
Над ним молитвенный смыкался круг.

Готов проход, готов второй и третий.
– В атаку, братцы! – дан уже приказ.
...Дорогой жизни стали метры эти
От дней военных – в наш далёкий час!

* * *

Поэтессе из г. Донецка

Из Севастополя письмо:
– Мы здесь! Мы с дочкой живы!
Бежали в русский Крым – домой –
От оборотней лживых.

Но следом Вий стучится лбом
В прозрачную границу,
Бандеровским налиты злом
Под веками глазницы.

Он роет когтем землю близ
Луганска и Донецка:
За жизнь с Европою – без виз –
Ребячьим платит сердцем.

И скажут, скажут бесы: – Гэты!
Швыряют смертью в хаты...
У вурдалаков есть ли честь?
И жалость – у рогатых?!

...Молитвы ангельским щитом,
Надеждою упрямой
Храним Новороссийский дом –
Я здесь, в Донецке – мама,

И в добровольческих рядах
Мой муж – подстать солдатам.
Шахтер... с оружием в руках,
Как дед наш – в сорок пятом.

...Уже светает. Тишина.
Пора будить дочурку –
Всю ночь бредила: «Война-а-а!
Спасите кошку Мурку!»

И с ней тревожился прибор
Во мраке непроглядном,
Мои стихи бойцами в бой
Рвались на лист тетрадный.

РОДНЯ

*Памяти Булаевых, погибших 14 ноября 2014 года
от артобстрела украинской армией*

Погибла в Горловке семья...
Распяты киевским снарядом
Родители и сыновья
Не за морями где-то – рядом!

Глядят с улыбкой из вчера –
Живые! – на семейном фото.
И кажется, в чужих чертах
Я вижу родственное что-то.

Фамилия – родня родней!
Ах, как тревога бьётся дрожью...
Шепчу, молю я: «Упокой
Сказнённых хунтой, Правый Боже!»

Рыдает мёрзлая земля.
И не согреться –
Из далёка,
Из горько-золкого былья
Войны зловеще смотрит око.

Там каждый день и каждый час
Горит. Кропится кровью время...
Я сиротею за Донбасс.
И в Русь – святую – крепче верю!

Ольга Старушко

Поэт. Родилась в 1964 году в Севастополе. Член Союза писателей России. Стихи публиковались в журналах и альманахах «Глаголь» (Москва-Петербург-Париж), «Парад литератур» (Москва), «Берега» (Калининград), «Севастополь», «Александръ», «Территория слова» (Краснодон), в коллективных сборниках «Слово о Новороссии» (Москва) и «Болдинская весна» (Горловка), в «Петербургской газете» и в газете «ЛГ + курьер культуры» (Севастополь). Автор книг «Корабельная сторона» (2015) и «Родительская тетрадь» (2021). Живёт в Севастополе.

КОРНИ

Нет, неправда, что эти стволы не имеют корней.
Как бы их ни косили морские сраженья и войны,
в Севастополе на Корабельной моей стороне
спят поныне луганские пушки системы Гаскойна.
Сколько ядер отлито для флота, для русской земли,
сколько залпов победных давали в боях каронады...
С моряками орудия эти на берег сошли
и держали Малахов курган до последних отрядов.
Их отсюда тащили враги после Крымской войны
как трофеев: до колоний, до самых канад и австралий.
И спасая, тогда корабли родной стороны
вместо кнехтов стволы у разбитых причалов вкопали.
А потом на вершину обратно внесли на руках,
чтобы дети гордиться могли, чтобы были достойны
не медалей, не званий – стволов о двуглавых орлах
и корней Новороссии: пушек системы Гаскойна.

БЛИНДАЖ

Да что же это, люди, как же так?
Три русских школьника приходят в бундестаг
и говорят про страшную войну.
И в ней, войне, винят свою страну.

Вчера не праздник был и не парад,
а перелом, начало поворота,
и в контрнаступление Сталинград
рванул орудиями, чтоб поднять пехоту.
Об этом телевизор ни гу-гу,
как будто мы тогда сдались врагу.
И «Сталинград» не выговорит власть –
как будто мы теперь готовы пасть.
Зато про бундестаг – ажиотаж,
про слёзы о солдатах не спасённых.
...А в Севастополе вчера нашли блиндаж
времен второй героической обороны.
Бульдозер вскрыл: тут обновляли парк,
заложенный вокруг мемориала.
А в нём, внутри, всё сохранилось так,
как было после месяцев атак,
когда рвалось, пылало и стреляло.
Своих детей, которые войну
хотят понять, сюда приводят люди.
Своих артиллеристов помянуть
и рассказать про залпы их орудий
по немцам, приходившим убивать,
про выдержку и доблесть, чувство долга
бойцов, ещё не знавших – отступить
придётся нам, держа за пядью пядь,
покуда в спины не задышит Волга.
Ещё вдали не разглядеть рейхстаг.
Ещё нескоро там взовьётся флаг.
И Паулюс пока что не зашёл
в его не называемый котёл.
Блиндаж на склоне как разверстый рот,
как замерший во времени приказ.
И в нём навечно сорок первый год,
и каждый год, когда стреляют в нас.
А школьники вернутся в Уренгой.
Нет, их не проклянут и не осудят.
Не скажут каждому: отныне ты – изгой,
в музеи, к памятникам – больше ни ногам,
в глаза смотреть не смей приличным людям.

Но ведь они втроём не с потолка
свалились на потребу бундестагу.
Так чья руководящая рука
им выправляла на проезд бумагу?
Кто наставлял и кто слова вставлял,
чтоб их произносили, выступая?
Как незаметно подошли мы к краю:
Великая О-те-чес-твен-на-я
убита насмерть. Есть Вторая Мировая.
В лесах, полях, болотах, блиндажах
лежат не найденные до сих пор, лежат.
Теперь, выходит, им лежать во лжи?
Бульдозеры ломают блиндажи,
и на горячий, на ревуший свет
выходят все, кого на свете нет,
поскольку были произнесены слова,
что враг их и не думал убивать.
Встаёт контуженный и насмерть обожжён,
встаёт расстрелянный, заколотый ножом,
и кто с ранениями, кто без рук, без ног –
хрипят: ты не на тех напал, сынок.
И горек их вопрос, и страшен глас:
ты сожалеешь об убивших нас?
Мы не за то, сопляк, отдали жизни,
чтобы за наших правнуков взялась
вся кода, что тоскует о нацизме,
о свастике, эсэсовском кресте
скулит, сапог вылизывая панский,
и так же брешет яростно о тех,
кто убивал в Донецке и Луганске.
Когда они придут, ты так же сдашь
и Сталинград, и Крым, и тот блиндаж?

ПРОЗА

Александр Крамер

Прозаик. Живёт в Любеке (Германия).

СОМНЕНИЕ

1

Одно время я просто не вылезал из командировок. Наездился до того, что жена моя первая, когда я в очередную командировку уехал, собрала вещички свои, да к родителям и воротилась. А перед этим чуть не из-за каждой поездки скандалы в доме стояли такие, что не очень-то я и расстроился, когда меня бросили.

Ну, а совсем перед тем, как второй раз жениться и с кочевой своей жизнью насовсем распрощаться, попал я осенней порой в старинный небольшой городок, недалеко от границы. К сожалению, время еще было такое, когда за билетами, куда б ты ни ехал, в диких очередях приходилось выстаивать, да и достоявшимся тоже никто гарантии не давал, что удастся купить билет на нужное время и направление. Однажды пришлось мне в Москву из Уфы добираться через Ташкент и Адлер. Главбух чуть с ума не сошел, когда я билеты выложил.

Так вот и получилось в тот раз, что уехать пришлось на день раньше, потому что мне на испытательном полигоне непременно нужно было быть вовремя.

2

Ну, приехал... Город чужой, времени свободного – пруд пруди, – самое то, что нужно, замечательно просто. А город открылся уютный, красивый, зеленый – необыкновенно. Я наслаждался чудесной оказией, и бродил, бродил – никого ни о чем не спрашивая – до бесконечности. Наконец, незадолго до вечера, забрел на окраину и очутился перед высокой стальной оградой с великолепными коваными воротами:

и диковинные животные на них были, и причудливые цветы и растения... Не ворота, а кузнечный шедевр. Створки стояли открытые настежь, и за ними хорошо виден был белый большой особняк с портиком и колоннами, а дальше, за подъездной аллеей, бесконечно тянулся парк – и ни единого человека нигде; и мне вдруг ужасно захотелось прогуляться по парку: отчего-то подумалось, что он должен воротам замечательным по красоте соответствовать. Подумано – сделано. Приближаться к особняку я не стал: мало ль кто там обитает и чем это для меня может кончиться. Нет, бояться я ничего не боялся, просто приключений на свою голову искать не хотелось, не в моем это характере, потому я тут же с главной аллеи свернул и пошел бродить по дорожкам.

Сад выглядел довольно запущенным. Будто много лет никто ни к чему здесь не прикасался. Но по мне так – даже и лучше, чем когда все вылизано, как на параде. Природа тогда – будто стерилизованная, дистиллированная – неживая, одним словом, – вроде лица на котором ни родинки, ни ямочки, ни другого симпатичного какого-нибудь изъянца.

А всюду скульптуры разные, фонтаны причудливые, беседки, портики... Только вся эта красота тоже запущенная-заброшенная: скульптуры с отломанными руками-ногами, портики и беседки местами разрушены, в трещинах, фонтаны ползучей гадостью и бурьяном позарастали... И потому ощущение возникало такое, будто время в чудном этом месте тоже немного разрушилось и от этого остановилось.

Бродил я довольно долго, пока, уже на заходе солнца, не вышел к откосу. С откоса видна была широкая, нарядная в свете закатном, речка, через речку – длинный ажурный мост, и за мостом – город, зажигающий первые огоньки. А дорожка, которая к речке вела, уперлась в высокую и длинную перголу (я потом на даче себе такую же сделал, только, конечно, пониже и покороче). Пергола, увитая лозой дикого винограда, была ярко-красной, будто небеса закатные в ней отражались – красиво необычайно. Как и все в этом саду, пергола тоже немного разрушилась, но еще была ничего, не такая, чтобы стоило чего-либо опасаться. Нырнул я в суме-

речный коридор и стал спускаться по склону, пока не вышел наружу, к узкому металлическому мостику через ручей. Перешел – и вижу: большая земляная площадка, окруженная огромными валунами, на другой стороне площадки – скала – могучая, мрачная, с покатою плоской вершиной; а на самой вершине – метрах в трех-четыре над землей, прямо над той дорожкой, по которой только и можно к речке спуститься, уместился полого гигантский обломок: будто чудовищной силой скалу надломило, да кусок отломившийся так на вершине лежать и остался. Казалось, громадный камень лежит непрочно, чудом только, потому что под свежим ветром даже слегка покачивается. Впечатление создавалось такое, что вот-вот глыба рухнет вниз и все под собою раздавит. И тут показалось мне, а может, померещилось просто в неверном закатном свете, что на скале... вроде как написано что-то, но не по-нашему... Солнце на сизом небе пунцовым светом пылает, от скалы – тень густая клином через всю площадку легла, валуны путь обходной загораживают, и иначе к реке не пройти никак... Можно, конечно, назад повернуть, но мне вдруг втемяшилось, что обязательно надо к реке спуститься, – и от этой опасности мнимой воображение мое вдруг разыгралось, как-то не по себе стало, знобко даже...

3

– Здравствуйте. Вы кто, извиняюсь, будете?

Я аж вздрогнул от неожиданности, обернулся: передо мной маленький, сухонький старичок стоит, – голову набок склонил, взгляд из под мохнатых седых бровей серьезный, из солидного глиняного чубука дым в вислые казацкие «вуса» пускает.

– Да так, – отвечаю, – приезжий, а здесь как, нельзя посторонним?

– Отчего ж таки, можно, стойте, чего путного, может, и выстоите... А с экскурсией утречком – не схотели?

Голос у старичка был жиденький, сильно на женский похожий, но уверенный и не сердитый, и я ни минуты не дергался, что в чужие палестины забрался.

– А я не с экскурсией, я сам по себе, командировочный. Скажите, а что на скале действительно надпись или мне только кажется?

– То так, напыс есть, только там на латинском напысано, да суморок, потому не понять.

– Нет, по латыни я все равно бы не прочитал. А что надпись значит?

– Так то и обозначает, отчего вы до камню приближаться не сильно желаете, а здесь утвердились. – Сказал старичок, улыбнувшись и выпустив в небо дымное облако. – Но если желаете, посидим в сторожке моей (караулю я тут), повечеряем разом, чтобы мне одному не так нудно было, а я вам про камень та напыс историю и доложу.

4

Может, что и совру, а только на бумаге нисколько о том не сохранилось – потому, неписьменный народ обретался.

Жил в давнее время, при крепостном еще праве, в имении этом пан. Был пан шляхетный, гербовый – куда там... От только за годами имя паново не збереглося.

И все у того пана имелось: достаток, панна красуня, два паныча-подлетка... Чего еще надо? А только так не бывает, чтоб все у человека имелось, и ничего ему сверх того не желалось. Вот и пана нашего стало в одночасье корчить оттого, что не ведом он никому – вишь, славы ему приспичило. А откуда ж той славе свалиться, коли пан ленющий был – почище вареника: только его и хватало, чтоб в гости к кому забраться, в карты резаться, горилку трескать, да по чужим бабам да девкам шастать. Так и то сказать, сильно пан девок любил, и немалое их число по округе всей перепортил; так откуда ж в других делах усердию взяться, ежели вся ретивость на девок тех и уходила.

А особо владетеля разбирать стало, когда сосед его першим в этих краях мельницу паровую завел, и, надо ж такому, почти в то же время приятеля его ближайшего мировым судьей выбрали.

Совсем пан после того с ума сходить начал – ровно взбесился. Крепака своего за паршивого зайца чуть до смерти не запарол. Панну, по пьяному делу, прибил; так прибил, что она забрала панычей и, не медля, съехала – будто у воду канула.

Ни с того ни с сего запретил бабам, сроду такого не знали, в лес по грибы ходить, да ягоды собирать... В общем – творил чудеса.

Так он чуть не полгода дурил, а бестолку надурившись, собрал свой народец мастеровой, выстроил перед домом и посулил тому, кто что-нибудь разпроэтакое измыслит – этакое, чтоб с ног сшибало, чтоб завидки соседей взяли, и округа галдела как заведенная – вольную тут же выписать и всем его домочадцам в придачу.

5

На селе – то почти что закон – коваль – мастер наиглавнейший. Оттого у коваля в хате и сошлись погутарить про панску шараду. И раз сошлись, и второй... Да разве ж кто ни с того ни с сего что необычайное измыслить способен? Это ж не табуретку сварганить, это природно человеку тому должно быть.

Вы решетку при входе в сад наш видали? Ну вот с того и начнем.

Сыновей коваля жинка родить не сподобилась. Произвела на свет четырех девок, а потом хворобу какую-то заимела, на том продолжение рода ковальского и остановились, и передать свое мастерство коваля, вроде бы, некому выходило. Но то только вроде бы, потому как три девки обыкновенных у коваля народилось, а одна, самая старшая, её Настькой звали, была, как и не девка вовсе: роста громадного – выше батеньки, лицо грубое, рябое – мужичье, силища в руках – я ти дам. Хлопцы не то, что любезничать, подходить опасались. Подковы, понятно, Настька не гнула, но когда в ухо залившему зенки охальнику врезала, того чуть не с того света пришлось ворочать. После того ухажеров, даже по пьяному делу, как-то не находилось.

Всё, видать, оттого пошло, что еще сызмальства наладилась Настька в кузню бегать, отцу подсоблять. И такая в ней страсть обнаружилась к этому делу, такая жилка, что коваль только головой качал, да руки разводил. А Настька выдумщица уродилась – страшенная. Вечно у ней в голове какая-нибудь идея крутилась: всё старалась по-своему измыслить, как-то не так, как все делают; а как выкует вдруг для души

какую чудовинку, так её на базаре вмиг оторвут. Часом коваль, шутки ради, как загнёт на ярмарке цену... Куда там, и шуток не понимали, раскошеливались. Потому, когда пан ворота ковать заказал, коваль Настьку в подмастерья свои наладил окончательно и бесповоротно – ото ж она все фигурки на воротах и понапридумывала, а коваль и не возражал, потому понимал – мастер знатный растёт, не ему чета. А когда барин орать вознамерился, что нескончаемо работа та тянется, коваль ему цветы кованные к особняку привез и положил на пороге – на том ор панский и кончился.

Так-то оно всё замечательно вроде, да только, понятно, несчастливая девке выпадала судьба: подружек не водилось у Настьки сроду, парни тоже в компанию не принимали, только и был свет в окошке, что батя да кузница. В перестарках уже ходила.

Так чего учудила! Отпросилась как-то раз в город – на неделю целую, вроде ей захотелось на людей поглядеть да скупиться. А после того, через короткое время, обнаружилось, что Настька после той поездки тяжелая – ну шуму было! Мать чуть из хаты не выгнала, сестры брезгливо фыркали, по селу народ ухохатывался, пальцем на девку тыкал. Только коваль тогда дочкин поступок и понял, да пожалел; посадил он ее на возок, да, чтоб дураки душу девке не бередили, свез незнамо куда, где Настька и родила, подальше от взглядов косых, да тупых голов.

Народ языки почесал-почесал, да вскорости и надело, а пацан видный родился, ковалю и Настьке на долгую радость.

6

Ну, вот потрошку до камня и дошкандыбаали. К той поре, когда пана думки о славе одолевать стали, Настька уже в настоящие ковали вышла. Только ровней себе, из-за бабьей ее принадлежности, мастера местные Настьку не признавали, на сходки цеховые звать не сподоблялись; и на этот раз так затевалось. Но только тут не в меру серьезно всё выходило, не до фанаберии. Пришлось-таки кузнечиху позвать, чтоб и она себе голову над панской задачей ломала.

Первый раз от задумки Настасьиной мужики аж покатились, затюкивать бабу стали, а только Настасьёю тем с толку

не сбить было, не тот заквас, не тот норов. Дождалась она, когда все отзубоскалятся, и давай, вместо насмешек, помощи ихней просить, а тут и батька её, как положено, голос свой поднял, давайте, говорит, разбираться, а насмешки строить – немудрёная штука; так дело и двинулось.

Когда все до мелочи обмозговали, собрались мастеровые гуртом и двинулись, вместе со старостой, к пану. Позначили в общих чертах задумку, да и стали просить, чтобы позволил пан всей деревней на работу ту навалиться – не осилить иначе, а если что путное из затеи выйдет, отпустить на волю их деток, а им самим, сверх такой его милости, ничего и не надобно. Понятное дело, затею ту тоже Настька придумала, а пан, даром что с гонором, без дальних слов и согласился. Согласился – да и укатил; видно, тоска его на самоте одолевать стала. Воротился пан тогда только, когда управитель оповестил, что дело все сделано и можно гостей скликати.

7

Всем миром тогда налегли и управились к осени, потому как по осени в нашей местности серьезные ветродуи – корень наиважнейший, чтоб товар наилучшим образом предъявить. А от этого, сами должны понять, что зависело.

Денёк выдался тогда яркий, ветренный, как мастера и подгадывали. Площадку перед скалой цветами украсили, дорожку, что от моста железного за скалу к речке ведет, чистым речным песочком посыпали, на каждый валун поставили меленки кованые с колокольцами, и у меленок крылья крутились, и звон тихий от колокольцев поширивался – в общем, навели красоту. А за скалой сразу, вы туда чуток не дошли, а в суморке не разглядеть, тоже малесенькая площадка имеется. Там бабы в тот день столы праздничные накрыли с пирогами да пирожными, самовары жаровые, до нестерпного блиску начищенные, вскипятили и дворню в нарядах праздничных наготове поставили – дорогих гостей потчевать.

Спустились дамы и господа от панского дома, прошли насквозь перголу – новомодная штука была, ее тоже на тот случай поставили – перебрались через мосток, на площадке расположились и... стоят. Ветер маленько посвистывает, колокольцы легонько позванивают, кусок страшный над

дорожкой качается – полный вид, будто в сей момент поползет, обвалится и всех под собою прихлопнет. Стоять дороги гости, попритихали, к угощению не поспешают, меж собой перешиптуются. А пан вдруг как став смеяться – и остановиться не може, аж слезы з глаз, чуть от хохота боки не надсадил. Так ухохатываясь, в три погибели согнутый, добрался до угощения – и стоит чай пьет, руками махает – к столу гостей кличе. А только еще один молодой офицерик пошел, да приятель пана, что мельницу паровую построил, а остальные пошущукались, пошептались промеж собою, да в дом и возвратнулись.

После того посещения и наказал пан на скале надпис выдолбить. «Дубиум» там надписано, «сомнение» значит. Вы вот тоже, приметил я, засомневались. А в войну в саду авиабомба жахнула, в имении стекла все повывлетали, деревья с корнем повыворачивало, а каменюка как раскачивалась да сползала, так и посейчас продолжает.

Старичок замолчал, склонил голову набок, прищурился, посопел чубуком, посмотрел на меня, улыбнулся хитро и закончил:

– А в округе скалу эту все «Настькиным камнем» кличут, и в книжках так, ясное дело.

Инна Часевич

Прозаик, сценарист. Окончила Нижегородское театральное училище им. Евстигнеева и Литературный институт им. Горького. Печаталась в газетах: «Грань», «Литературная Россия» (Москва), «Новый город», «Православный Саров» (Саров), «Школа» (Нижний Новгород), в журналах: «Земляки», «Нижний Новгород», «Нижегородская провинция», «Санкт-Петербургская Искорка», «Российский колокол», «Великороссь», «Литкультпривет», сборниках «Эклеры», «Помним», «22 июня», «Вдохновение» (Саров), «Вдохновение» (Москва). Автор книг «Две повести» (2018), «Школа в кольце» (2019). Живёт и работает в г. Саров Нижегородской области.

ФА, СИ, ЛЯ...

Привычным, отточенным за восемь лет движением, Муся пристроил на плечо скрипку. Это был дорогой, старинной работы инструмент, которым музыкант очень дорожил. И сейчас ему больше всего было жаль ее, свою верную подругу, которую подарила ему мама. «Мама... Не плакать», – он поднял смычок. Красиво и легко провел по струнам.

Фа, си, ля, до второй октавы и снова си, фа, ми. Над замершей толпой поплыли первые звуки, тихие и дрожащие, пока Муся воевал с волнением, однако, с каждым мгновением становившиеся все уверенней.

Иногда Мусе казалось, что он родился со смычком и скрипкой и сразу дал первый концерт. Время, когда бы в его жизни не звучала музыка, он не помнил. Первым учителем Муси стал сосед, давший однажды плачущему малышу старую скрипочку, оставшуюся от внука. Все думали, что мальчик поиграется с инструментом, как с обычной деревянной игрушкой, но тот вдруг заиграл! Так старательно водящий смычком по струнам, Муся неожиданно для всех и даже для самого себя «вывел» свое будущее. С этой минуты его душу наполнила музыка. Муся слышал ее в каплях дождя, стекающих по оконному переплету, в туманах, стекающих над болотами, окружившими его родные Бельцы причудливым ореолом, в легком ветерке, колышущем озерную гладь.

Муся почти никогда не расставался со скрипкой, которая радовала и огорчала, дарила надежду и причиняла боль. «Странно, почему Сева так плачет, когда его тетя Галя на занятия ведет? Как люди могут жить без музыки? Если бы она исчезла из мира я, б, наверное, сразу умер».

Ми, соль половинка, ми четверть. Рука не дрожала, звуки лились ровные и твердые. Смычок «летал» по струнам сильно и властно, словно Муся стоял на сцене, а не на выжженной солнцем окраине станицы. «Главное, не бояться. Страшнее уже не будет». Соль, си, ля...

Когда его стали звать Мусей он не помнил. Как-то так само получилось, что мамино долгое и нежное «Абрамуся» превратилось в короткое и деловитое «Муся». Даже в газете, которую с торжественным видом принес дед, его называли домашним прозвищем. Муся не обиделся, все-таки не каждый день про тебя в газетах пишут, чего уж сердиться на такие пустяки. В тот вечер вся семья собралась за большим круглым столом, даже папа пораньше из своей больницы вернулся. Мама читала статью, а Муся тихонько играл. Сам то он читать еще не умел, да и считал не очень быстро. Единственное, что он делал не просто хорошо, а удивительно хорошо – играл на скрипке. В тот вечер даже дед согласился, что Мусе не обязательно становится врачом, как всем мужчинам в семье. Он будет лечить души людей музыкой. Муся тогда даже заплакал, так ему стало жаль больных и нестерпимо захотелось их всех вылечить. Ради этого он готов был отказаться от ужина, и от вкусного молока на ночь и от яблока и от... «Подожди, сынок, отказываться. Как же ты играть будешь голодным? У тебя сил не будет!», – мама ласково прижала сына к себе, радуясь и вместе с тем страшась его решимости.

Ля, соль, фа, ми. «Мама...», – рука Муси дрогнула, и он тут же запретил себе думать о ней. «Нельзя! Надо продержаться хотя бы куплет. Нет! Еще припев. И еще куплет. Пока не опомнились»

Мусе нравилось идти по улицам Бельцов за руку с дедом. Да и с отцом тоже. Врачей Пинкензонов, казалось, знали в городе все. Их все время останавливали, чтобы поздороваться совсем не знакомые люди. Мужчины поднимали шляпу и пожимали руки, женщины начинали раскланиваться еще издали, а, когда подходили ближе, улыбались и совали Мусе в руку петушка на палочке или мягкий калач. Когда

семье пришлось эвакуироваться на Кубань, отец и тут умудрился стать известным всей станице. Сколько раз Муся просыпался не от грохота снарядов, а от нетерпеливого стука в дверь – была нужна помощь, отец уходил и возвращался домой под утро. Если возвращался, конечно, а не сворачивался как в детстве «калачиком» на двух поставленных рядом стульях в ординаторской до следующего грохота или крика: «Раненых привезли». Вот ради этих «привезенных» семья Муси и не успела уехать от лавиной накрывшего станицу фронта. Вернее, не захотела, не смогла бросить ни обгоревшего мальчика из пятой палаты, ни контуженного танкиста из третьей, ни санитарочку из первой с ампутированной после гангрены рукой. А потом эта смертельная лавина унесла с собой все: и раненых, и Мусины одинокие вечерние концерты в отцовское дежурство, и госпиталь, и саму жизнь семьи Пинкензон.

«Ре. Половина с точкой. Почему эта длительность многим кажется такой сложной? Все же понятно – половина и еще ее половина, ну, половина с четвертушкой, это не сложно, это красиво» Муся перевел дыхание, и новая фраза зазвучала так мощно, что люди в толпе вдруг изменились. Казалось, страх перестал тянуть к их душам свои отвратительные мертвящие щупальца, и на них неуловимо повеяло ветром надежды. «До, си...»

Лежачих раненых добывали в палатах, тех, кто мог ходить вытаскивали во двор и там расстреливали. Молоденькая санитарочка лежала на выжженной солнцем земле, глядя остекленевшими глазами в синее безбрежное небо. На белых бинтах расплывались пятна свежей крови. Отец Муси, не представлявший, что можно вот так расправиться с беззащитными людьми, первый раз в жизни преступил через клятву Гиппократа. Доктор Пинкензон не стал оказывать помощь немецким солдатам, которые уже заняли койки, еще хранившие тепло уведенных на расстрел. Мама до вечера металась по знакомым, пытаясь «пристроить» Мусю, но он упрямо возвращался домой. Вечером пришли и за ними.

Рыжие брови немецкого офицера сначала недоуменно взметнулись, а затем сошлись в одну сплошную линию, не предвещающую ничего хорошего для худенького мальчика со скрипкой. «Замолчать! Свинья! Не играть!» Люди, толпящиеся вокруг Муси, зашевелились. В прозрачном летнем воздухе сначала негромко и слабо, а затем все звонче и силь-

нее звучало: «Кипит наш разум возмущенный...» Муся играл, песня, заполнив площадь, прокатилась над станицей и ушла дальше к удивительно голубому в тот день небу. Застывшие от неожиданности, солдаты оцепления даже не делали попытки взяться за оружие. Зубы капитана заскрежетали, глаза из светло-голубых, «породистых» стали черными и далеко «не арийскими». Когда этот оборвыш попросил разрешения сыграть последний раз на скрипке, которую так старательно прижимал к груди, офицер решил, что он просто оттягивает момент расправы. Но этот еврейский выродок посмел играть «Интернационал»!.. Он что, сошел с ума, увидев расстрел отца, пытавшегося выпросить пощаду сыну, и смерть матери, бросившейся на труп мужа? Как иначе можно объяснить эту дерзость?! Рука метнулась к кобуре.

«Ре, си, соль. Больно...Очень... больно...Играть...Еще игр...» Пятно крови на белой рубашке отца, волосы матери, поднятые ветром, лица людей, громко выводящих «в смертный бой...», зеленые мундиры немецких солдат, рот офицера, кривящийся в диком крике, слились в глазах Муси в страшной, нереальной пляске. Через мгновение Муся лежал на земле, левой рукой прижимая к себе скрипку, а правой крепко сжимая смычок. Его черные глаза смотрели в самую глубину бездонного летнего неба, словно надеясь увидеть там победный день, который он сейчас приблизил ценой своей маленькой одиннадцатилетней жизни.

ГЛУБОЧИЦА

На улице послышались грубые окрики полицейев, отрывистая немецкая речь и лай собак. Фаина, отодвинув занавеску, выглянула в окно.

– Мам, гляди-ка, немцы по всем избам шарят, всех из домов гонят. Даже деда Митрича вытолкали на улицу.

Дед Митрич, самый старей в их селе, ноги лишился еще в гражданскую, с тех пор ковылял на двух костылях, «прыгачил», как говорила веселая хохотушка Райка. Впрочем, она это делала не со злостью, по молодости чего только не ляпнешь, никто же не думает, что словами обидеть может. А Райка вообще на язык всегда скорая да острая, только сей-

час она шла вместе со всеми, выгнанными из своих домов, побледневшая и как будто резко посерьезневшая.

– Мам, а куда это их всех? – не унималась Фая, придерживая перед лицом занавеску и осторожно выглядывая в маленькую щелку между тканью и простенком. Окна в избе были большие, их еще Фаинин дед вставлял, хороший стекольщик был, все село к нему ходило, считай, каждый дом его окнами на улицу смотрел.

– Уйди, уйди, от греха! Не высовывайся, авось мимо пройдут, – Дарья беспокойно заметалась по избе, а потом резко, остановившись, откинула крышку подпола.

– Полезай! – скомандовала она дочери.

– Зачем? Не хочу! – отшатнулась та, – я не буду больше в окошко глядеть. Не хочу в подпол, там темно.

– Лезь, лезь скорей! И нос не высовывай, чтоб не случилось. Меня заберут, ночью выберешься, и в лес ступай, там партизан найдешь.

– Куда заберут? – побледнела Фаина и бросилась к матери.

– Чует мое сердце, не к добру все это, наши-то им третьего дня дали жару, вон как поезд-то ихний пылал. Вот они, поди, и озверели. Давай, лезь! Хоть ты живой будешь.

– Мама, мамочка, я с тобой хочу, – Фаина заплакала и прижалась к матери, – полезли вместе, нас не найдут.

– Найдут, милая, найдут. Увидят, что дома никого нет, искать начнут. Лезь, лезь, милая, скорей, ночью убегнешь.

– Я не хочу без тебя, мамочка, – Фаина отчаянно мотала головой, еще крепче обнимая мать.

В это время громко скрипнула калитка, Дарья изо всех сил толкала дочь в подпол, одновременно сияясь убрать руки Фаины, намертво вцепившиеся в материну кофту.

– Скорей, ну, скорей же!

В сенях загрохотали сапоги, мать уронила крышку подпола и попыталась загородить собой дочку. Ввалившиеся в избу немецкие солдаты, показывая на двор, громко скомандовали:

– Вон! Выход! Матка, вон! Шнеллер, шнеллер!

Рыжеволосый великан, схватив за руку онемевшую Дарью, вытолкнул ее в дверь. Второй солдат выволок упирающуюся Фаину и пинком спустил ее по ступенькам. Дарья охнула, бросилась к упавшей дочери, сгребла ее в охапку, и, поставив на землю, прижала к себе.

– Шнеллер, шнеллер! – рыжий детина замахнулся прикладом, Дарья, закрыв собой дочь, повела ее мелкими шажками со двора. По всей улице, подгоняемые окриками и толкаемые в спину прикладами, почти бежали сельчане. Сзади ковыляла бабка Нюра, громко стучавшая клюкой, изо всех сил старавшаяся поспеть за всеми.

Людской поток стремительно приближался к колхозному амбару, стоявшему почти на окраине Глубочицы, рядом с большим и таким плодовитым лесом. Сколько в нем всегда черники урождалось, на все село хватало! Еще и гостям из Себежа оставалось – если к кому родные из райцентра приезжали, сразу в лес – за «добычей» шли. Тут тебе и черника, и малина, и грибы. А озера какие! Глубокие, прохладные, вода в них голубая-голубая, прозрачная, кинешь иголку и смотришь, как она вниз опускается...А на дне камушки, каждый видать. Красота в этих местах необыкновенная, нигде такой нет.

У открытых дверей амбара стояло четверо солдат. Тех, кто упирался, они затакивали внутрь, били прикладами по головам, спинам, рукам. Били без разбора и малшей, и стариков. Бабку Нюру пихнули так, что она упала прямо на оказавшуюся перед нею Дарью, и они обе рухнули вниз, не успев войти в дверь. Солдаты, схватив обеих женщин, небрежно поставили их на землю и грубо втокнули внутрь.

В амбаре было всё село. Дети плакали, женщины молились, Митрич переминался на своих костылях, вздыхая и что-то тихо бормоча под нос. Бабка Нюра беспокойно оглядывалась кругом, сама себе задавая бесконечные вопросы без ответов.

– Родненькие, нас зачем сюда всех-то? В Ерманию ихню забирать будут? А я то как же? Я куда ж с клюкой-то своей? А? Родненькие?

Дарья обнимала дрожащую дочь, слезы капали на старую застиранную кофту, а она, не замечая их, гладила Фаю по худой спине, приговаривая шепотом:

– Что ж я, дура, тебя не спрятала? Что ж я наделала, проклятушая? Что ж теперя будет-то? Что ж эти злыдни задумали?

Женщина рядом вдруг зашлась в крике.

– Убьют! Убьют всех! Гореть все будем! Гореть! И дитяти! Все!

Митрич, неловко повернувшись на своих костылях, закричал высоким старческим голосом, пытаясь перекрыть начавшийся со всех сторон вой:

– Цыц! Чего голосишь, дура?! А вы чего закудахтали? Одна несет невесть что, а вы выть вздумали?!

– А зачем нас сюда всех-то? – не унималась баба с растрепанными волосами, – Зачем? Соседей-то наших сожгли! Дааа, сожгли! Всех! Сама слыхала. Теперя нас жечь будут! За партизан. Господи! Я жить хочу, жииниитть.

Рядом опять заголосили. Стоящие у выхода, начали отчаянно колотить в дверь.

– Дитёв! Дитёв выпустите, изверги! Дитёв пожалейте!

Из-за запертой двери послышались лающие окрики, в деревянные стрехи под самой крышей начали впиваться пули. Народ отхлынул вглубь амбара, началась давка, дети закричали, женщины забились в рыданиях. Бабка Нюра, потрясая клюкой, тоненько взвизгивала:

– Проклятые, ироды! Чтоб детёв ваших холера забрала! Чтоб вас всех лихоманка свалила, чтоб обезножили все!

Митрич пытался уговорить народ, но его никто не слушал. Агония страха захватила разум, женщины пытались протолкнуть вглубь своих детей, отталкивая чужих, вспыхнули драки. Били друг друга с остервенением, словно вымещая на других ужас предстоящей смерти.

Неожиданно из самой сердцевины людской толпы раздалось: «Расцветали яблони и груши». Райка в каком-то безумии полу кричала, полу выла хорошо знакомую песню. Все замолчали. В резко наступившей тишине явственнее стали слышны звуки с улицы. Раздалось ворчание моторов, один за другим заводились и куда-то уезжали мотоциклы, голоса немцев становились все тише. Наконец, наступила странная и от того страшная тишина. В амбаре молчали, даже дети перестали плакать. Одна Райка сорванным голосом попыталась завести последний куплет, но на нее так зашикали, что и она перестала петь и стояла, переводя удивленный взгляд с одного лица на другое, пока ее глаза не приобрели былую осмысленность.

– Изверги убегли куда-то, – первой нарушила молчание Рая.

– Послышать надо, может того, бензин льют? – спросил прошедший гражданскую, Митрич.

Стоявшие у дверей, прильнули к стене, напряженно вслушиваясь в каждый шорох с «воли».

– Не слышать вроде... – нерешительно протянула Дарья.

Баба с растрепанными волосами недовольно шикнула:

– Вроде? Или не слышать?

– Не слышать...Вроде... – так же нерешительно проговорила Дарья.

Баба, оттолкнув ее, сама приникла к двери. Снаружи амбара было так тихо, что, казалось, будто слышно, как плещется вода в Белом озере.

– Супостатов рядом нету, – наконец, сделала она заключение, и отошла от двери, растерянно поглядывая на сельчан. Все потресненно молчали, не понимая, что это может означать. Неожиданно заскрежетал замок и дверь открылась. Все отшатнулись, баба со спутанными волосами, чуть не упала на стоящую рядом Дарью. В проеме двери появился пожилой немецкий солдат, который обычно сидел во дворе дома, где жил Митрич, и выводил на губной гармошке грустную протяжную мелодию. Частенько он, стараясь не попадаться на глаза своим товарищам, украдкой совал пробегавшим мимо детискам то кусок хлеба, то банку консервов, то печенюшку.

– Вы идти на воля. Меня связать. У мене киндер, троє. Я не хотеть убивать дети. Идти. Все идти. Шнеллер, быстро, быстро уходить.

Он протянул вперед руки, показывая, как их надо связать. В амбаре не шевелились, таким нереальным показалось спасение, что никто не мог в него поверить.

– Они уехать, ждять. Гауптман ждять. Вы бежать, быстро бежать.

Первым вышел из оцепенения Митрич.

– Бабы, выходим, быстро, порядком выходим, не давим дружку, выходим, а ну, шнель! – скомандовал старик и все, словно очнувшись от этих слов, подхватили детей и поспешили к выходу. На этот раз не было никаких драк, наоборот, бездетные женщины брали на руки чужих малышей. Две покрепче взяли под руки бабку Нюру и почти бегом понесли её на улицу. Дарья дрожащими руками вязала руки немца, рядом прыгала Фая, подгоняя мать. Солдат кивнул головой, Дарья, таща за руку дочь, побежала догонять сельчан, уже почти достигших опушки. У самого леса она последний раз оглянулась на родное село, такое красивое этим летним утром. У открытых дверей амбара, на земле сидел связанный немец. Словно почувствовав на себе её взгляд, он поднял голову и кивнул, хотя вряд ли уже мог кого-то разглядеть. Фая дернула мать за край кофты и, больше не оглядываясь, они устремились вглубь леса.

Александр Ралот

Прозаик, публицист и краевед. Автор более десяти книг. Широко публиковался в периодических изданиях России, США, Греции, Германии, Беларуси, Великобритании, Австралии, Узбекистана. Член Союза писателей России. Награждён медалями: Золотой Есенинской, им. И. Бунина, им. М.Ю. Лермонтова, Андрея Белого, А.Т. Твардовского, «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе», имени генерала Брусилова. Живёт в Краснодаре.

ЗАВЕТНЫЙ СПИСОК

У каждого человека в жизни наступает момент, когда он должен перейти Рубикон. У меня первый случился в далёком 1972.

Покойная матушка пережила голод тридцатых годов, у неё пухли от голода ноги, вот и посоветовала идти на «зерновой факультет», а я любил химию, до одури, до самозабвения.

* * *

– Здесь этого добра, в смысле химий о, сколько, – бойкая девчушка в приёмной комиссии провела ладошкой повыше головы. – Будет и органическая, и неорганическая, и физколлоидная, и химия зерна, и жиров. Давай аттестат зрелости, ну и остальное, что там ещё имеется.

– Гррр-а-мо-ты, – заикаясь и борясь с комком в горле, молвил я.

– И их прикладывай. Может быть пригодятся.

– Так я ещё хотел на эту, специальность. На химию пластических масс. Там же чёрным по белому написано, химия. А у вас завуалировано.

Девчушка с хитрым прищуром посмотрела снизу вверх. Открыла аттестат.

– Местный. То есть я хотела сказать, городской. Не с гор спустился?

– Это к чему? – возмутился я.

– А к тому, что глянь туда, – кивнула в сторону большого ватмана, с приклеенными конвертиками. В которых торчали листки с цифрами.

– Химики набирают всего одну группу. Двадцать пять человек. Подано семьдесят пять заявлений. То есть три претендента на место. Усёк?

– Так и на хлебопродукты то же самое. Набирают шесть групп. Сто пятьдесят мест. А подано уже четыреста пятьдесят заявок. В чём разница? – я не мог понять логику девушки.

Она вышла из-за стола, поднялась на цыпочки и защекотала в ухо.

– Теорию вероятности учил?

– Не. Её в средней школе не проходят.

– Плохо. На первом курсе будешь грызть. В общем так. Вероятность того, что ты попадешь в число счастливчиков-сто-пятидесятников много выше, чем в список двадцати пяти избранных химиков. Усёк?

* * *

Как я сутки напролёт готовился к приёмным экзаменам, про то отдельный сказ. Пятёрка по неорганической химии, окрылила. А «пяхи» по физике и математике позволили проходить, чуть задрал нос, мимо завистливых «конкурентов» (С большинством из них дружим не один десяток лет. И стали ближе, чем родственники!)

В ночь перед последним экзаменом – единственным письменным, литература, сочинение, не спал! Ещё бы. Даже если трояк схлопочу, то набрав восемнадцать баллов, плюс грамоты. Можно надеяться. А если пара – принимай советская армия новобранца. А с моим ростом и телосложением скорее всего – Морфлот. Хорошо если Черноморский. А если Северный? Брр. Не люблю холод. Мы кубанцы, как ни крути – народ южный. Теплолюбивый.

* * *

В школе из трёх тем сочинения выбирал свободную. Вроде «В жизни всегда есть место подвигу». Никогда не мог я раскрыть сущность «Катерины, как луча света в тёмном царстве». А в свободной пиши почаше слова: коммунизм, партия, народ, рабочий класс и как минимум четвёрка гарантирована. Не будет училка рисковать и ставить трояк «за коммунизм». Только наша Каа была на такое способна. Но ведь она учительствует в новой школе, в Черёмушках и уж никак не может оказаться в сорок девятой аудитории краснодарского политеха.

* * *

– Дай спысать. Отблагадарю, по нашему, по-лезгински. Барана резать станэм. Когда поступым. Кунаком станэшь. – Сосед по столу нахально тянул к себе исписанные мною листки.

– Бесплезно, друг. Я пишу на вольную тему. В ней даже двух одинаковых слов быть не должно.

– Это как? Я тоже такую пысать стану. Коммунизм. У нас, горах тоже эсть.

На возню обратила внимание дежурная преподавательница. Подошла.

Я поднял голову, и сердце ушло не в банальные пятки. Провалилось куда-то под пол. В складские помещения главного корпуса КПИ. На меня сурово смотрела сама Каа! (Ректорат института приглашал лучших учителей города в помощь. Они присутствовали на экзаменах, но работы абитуриентов не проверяли. Эта почётная миссия была навечно закреплена за преподавателями кафедры «Русского языка и литературы»).

Ни один мускул не дрогнул на её красивом лице.

Инстинктивно, по годами выработанной привычке я втянул голову в плечи. Каа склонилась над моей работой, потом открыла экзаменационный лист, где уже стояли отличные оценки за предыдущие экзамены, затем молча кончиком ухоженного ногтя от метила строчку в тексте и отошла.

Там не хватало запятой в сложном деепричастном обороте.

ПЯТЬ ДНЕЙ СПУСТЯ. СКВЕРИК ВОЗЛЕ ПОЛИТЕХА

Батя дал почитать дорогую, дефицитную книгу. Вайнеры «Эра милосердия». Но налёты банды Чёрной кошки не могли отвлечь от постоянно стучащей в висках мысли: а вдруг «пара»! Написал жи, ши через треклятое «Ы». С меня станется. В самобичеваниях я был не одинок. Соседские скамейки оказались заняты парнями и девушками. То с одной стороны, то с другой вдруг раздавалось заветное – Вывесили! И тогда волна абитуриентов, нарушая правила движения, рвалась к массивной дубовой двери, за которой дежурные вывешивали фамилии счастливицков.

С этой минуты гордо именуемых – СТУДЕНТАМИ.

* * *

– Не нас. Энергетиков. – на пустую скамейку села девушка. Закусила и без того пухлую губку и принялась терзать платочек. – Тебе хорошо. Я знаю, ты краснодарский. Не поступишь, пойдёшь спать. А мне ещё трое суток до Архангельска добираться. Из лета в зиму.

– У вас же зерно не растёт. Зачем же ты на «хлебопродукты» поступаешь?

– Отец велел. Говорит, закончишь, на юге жить будешь. В тепле и сытости.

Не расскажешь, что там в деканате сегодня утром говорили. На самом краю города уголок сняла, у старушки. Не успела вовремя доехать.

Я мгновенно вспомнил, как двенадцать часов назад секретарь приёмной комиссии безучастным, металлическим голосом объявила: «Результаты сочинений и список поступивших будет в одном приказе. У нас страна хоть и богата лесами, но неча на вас олухов царя небесного, казённую бумагу изводить. Чай не баре, разом и узнаете. Кому, значит, в нашу доблестную армию, а кто на ликвидацию кустов амброзии и прочие сельхозработы. И ещё не известно, что лучше!»

* * *

Стрелки часов «Победа», подаренных отцом, перестали двигаться. Пытаюсь читать «Эру». Бесполезно. Жеглов и Шарапов по-прежнему были не в состоянии мне помочь.

Соседка по скамейке сорвалась с места и сверкая коленками побежала к заветному вестибюлю.

Следом потопал и я.

Список читал снизу вверх. Свою фамилию не нашёл. Перечитал сверху вниз. Результат тот же. Перед глазами всплыли буруны Чёрного моря и силуэт грозного военного корабля. Хлопки далёких залпов главных калибров.

Это были не выстрелы. Кто-то нахально хлопал по плечу и лез обниматься.

– Паступыли братан! Мы с тобой тэпэрь сту-дэн-ты!

– Ты да. А я нет! – резко сбросил руку дагестанца. – Отстань, меня морфлот ждёт. С нетерпением.

– Пада – ж-дёт. Паш-ли праз-на-вать. У тэба деватнадцать балав, у мэна шестнадцать. Но это нэ чего. Бэз разница. Я по спецнабору. Лишь бы не пара. А её нет. Трояк есть, за вольная тема. За дарагой Леанид Ильыч два никагда не ставят. Кунак, благодарю. Харошая идею дал. С мэна угащения.

– Эй ты. Да, ты! В очках. Ступай за мной. Декан зовёт. – прервал монолог новоиспечённого студента старшекурсник, с красной повязкой на рукаве.

– Наверное напутали в списке, – пронеслось в голове. Очевидно же. Записали фамилию не в список обычных абитуриентов, а в команду льготников. В спецнабор. Ох, не к добру это.

На негнущихся ногах я поплёлся за дежурным.

* * *

Усталый декан ткнул рукой в стул, предлагая садиться. Минут пять попеременно смотрел то на меня, то на бумагу, лежащую перед ним. Наконец молвил.

– Старостой потянешь?

– Кккем?

– Мы тут посоветались и решили парней в одну группу определить. У вас занятия на военной кафедре будут. Целый

день. А если с девушками перемешать, то для них лишний выходной получается.

Я молчал. Банально не понимал, о чём идёт речь.

И хозяин кабинета об этом догадался.

– Ладно, ступай. Родителям позвони. Порадуй.

– А у нас те-ле-фо-на дома нет.

– Ну, соседям тогда. Пусть сходят, сообщат.

Его вообще на Горогородах ни у кого нет.

– И чего сидишь?

Я встал.

Декан повернулся в сторону дежурного: Сахно, ты же на отцовской Победе сегодня приехал?

Тот кивнул.

– Сделай милость, отвези этого очумелого куда скажет.

А заодно, по дороге, растолкуй про жизнь студенческую. Завтра соберём собрание группы. Профоргом предложу дагестанца Шихаева. По всему видать парень не промах. А после этого друженько на амброзию. Как говорится, учебный процесс у нас начинается с войны. С сорняками.

* * *

С Меджидом Шихаевым дружим не один десяток лет. Общаемся по Скайпу или по Вайберу.

В советское время он с нуля построил целый комбинат хлебопродуктов и руководил этим предприятием до пенсии. Сейчас готовит внуков в дальнюю дорогу. В Краснодарский технологический университет. Что ни говори, а династию продолжать надо! Гоняет будущих студентов по русскому, английскому, ну и, конечно, по химии. Куда же без неё?

Александр Пономарёв

Прозаик, драматург. Родился Липецке в 1969 году. Подполковник милиции в отставке. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе. Автор семи книг прозы и драматургии: «За нас. За вас. За Северный Кавказ» (2008), «Хризантемы для Эммы» (2012), «Эпоха Водолея» (2015), «Бабкины сказки – Дедкины подсказки» (2015), «Охота на призрака» (2015), «Прозрачное небо Сирии» (2019), «Наш принцип» (2019). Член Союза писателей России (2011), член-корреспондент Крымской литературной Академии (2012), член Академии российской литературы (2017), Русского Географического Общества (2018). Произведения публиковались в журналах и интернет-изданиях России, Абхазии, Украины, Белоруссии, Германии, Финляндии, США, Греции, Приднестровья, АНР, Новой Зеландии. Лауреат национальных и международных литературных конкурсов. Живёт в Липецке.

«ВЕЧЕРНИЙ ОТОРТЕН»

(Перевал Дятлова)

Два лыжника шли по просеке. Двигались они быстро – один за другим. Широкие лыжи, подбитые оленьим мехом, споро скользили по замёрзшему насту. Одеты они были в тёплые меховые куртки, грубые брезентовые штаны, валенки, прошитые кожей, за плечами вещевые мешки, перетянутые бечевой. Люди шли уверенно, не переговариваясь друг с другом. Время от времени первый из них останавливался, снимал ушанку с головы, прислушивался, оглядывался по сторонам, затем подносил к глазам бинокль, болтающийся на шее, внимательно всматривался вдаль, поправлял старенькую, выдавшую виды, двустоволку на плече – и, кивнув второму, продолжал движение. Пускался в путь за ним и второй. Охотники шли по проторенной лыжне, видно было, что вперёд прошли несколько человек один за другим след в след. Они торили дорогу по снежной целине, те, кто шёл по их следам, двигались быстро и уверенно.

Просеку окаймляла с двух сторон вековая тайга. Видны были опушки леса с небольшими кустами и деревьями, дальше переходившими в непролазный бор.

Этих двоих гнала вперёд лютая ненависть и желание поскорее настичь тех, кто прошёл здесь первым.

Якуб Пацук родился среди бескрайних степей Украины в селе Сливяницы. Мать его умерла, когда он был ещё совсем маленьким. Жили Пацуки в небольшой, хорошо выбеленной хате, крытой соломой, на краю села.

Отец его Опанас был мужиком не злобным, работал счетоводом в колхозной конторе и только иногда запивал горькую. Якубка уже знал – как только послышатся бабкины неуверенные шаги по дороге и песня: «Ничь, ничь, мне не спится, чую, чую, молодыца, мац, мац, ей нэма, пидманула-пидвела», надо сразу же тикать через окно в кукурузу, а то не миновать лиха. По «синей лавочке» отец был невыносим. Мог придраться к чему попало и жестоко побить.

Сидя среди початков, Якуб прислушивался, как только отец переставал греметь посудой, натываясь на мебель, когда воздух сотрясал его переливчатый храп, можно было возвращаться домой. Наутро тот ничего не вспомнит. Иногда сын мстил отцу – когда тот засыпал пьяным мертвецким сном – хлопец подходил к нему и отхаживал кулаками, да пятками, а иногда и поленом, по бокам. Отец только охал во сне, но не просыпался.

Учиться Якуб не любил, в школу ходил с неохотой, но не учиться вовсе побаивался – вспоминались бабкины пудовые кулаки. Да и дразнили его одноклассники – пацук, пацук – напоролся на сук...

От этого пареня рос злобным и мстительным. Выбирая жертву – готовился подолгу и основательно, вынашивая план мести. Кого в лесу толкал в глубокую яму исподтишка, когда ребята ватагой ходили по грибы да по ягоды. А к кому-то подплывал на реке и хватал снизу за ноги, и топил, пока тот не начинал захлёбываться.

Чем дальше он рос, тем меньше с ним водили дружбу. Стал он немногословным и грубым. Но в пионеры всё-таки вступил – нравились ему костры по вечерам и песни у костра. А особенно нравилась комсорг школы Оксана Вербенко. Девушка была стройна и голубоглаза, русые волосы сплетены

в тугую косу, ниспадающую на плечи почти до самого пояса. Пела она лучше всех, красивый грудной голос выводил заунывные и протяжные украинские песни. И пусть была она на два года старше, но Якуб решил для себя через несколько лет, окончив школу, жениться на дивчине. Решил раз и навсегда.

Но была у него своя тайна, которую он не решался поведать никому. Вместе с мальчиком рос и мужал зверь. Зверь время от времени просыпался, выходил на белый свет, жмурился и зевал огромной пастью. Иногда он вилял хвостом, а порою шерсть его вставала дыбом, глаза сверкали, и он катался в бешенстве по земле и злобно скулил. Зверя надо было кормить. Тогда Якуб ловил на селе щенка или котёнка и уходил с ними в лес. Там он подолгу издевался над животными, колот шилом, вырезал на коже узоры, выкалывал глаза, отрезал лапы, а потом душил. После этого зверь ненадолго успокаивался. Он сворачивался клубком и спал, иногда потягиваясь.

Но однажды кто-то из мальчишек подсмотрел за ним и рассказал об этом на совете отряда. Встал вопрос о его исключении из пионеров. На помощь тогда пришла Оксана Вербенко – она взглянула ему в глаза, отчего тот потупил взгляд, и сказала:

– Исключать Пацука из пионеров мы не будем, да и правда ли это? Расскажем его батьку, а тот с ним сам поговорит.

На том и порешили.

Отец тогда и вправду «поговорил» с ним так, что Якуб два дня не мог встать с кровати, болели бока и руки, и ноги, парня тошнило и рвало.

– Ещё раз услышу – прибью! Опозоришь на всё село, – бросил ему Опанас.

Когда Якубу шёл пятнадцатый год, в село пришли немцы. Располагались они по-хозяйски, всерьёз и надолго. В колхозной конторе, где раньше работал отец – теперь была военная комендатура. Все колхозные активисты были расстреляны или отправлены в концентрационные лагеря. Опанас Пацук избежал этого лишь потому, что в партии не состоял, и, так как хорошо знал всю округу – был назначен оккупационными властями местным старостой.

Якуб с завистью смотрел на батькину форму: чёрный костюм из дорогого сукна, кепка с козырьком и на рукаве по-

вязка со свастикой. А местный пасечник с поклоном подарил ему хорошие, почти новые юфтевые сапоги.

– Поважают батька, – отметил про себя Якуб, – важной птицей стал, не то, что при советах.

Лишь однажды хлопец в этом усомнился, когда увидел, как одна из селянок плюнула отцу вслед, когда он шёл своей шаркающей походкой на службу в комендатуру. Усомнился и записал её в свои личные враги – поквитаемся, как время придёт.

– Батька, возьми меня к себе на службу, – как-то попросил он.

Опанас оглядел сына с ног до головы, как будто видел его впервые.

– А что, справишься?

– Справлюсь, – Якуб потупил взгляд. Откажет отец.

– Жалование хорошее, паёк опять же, форма, – как бы про себя бормотал Опанас, – завтра пойдёшь со мной в комендатуру, составлю тебе протекцию. Правильно решил, сынку, хватит у меня на шею сидеть, пора на ноги становиться. А новая власть она к порядку тебя приучит. Это тебе не большевики, немцы – люди культурные.

Проходя патрулем по улицам села, Якуб хрустел новыми кирзовыми сапогами, не то что у отца, но тоже ничего. Чёрная форма, карабин за плечом. Хозяин жизни.

Своё поступление на службу Якуб отпраздновал по-своему. Вечером он затащил в свой сарай Оксану, где долго бил и насиловал её. Издевательства продолжались почти до самого утра.

– Отпусти, Якубко, тошно мэни, – взмолилась девушка.

Зверь ликовал, он рвал зубами человеческую плоть и пил горячую кровь. Белые клыки стали красными, движения из резких и прерывистых превратились в плавные и неторопливые. Зверь был доволен.

– Будешь приходить ко мне каждый вечер, – глухо ответил он, – а не то сдам в комендатуру как активистку. Сама знаешь, что немцы с такими как ты делают.

Но на следующий день Оксана не пришла, наутро она повесилась в своей хате.

По службе Якуб Пацук продвигался быстро и успешно. За год принял участие в нескольких операциях по поимке

красноармейцев, бродивших по лесам, а также поиске большевицких активистов и жидов.

Местное население сдавало их за хорошее вознаграждение, а с теми, кто прятал или подкармливал их, разговор был коротким – к стенке или на дерево.

Зверь стал жирным и неповоротливым. Он лениво скалился, зевал пастью и вылизывал гладкую шерсть. Иногда засыпал, свернувшись клубком, и не беспокоил Якуба.

К этому времени Пацук достиг огромного мастерства в пытках и издевательствах. Он спокойно брал младенцев за ноги и разбивал им головы об край хаты, расстреливал и вешал, очень ему нравилось распиливать какую-нибудь жидовочку двуручной пилой, когда двое держали её за руки и за ноги. Горячая липкая кровь стекала с лавки на земляной пол, а лезвие послушно резала тело, а потом, с хрустом, и позвоночник. И каждой своей жертве Якуб вырезал ножом на лбу пятиконечную звезду. На вопрос: «Зачем, хлопче? Вонны ж мертвяки!» отвечал: «А это, чтобы им в загробном мире не заблудиться. Нехай им светят кремлёвские звёзды».

Группенфюрер Штольц – наместник этих областей – был им очень доволен и даже обещал отправить его в краткосрочный отпуск в Берлин.

Так продолжалось около трёх лет. А когда советские войска пришли, освободив Украину от оккупанта, и немцы смазали пятки салом – подался с отцом к бандеровцам. Жили бандиты в лесах, иногда совершая вылазки, где нападали на военные и колхозные обозы – грабили, убивали, казнили. Но такая жизнь Якубу не очень нравилась, жили как звери в землянках, ели что придётся.

Всё закончилось быстро и неожиданно – банда Якуба попала в засаду СМЕРШевцев.

Отца и его подельников сразу же поставили к стенке, по закону военного времени.

Зверь Якуба скулил, припадал на передние лапы и тёрся о ноги хозяина. Он вилял хвостом и пытался заглянуть в глаза.

Якуб метался на коленях от бойца к бойцу.

– Дяденьки, не убивайте! Батька заставил, – он указывал грязным пальцем на ещё не остывшее тело, – по малолетству, да по глупости, дяденьки!

Он судорожно срывал с себя погоны и петлицы.

– Батька заставил, пожалейте, дяденьки, – колени его су-
конных штанов измазались в грязи.

– Товарищ капитан, – молодой солдат-водитель с пыш-
ными соломенными усами обращался к своему командиру, –
может под арест его, а там разберутся? И вправду хлопчик
молоденький ещё...

– Никого! Никого не убивал, – голос Якуба сорвался
на визг, – батька заставил, за ним ходил...

– Может ты и прав, Золотарёв, – капитан устало помор-
щился, – сколько годов тебе?

– Семнадцать, семнадцать только намеренно исполнилось, –
Якуб, хватаясь за спасительную соломинку, облизывал пере-
сохшие губы, – Семнадцать...

– Вези его в штаб полка, пусть разбираются, вон обгадил-
ся со страху. Мальчишка совсем, – махнул рукой капитан.

Расстрела тогда Пацук избежал. По несовершеннолетию
дали ему пятнадцать лет лагерей. Да и свидетелей его престу-
плений не нашлось, об этом он позаботился заранее – никого
в живых не оставлял.

Двенадцать лет он валил лес в Сибири, а потом попал под
амнистию.

Зверь тревожил его редко. А когда Якуба охватывали при-
ступы ярости и злобы – вымещал всё на работе. Крушил топо-
ром вековые стволы деревьев так, что щепки летели в разные
стороны. За это блатные прозвали его ударником, не знали,
что только таким способом можно немного подкормить зве-
ря, который грыз и жрал его изнутри. Лагерному начальству
его рвение к работе пришлось по душе – видно было, что па-
рень встал на путь исправления, и старается трудом иску-
пить свою вину перед Родиной.

После окончания срока Якуб решил не возвращаться
в Сливяницы, вдруг там остался кто-то, кто знает о его «ге-
ройствах» во время войны? Затеряться здесь, в сибирской
глуши было проще.

Он остался работать на лесоповале в качестве вольноот-
пущенного. Заработки были неплохими, а в последний год
лагерей ему ещё и пофартило – нашёл он тайник в лесу,
спрятанный кем-то из лагерников. Мешочек с золотом –
килограмма на два – песка и небольших самородков. Вре-

мя от времени он приходил к месту находки и наблюдал – не объявится ли хозяин тайника? Но тот, видно, сгинул в таёжной глуши без следа.

Надёжно перепрятав находку, Якуб решил работать ещё несколько лет, а потом найти надёжных людей, продать золото – не сразу, конечно, а небольшими частями – вырученных денег вполне хватит на безбедную жизнь.

Поселился Якуб недалеко от Вижая в посёлке лесозаготовителей или, как все его называли – 41 квартал. Жил в деревянном бараке, среди таких же вольноотпущенных, как и он сам. Заработанные деньги не откладывал, как все остальные (у него была своя заначка), а тратил на харч – питаться ему надо было хорошо. А в остальном кормила тайга – летом грибы, ягоды – в остальное время дичь и рыба. Своего оружия ему иметь не полагалось, но у местных вогулов-манси можно было взять ружьё напрокат, на время охоты. Расплачивались с ними частью добычи или сибирской валютой – бутылкой водки. С лагерным надзирателем он тоже наладил контакты, тот отпускал его на рыбалку или охоту на несколько дней совершенно свободно, за ту же плату – этого Якуб расположил незапятнанным поведением за все двенадцать лет отсидки.

Так он прожил ещё несколько лет. Угол в бараке, отгороженной от остальных рогожей, он делил со ссыльным прибалтом Пярном. То ли эстонцем, то ли литовцем. Как его зовут, каким образом и за что он сюда попал – не спрашивал, не принято это среди вольноотпущенных. Пярн был человеком замкнутым и неразговорчивым, к тому же по-русски разговаривал плохо с сильным прибалтийским акцентом. Слова из него, порой, клещами не вытянешь даже под градусом.

Шёл январь 1959 года.

К жизни своей Якуб привык и даже находил в ней свою прелесть, Это было лучше, чем лежать с простреленной головой в яме, как его отец Опанас.

Как-то под вечер Якуб лежал на своей шконке и отдыхал после дневной смены.

– Сего лесыс, – Пярн откинул рогожу и, дымя папиросой, заходил в закуток, – пойдём концерт послушаем. На мантолине икрают, люплю мантолину...

– Какой концерт? Дай отдохнуть...

– Ф клуппе, стутенты в похот итут, у нас переносевать останновились, концерт покассывають...песплаттно, тенек не натто..

– В клубе? Ну, пойдём. Какое-никакое развлечение в нашей глуши, – Якуб поднимался с кровати.

– Ты ити, я тебя токконю...

Возле поселкового клуба толпился народ. Кто-то вышел покурить, другие, как и Якуб, только что пришли, да задержались у входа перекинуться парой фраз с товаркой.

Зал был набит битком, сидячих мест уже не было, и Якуб встал в проходе, прислонившись плечом к стене. Концерт и вправду выходил интересным – группа студентов царила на сцене, ребята читали стихи, показывали пантомиму, разыгрывали незамысловатые сценки, прерываемые взрывами смеха – видно было, что публике концерт пришёлся по вкусу. Только поднималось над залом облако папиросного дыма, было холодно – и зрители сидели на своих местах в верхней одежде. А когда один из туристов – высокий стройный черноволосый паренёк заиграл на мандолине знакомые мелодии – люди начали подпевать нестройными голосами.

Якуб разглядывал студентов: молодые ребята – всего десять человек – среди них две девушки. Одна худенькая светловолосая, другая брюнетка широкой кости – кровь с молоком. Комсомольцы – Якуб спянуул на пол. Ребята весёлые розовощёкие, держатся на сцене уверенно – видно не впервой им вот так выступать перед зрителями.

На сцену вышел невысокий парень.

– Игорь Дятлов, – представился он, – студент четвёртого курса Уральского политехнического. Командир туристической группы, а попросту этих вот чертей, – он сделал жест рукой.

В зале засмеялись.

– Наш поход посвящён двадцать первому съезду коммунистической партии, который проходит в эти дни в столице нашей Родины. А теперь попрошу почтенную публику нам похлопать.

В зале раздались аплодисменты. Якуб ещё раз спянуул и засобирался к выходу.

Но тут его что-то встревожило. Он оглянулся и начал ещё и ещё всматриваться в лица студентов. Что-то он упустил,

важное и нужное. Что-то знакомое мелькнуло на миг и снова пропало.

И тут его взгляд задержался на одном из туристов. Старше других, высокий, со спортивной фигурой, кареглазый и с чёрными усами. Где-то он уже видел это лицо. Где?

Якуб курил у входа в клуб. Руки его тряслись, всё тело ходило ходуном. Где? Где? Где он видел раньше этого черно-волосого?

Из клуба вышла светловолосая девушка – одна из комсомольцев. Якуб старался унять внутреннюю дрожь.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, – девушка улыбнулась.

– Спасибо вам за концерт, очень смешно и весело получилось...

– Вам спасибо за такой тёплый приём, вам понравилось?

– Очень! Железные ребята из УПИ, – пропел Якуб и рассмеялся.

Вслед за ним засмеялась и студентка.

Сердце Якуба бешено колотилось.

– Вас как зовут?

– Людмила...

– А меня Якуб. Работаю здесь...

Девушка кивнула.

– А вот тот, что постарше, вроде не похож на комсомольца. Учитель ваш?

– Тот, что с усиками? Ну что вы! – девушка вновь улыбнулась. – Это Семён Золотарёв, инструктор с турбазы. Прикреплён к нашему отряду, ему классность по спортивному туризму подтвердить надо, вот и включили его в состав.

– А когда в дорогу?

– Сегодня переночуем, а завтра переход до Второго Северного, там ещё одна ночёвка, а потом через Холатчахаль и на сам Отортен.

– Ого! Трудный поход у вас, я эти места знаю...

– Трудный! Да только и мы калачи тёртые. У каждого из нас по три-четыре таких экспедиции. Бывало и потруднее...

– Ну, счастливого пути! – Якуб, развернувшись, уходил в сторону своего барака.

– Спасибо, – кинула вслед Людмила.

Золотарёв. Семён Золотарёв. Дяденьки, дяденьки, не убивайте! Батяка заставил! Семён Золотарёв. Товарищ капитан, может и вправду пожалеть мальчика? Золотарёв. Может ты и прав, Золотарёв, вези его в штаб, там разберутся. Ишь, обгадился со страху. Вези его в штаб, Золотарёв. Может ты и прав, Золотарёв.

Постарел Золотарёв. Тогда в 44-ом был молодым солдатом-водителем с соломенными усами, а теперь взрослый дядька с усами чёрными. Это он доставлял его на «Виллисе» в контрразведку. Тогда в дороге Якуб боялся, что передумает солдат, остановит машину, выведет его в чисто поле и пустит пулю в лоб. Но Золотарёв тогда не передумал.

Всю ночь Якуб метался во сне. Он часто просыпался, пил холодную воду из ковшика. Ему снились кошмары. Зверь вырвался из клетки, в которую его посадили несколько лет назад. Зверь рвал и метал, он клацал зубами, рычал, сверкая глазами, а потом садился на задние лапы и, подняв вверх морду, протяжно выл. Зверь был голоден. Его надо было накормить.

Под утро Якуб, измученный кошмарами, сбрасывая с себя остатки бессонной ночи, сел на кровати и обхватил голову руками.

– Сто? Не спитса? Плохой сон? – на него, прищурившись, смотрел Пярн. Он лежал на своей койке на боку, повернувшись к Якубу.

Пацук кинулся на колени и зашептал в самое ухо.

– Пярн, миленький, помоги! Надо отомстить! Помоги! Век тебе благодарен буду!

– Отомстить? Кому? Комсомольсам?

– Есть среди них один, что постарше! Семён Золотарёв! В СМЕРШе служил! Он батяка моего к стенке поставил в 44-ом! Жить не смогу, пока он кровью не умоется! Помоги только!

– Токда их всех натто, а не отнофо Золотаррёфа! У меня тоше к этой фласти свой шшёт имеется! Ты котоф?

– А и остальных туда же! Большевистское отродье! Всех в петлю! Пярн, у меня золотишко припрятано! Поделюсь с тобой пополам по-честному!

– И мноко у тебя?

– Чего?

– Солотишка!

– Килограмм точно, может больше! Хватит нам двоим на безбедную жизнь!

– Карашо! Только поллофину саплатишь фперёт! Я фсё то вечера оптумаю, а к ночи фсё тепе скашу! Только уковор – фсё путешь телать, как скашу я!

– Согласен!

Ближе к вечеру Пярн рассказал Якубу составленный им план. Выйти на охоту надо завтра с утра. Студенты, хоть и имеют фору в один день, но идут по незнакомой местности – ощупывая дорогу. Вторую ночёвку они сделают во Втором северном посёлке. Нагнать их Пярн планировал в конце второго дня у подножья Отортена. Якуб должен взять на себя аренду охотничьего ружья у манси и отпроситься у начальника на охоту на 4-5 дней. Нападать на туристов планировали ночью, когда те расположатся на ночлег. Свалиться им на головы, прямо в палатке, ружьё не применять, огнестрел не нужен. Справиться решили прикладом ружья и ножами.

Наутро следующего дня двое на лыжах вышли из посёлка 41 квартала и направились в обратную сторону, к Вижаю. Затем, развернувшись и обогнув посёлок, отправились ко Второму Северному.

Лыжня, по которой шли комсомольцы, была хорошо видна.

Вольнопоселенцы двигались быстро и уверенно, нагоняя туристов. Вперёд их гнала ненависть. Ненависть и злоба, готовая выплеснуться наружу.

В середине дня Пярн, двигавшийся по маршруту первым, резко остановился и сделал упреждающий жест рукой. Они сошли с тропы и залегли недалеко от неё. Навстречу им шёл одинокий путник.

Это был один из туристов, он возвращался назад, сильно хромая.

– Повезло тебе, парень, – прошептал Пярн, – вовремя твоя нога разболелась.

Якуб смотрел на Пярна, открыв рот. Куда девался его эстонский акцент? Тот говорил по-русски чисто. Почти литературным языком. Ай да Пярн! Да прибалт ли ты? А может хорошо законспирированный диверсант? Или шпион? За время, проведённое в лагерях, Якуб видел великое множество липовых шпионов – японских, немецких, американских. Но этот был, наверняка, настоящим.

– Что смотришь? – улыбнулся Пярн. – Рот закрой – кишки простудишь! Держись меня – не пропадёшь!

И он встал с лёжки, намереваясь продолжить путь.

Ещё через несколько часов они заехали во второй раз – на встречу им проехали сани, запряжённые старой клячей. Возница клевал носом на облучке, держа вожжи одной рукой.

Шли быстро, почти не отдыхая. Группу студентов нагнали утром второго дня. Туристы собрались в круг и что-то обустроивали на поляне.

– Вот они, голубчики, – Пярн поднёс к глазам бинокль.

– Чего это они?

– Лабаз делают. Оставляют лишние вещи. Остановятся на ночлег где-то на склоне Холатчахла, вон там, – Пярн показал рукой. – Они планируют через Холатчахль подняться на Оторген. Значит, за день не справятся. Судя по настрою, выйдут в районе двух часов, до вершины засветло не успеют. Как только разобьют палатку и уснут – наступит наше время. Подкрадёмся в темноте и передадим их там как котят.

Студенты закончили постройку лабаза и встали на лыжи. Их старший – Дятлов – махнул рукой, и вереница лыжников двинулась к Холатчахлю.

Пярн и Пацук остановились у подножия горы, спрятавшись в небольшом лесочке. Якуб, как раньше бывало на охоте, срезал ножом верхушки с десятка елей, устроил из них настил. Надо было дождаться сумерек, не на снегу же сидеть. Группа туристов была хорошо видна на склоне даже без бинокля – они шли вереницей вверх по горе. Примерно в полутора километрах студенты остановились и, воткнув лыжи в снег, начали разбивать палатку.

– А что я тебе говорил? – Пярн весело смотрел на Якуба. – Теперь нам только дождаться темноты.

Через пятнадцать-двадцать минут от палатки отделилась группа из четырёх человек и отправилась вниз по склону.

– Задача упрощается, – Пярн протягивал Якубу бинокль, – на, взгляни!

Якуб внимательно рассматривал туристов в оптику. Идут вниз по склону. Переобулись из лыжных ботинок в валенки. Трое парней и девушка – та самая Людмила. В руках топор и пила – за дровами значит. И самое главное – в бурках выше колен вниз вышагивал Золотарёв.

– Сам в руки идёт, собственной персоной, – Якуб зло сплюнул на снег.

Зверь затаился и приготовился к атаке.

На четверых студентов эти двое выскочили из густого кустарника. Те рубили дрова, весело переговариваясь и хохоча.

– Лежать! Всем лежать лицом вниз! – Пярн поднял ружьё наперевес.

– Вы что, ребята? – Люда ещё продолжала улыбаться.

– Я сказал всем лечь лицом вниз, – и Пярн выстрелил в воздух из одного ствола, – следующий выстрел в вас!

Пацук стоял рядом с ним, демонстрируя комсомольцам охотничий нож.

Студенты медленно опускались на снег.

– Тебе же я нужен, – Семён Золотарёв смотрел на Якуба, – не трогай ребят!

Пярн, подойдя к одному из четверки сзади, ударил распластанное тело прикладом ружья в затылок. Студент с разможенной головой дёрнулся и затих.

В это время Пацук, подскочив к Золотарёву, начал бить его ногами по рёбрам:

– Ты! Мне нужен ты! Краснопёрая гадина! – затем принялся прыгать на тело Семёна двумя ногами. – Мне нужен ты! Забыл, как батька моего к стенке ставил?

Кости ломались и трещали так, что было слышно, как рвутся ткани и лопаются вены.

Тут со снега поднялась Людмила и двинулась на Якуба.

– Звери! Фашисты! А я ведь тебя узнала! Это ты подходил ко мне возле клуба! Тебя всё равно поймают и расстреляют! Изверг!

Это же Оксана! Оксана восстала из мёртвых, чтобы кинуть ему в лицо обидные слова! Отправляйся назад, тварь! Якуб, с перекошенным от злобы лицом, подскочил к девушке и сбил её ударом кулака. Люда упала как подкошенная.

Тогда Пацук продолжил свой дьявольский танец на теле своей второй несчастной жертвы.

– Да! Это я! Комсомольское отродье! Я! Я! Я-а-а-а!

Когда девушка затихла, Якуб оглянулся – Пярн ударами приклада добивал четвертого студента.

– Что.... с ними....теперь....делать, – Пацук делал паузы, пытаясь отдышаться.

– Клади их сюда. Теперь никуда не убегут. Они нам ещё пригодятся...

– Зачем? – Якуб ошалело смотрел на подельника.

– Узнаешь...

– Не громко мы? Те на перевале не услышали, да ты ещё и стрелял...

– На перевале пурга. Тут хоть из пушки пали – не услышат...

Когда тела были уложены на настил из веток, Пацук усталое присел рядом, снял шапку и принялся вытирать ею лицо – крупные капли пота катились на грудь и за шиворот.

– Что теперь?

– А теперь вот что. Видел на опушке большой кедр?

– Ну, видел...

– Скоро стемнеет. Их, – он указал на трупы, – будут искать. Разведём под кедром костёр, чтобы сами пришли к нам, как в капкан, а там и других также перебьём...

Когда костёр под кедром лизал своими языками морозный воздух, бандиты залегли с двух сторон и принялись терпеливо ждать свою добычу.

Пацук вырезал из толстой ветки увесистую дубинку, прорезал рукоятку, чтобы пальцы не соскочили в нужный момент и несколько раз ударил по стволу одного из деревьев. Пойдёт!

Через полчаса, когда уже совсем стемнело, с перевала послышались весёлые голоса.

– Саня! Коля! Люда-а-а! Вы где???

– Вот это номер! Мы их за дровами послали, а они у костра греются! – поддержала вторая девушка, та брюнетка, имени которой Якуб не знал.

Пятеро студентов подходили к костру, недоуменно оглядываясь по сторонам.

– А где же они?

Пока Пярн заходил сзади, Пацук, криво улыбаясь, шагнул из сумрака на свет костра навстречу студентам.

– Добрый вечер, краснопузы! Кого ищем?

– Вы кто? – вперёд вышел командир группы, невысокий Дятлов – его Якуб хорошо запомнил.

Сзади к студентам подскочил Пярн и прикладом ружья всех по очереди уложил на снег. Но студенты не собирались

сдаваться – трое парней проворно вскочив, встали в круг и принялись отбиваться. Якуб поспешил на помощь, ударами дубинки он опрокинул двоих из них обратно на снег. Один из туристов попытался выхватить нож, но ударом дубины бандит выбил его из руки и тот отлетел в сторону.

– Всем лежать лицом вниз. Руки за голову, – и Пярн выстрелили вверх из второго ствола.

– Вы что, очумели? Что вам надо? – студенты медленно опускались на снег. – Что мы вам сделали?

– Так значит, ваш поход посвящён съезду вашей партии? – Пацук присел на корточки.

– Почему нашей? И вашей тоже.

– Наша партия вся здесь, – Пацук показал пальцем на себя и своего подельника, – у нас здесь свои правила: закон – тайга, а прокурор – медведь...

– Ребята, ну что вы в самом деле? – подала голос девушка. – Прекращайте ваши шуточки...

– А кто с тобой шутит, девочка? – подал голос Пярн. – Всем снять верхнюю одежду и валенки! Ну!

Студенты медленно принялись раздеваться. Они были подавлены и ошарашены. С такой звериной ненавистью и агрессией, да ещё и от совершенно незнакомых им людей, им сталкиваться до этого не приходилось. Когда одежда и обувь были сняты – Пярн ногами отбросил всё к кедру.

– И подальше от огня, комсомольцы...

Ребята сгрудились в круг и сидели спина к спине, иногда кидая взгляды на бандитов. Пярн, тем временем, перезарядил оба ствола и присел на корточки напротив студентов, направив ружьё на них.

Через полчаса на тридцатиградусном морозе раздетые туристы начали замерзать. Они еле-еле двигали руками и ногами.

– Эй, не переговариваться, – крикнул им Пярн.

Но двое из них вскочили на ноги и двинулись на бандитов.

– Ребята, бегите к палатке, мы их задержим!

Двое парней и девушка поднялись и, развернувшись, побежали к палатке. Пацук кинулся, было, за ними, но Пярн остановил его.

– Стой! Эти никуда не денутся! Давай этих двоих уработаем!

Пацук послушно остановился и вернулся к костру. Минут десять они били двоих парней, пока те не перестали сопротивляться.

– А теперь, – Пярн направил на них ствол, – ползайте на кедр, видите, костёр погас совсем – будете ломать ветки и сбрасывать вниз.

Парни, передвигая непослушными от стужи ногами и руками, почти босиком, встали со снега и направились к кедру.

– А ты догони тех, что на склоне, – Пярн кивнул Пацуку.

Якуб взял в руки дубинку и нож, надел на ноги широкие лыжи и проворно двинулся вверх по склону горы.

Первым он нагнал Дятлова, тот пытался сопротивляться, но члены его совсем окоченели – он даже схватился за лезвие ножа, пытаясь отвести его в сторону. Якуб выдернул финку из его руки, оставив глубокий порез на ладони. Два удара дубинкой, и Дятлов остался неподвижен, схватившись рукой за небольшую берёзку, выросшую на склоне.

Метрах в двухстах от первого Пацук нагнал второго парня. С ним церемониться он не стал – разmozжил ему голову, ударом дубинки в висок и отправился вверх по горе. Его интересовала девушка.

Её он увидел минут через пять. Увидел и подивился – Смотри-ка, выше всех забралась – метров сто до палатки не доползла. Девушка передвигалась еле-еле. Она вставала и падала, но вновь вставала и медленно направлялась вверх по склону.

– А что, красавица, не побаловаться ли нам с тобой напоследок. А? – Пацук присел на корточки и взял её подбородок рукой, приблизив к ней своё лицо.

Девушка попыталась плюнуть ему в глаза, но слюна примерзла к губам. Окоченевшие пальцы её левой руки сложились в фигу.

– Не хочешь как хочешь, – и бандит два раза сильно ударил её в грудь дубинкой. Девушка дёрнулась и затихла. Она смотрела на него широко открытыми глазами, которые подёрнулись поволокой. Затем, не удержавшись, он вытащил нож и вырезал у неё на лбу пятиконечную звезду. – Чтоб в загробном мире не заблудиться, пусть она тебе светит, – прошептал он. И отвернувшись, отправился вниз по склону.

Когда он спустился к кедру – один студент уже лежал мёртвым у его корней. Видно было, что он, совсем окоченев, просто упал сверху вниз. Глаза его были открыты, на губах выступила пена.

– А ну слезай! Как там тебя! Слезай, говорю, – Пярн обратился ко второму парню, но тот отрицательно мотая головой, сидел высоко на ветке, ухватившись руками за ствол. – Ну, сейчас я тебя выкурю!

Под кедром валялось много сломанных веток – видимо у студентов получилось обломить их и кинуть вниз.

Пярн подобрал одну из них длиннее остальных, запалил о костёр, и, подняв её вверх, принялся жечь левую ногу студента, которая свесилась с ветки – от ступни до голени. Сначала парень не чувствовал жара, от окоченения, но когда в воздухе запахло палёным мясом – попытался отдёрнуть её вверх, но не удержавшись, рухнул вниз с трёхметровой высоты – дёрнулся в конвульсиях и затих.

– А теперь слушай сюда! – Пярн в упор смотрел на Якуба. – Сейчас мы завершим начатое. Пустим следствие по ложному следу: ты возьмёшь верхнюю одежду этих, – он махнул рукой, – и тех, что на склоне – и отнесёшь всё это в палатку, не забудь прихватить туда же пилы и топоры, – он ножом срезал с двух трупов свитера и штаны. – Там в палатке ты разбросаешь их вещи так, чтобы решили, что ночлег они покидали в спешке и раздетые. Изнутри палатки сделаешь ножом разрезы, только изнутри, сам вылезешь в проём и спустишься вниз. В палатке ничего не брать, а я тем временем перепутаю одежду этих и тех, что на настиле. И сброшу их в ручей, глубина там большая, да ещё за время, пока их не хватятся – снегом занесёт. Здесь в распадке пурга ещё три месяца будет кружить. До весны их не обнаружат. А если найдут этих, и не найдут тех – будут думать, что сами друг дружку порешили. Краснопёрым самое главное – дело быстрее закрыть. Я-то знаю! Всё понял?

– Понял! Подожди...

Пацук направился к настилу, снял шапочку с Людмилы и надел на Семёна. – Вот так, Золотарёв, женская одежда тебе больше идёт...

– Послушай, Пярн, где ты всему этому научился?

– В спецшколе Абвера! Старый лис Хорн был отличным наставником...

– А как же тебя в контрразведке не шлёпнули?

– Я сам к ним пришёл. Немного не повезло – во время выброски в тыл к советам парашют приземлился на дерево – сломал ногу. Для своих я стал обузой и по инструкции меня надо было добить. Доковылял до первой воинской части и сдался. Сам сдался и сдал всю свою группу. Другого выхода у меня не было. За это получил свою пятнашку и поехал лес валить...

– А почему ты мне сейчас всё это рассказал?

– Мы с тобой теперь друг без друга никуда – кровью повязаны. Ну, хватит лясы точить – делай, как я сказал и до завтрашнего вечера мы должны вернуться обратно, пока нас не хватились...

Назад шли быстро на адреналине, почти не отдыхая.

Зверь, наевшись горячей плоти и напившись крови, громко рыгал и зевал огромной страшной пастью, а потом свернулся калачиком и заснул.

Пацук всю дорогу, глядя в спину Пярну, думал – как бы его убрать по-тихому и не отдавать обещанного золота.

Пярн остановился. Опершись руками на лыжные палки, обернулся к Якубу.

– Может ты думаешь меня вокруг пальца обвести, а, Крыса? Ты об этом не думай, а то я тебя сам в два счёта ухлопаю, понял?

– Что ты, что ты, Пярн! Ты же мне помог! Расплачусь, как положено...

– Ну, тогда прибавим ходу... Чего улыбаешься?

– Да там – в палатке у них газета висела, боевой листок «Вечерний Отортен» с рисунками всякими...

– Вот они и остались там, на вечернем Отортене. Все. Рядком...

До посёлка они добрались часам к десяти следующего утра. А так как добычи с охоты не принесли – Пацук расплатился с манси и надзирателем бутылкой водки.

Отсутствия их никто не заметил, здесь подобные отлучки были обычным делом – существовать как-то надо. Посёлок жил своей обычной жизнью. Вернулись к своим делам и Пацук с Пярном.

Якуб торжествовал. Он страшно отомстил советской власти, отомстил за годы унижений и лишений. И когда! В дни

съезда партии! Да это будет иметь шумный успех! А ещё умыл кровью краснопёрого СМЕРШевца, да с ним рядом восьмерых положил – плоть от плоти этой самой власти. Студентов, будущих инженеров, которые могли принять участие в построении страны, страны красных флагов и пустых лозунгов.

Торжествовал и зверь. Он резвился, высоко подпрыгивая, вилял хвостом и вылизывал шерсть, а потом мирно засыпал. Зверь был сыт.

Но через два дня Пацук начал испытывать некое волнение. В чём дело – он понять не мог. Что-то тревожило его, и он вновь потерял сон и аппетит.

Об этом никто не узнает! Никто не узнает о его победе над всей этой красной машиной. Надо что-то придумать. Дерзкое и бьющее в цель. И придумал. Он решил подкинуть анонимку в милицию или лучше в КГБ. Пусть волнуются и шарят по всему северному Уралу, а он будет за ними наблюдать и посмеиваться. Пусть нервничают, не спят ночами, задействуют в поиск вертолёты и тягачи. Это будет его вторым ударом по власти.

Так как ранее писем он никому не писал, не было у него ни бумаги, ни конверта. Но один листок он вырвал из тетради школьницы, проживающей в его же бараке, а конверт без марки купил в сельпо.

Затем написал карандашом на листке: «Поздравляю с 21 съездом партии. Мой подарок найдёте в тайге – 9 трупов студентов из Свердловска. Жрите, краснопёрые, и подавитесь».

Затем нацарапал на конверте адрес: «г. Ивдель, в отдел КГБ» и бросил письмо в почтовый ящик. После чего сон и аппетит вернулись.

Когда начальник отделения КГБ Ивделя капитан Ляпин просматривал почту и наткнулся на мятый конверт, то сначала отложил его в сторону и занялся более важной, на его взгляд, корреспонденцией. Но прочитав анонимку, волосы на его голове встали дыбом, а по телу начали бегать неприятные мурашки.

Служил он в этих краях давно и всякого повидал, но такого припомнить не смог. Если это пьяная шутка или бред сумасшедшего – это одно дело. А если правда?

Тут же о содержании анонимки он оповестил по секретной связи своё областное начальство в Свердловске. Через

полчаса указания были получены: по факту получения информации завести уголовное дело, шума до выяснения обстоятельств не поднимать, искать отправителя анонимки. И найти.

Получив инструкции, он уже крутил диск чёрного массивного телефона...

Через полчаса к нему в кабинет торопливо заходил прокурор Ивдея Василий Темпалов.

– Что стряслось, Фёдор Ильич?

– Читай, – Ляпин протянул ему анонимку.

Темпалов, закончив читать, наморщил лоб.

– И ты веришь в этот бред? Фёдор Ильич!

– Василий Иванович, будет просто замечательно, если это окажется бредом. А если нет?

– Да бред. Ахинея полная. Сейчас тот, кто написал, сидит и посмеивается над нами.

– Значит так, пока он не сидит, но я ему это организую. Василий Иванович, я узнавал: из Вижая в конце января выдвинулись две группы туристов. Одна отправилась на Ауспию, другая куда-то западнее. Маршрутных листов, естественно, никому не оставили. Ищи их сейчас по всей тайге. Первая группа должна вернуться обратно 12 февраля, вторая 15-го. Действовать будем так: по факту этой анонимки вынесешь постановление о возбуждении уголовного дела. Только с соблюдением, как ты понимаешь, строгой секретности. Секретарше не поручай, напечатать постановление сам. Если это бред, вместе потом посмеёмся. А если правда – это не просто преступление, а вызов всей нашей народной власти, да ещё во время съезда партии. Это акт политического террора. Понимаешь?

– Понимаю, Фёдор Ильич! – посерьёзней Темпалов. – Всё сделаю, как положено.

– Давай, держи это на личном контроле, – и Ляпин крепко пожал прокурору руку.

Тот вернулся в здание Прокуратуры, зашёл в свой кабинет, снял верхнюю одежду, сел за печатную машинку и за пять минут набил на ней постановление о возбуждении уголовного дела. Затем достал из ящика стола картонную папку и написал на ней: «Дело заведено 6 февраля 1959 года».

Родители студентов забили тревогу 18 февраля. К этому времени они должны были уже несколько дней как вернуться в Свердловск. Даже с запасом. На связь они не выходили, по всему было видно – с ребятами что-то случилось.

Со слов одного из участников группы Дятлова Юрия Юдина, сошедшего с маршрута из-за простуды, туристы должны были вернуться в Ивдель с 12 по 15 февраля и послать оттуда телеграмму об успешном окончании экспедиции в туристический клуб УПИ.

Сразу же были организованы поисковые группы, задействована авиация. Студенты политеха своими силами тоже сформировали несколько отрядов для поиска.

28 февраля у подножия Холатчахла под кедром были обнаружены первые два тела Юрия Дорошенко и Георгия Кривонищенко.

Ещё через несколько дней на склоне горы найдены трупы Игоря Дятлова и Рустема Слободина, Зину Колмогорову обнаружил служебная собака.

Искали остальных участников группы. Живыми или мёртвыми.

Капитан ивдельского отдела КГБ, уже было забывший о треклятой анонимке, потерял сон и покой. Дело это взял на свой личный контроль первый секретарь Свердловского обкома КПСС, из Москвы в Ивдель летела группа сотрудников КГБ СССР для помощи в раскрытии преступления, а ЦК партии курировало следствие по линии партийного контроля.

Прибывший из Москвы майор КГБ Разин собрал присутствующих в кабинете начальника Ивдельского КГБ:

– Обстоятельства этого происшествия мне, в общих чертах, известны. Отреагировали на информацию, полученную 6 февраля сего года верно. Но сделали мало, почему до сих пор не найдет отправитель анонимки?

– Работаем без выходных, товарищ майор, – Ляпин привстал со стула, голова его шла кругом, – задействованы все сотрудники. Работают с агентурой СевУралЛага. Личный состав всех исправительных учреждений поставлен в известность и тоже привлечён к работе.

– Плохо! Плохо работаете, товарищ капитан, – майор прикуривал папиросу, выбив её щелчком из пачки, – что прокуратура?

– Отделение у нас не большое, всего четыре человека, товарищ майор, – в свою очередь поднялся Темпалов, – но тоже задействованы все. Прокурор Иванов находится на месте поиска.

– Значит так, – отрезал Разин, – мы имеем дело с политическим террором. Это преступление против всех нас – вас – он указал пальцем на Ляпина, – вас – тем же пальцем на Темпалова, – и лично меня, – его палец упёрся в грудь. – Это наши с вами личные враги. Найти и покарать их для нас дело чести. Надеюсь это понятно? Теперь вы – товарищ Темпалов, у вас там Иванов на месте работает? Завести уголовное дело по факту смерти ребят...

– Так, вроде, заведено уже, товарищ майор...

– Завести ещё одно, для общестственности. Основное дело по линии КГБ СССР будем вести мы с вами. Работать будем в режиме строгой секретности – преступления такого масштаба могут иметь широкий общественный резонанс. Да и ещё чемпионат мира этот по конькам, некстати, как некстати! В Свердловск съехались спортсмены не только из соцлагеря, но и из капстран, – майор поморщился, – преступления против нашего народа должны искоренять мы с вами, врагов советской власти карать будем жёстко и беспощадно. И ещё, как ты говорил, капитан, фамилия эксперта этого...

– Возрожденный, товарищ майор, из вольнопоселенцев, – подсказал Ляпин.

– Да, товарищ Темпалов, для вскрытия тел погибших привлечь эксперта Возрожденного, напишет в актах так, как мы скажем, а чего фиксировать не надо – не напишет. Мне доложили, что на лбу Зинаиды Колмогоровой вырезана звезда – этого в акте вскрытия отражать не надо. Вам ясно?

– Ясно, товарищ майор, я могу идти? – прокурор поднялся.

– Работайте...

В кабинет Ляпина постучали.

– Разрешите, товарищ капитан?

Капитан поднял на вошедшего припухшие от бессонных ночей глаза.

– Да. Пожалуйста!

На пороге стоял розовощёкий майор с документами подмышкой.

– Начальник оперотдела ИК-55, майор Глинский, – он смело подошёл к рабочему столу и пожал протянутую ему руку, – здесь личные дела вольноотпущенных, которым были разрешены краткосрочные отлучки из мест поселения в указанные сроки и рапорта моих сотрудников о каждом из них, – и он положил на стол стопку увесистых дел.

– Спасибо, товарищ майор.

Ляпин уже три часа просматривал страницы документов, от букв у него уже начало рябить в глазах. И тут в одной из анкет он увидел знакомый почерк – буква К с хвостиком, похожая на петлю, и характерное написание буквы О – везде она получалась выше других в строке – анонимка до сих пор стояла у него перед глазами. Он видел её тысячи раз и запомнил на всю жизнь. Капитан закрыл папку: личное дело осужденного Пацука Якуба Опанасовича... так... я служил в полиции села Сливяницы... так-так... в апреле 1944 года был задержан контрразведкой СМЕРШ под Бродами...

Пацука и Пярна взяли очень быстро и без шума. Задержали их поодиночке, когда они занимались своими делами после работы. Прямо на улице – подъехал чёрный воронок и арестованных под руки посадили в салон и увезли. Никто ничего и не заметил, посёлок продолжал жить своей жизнью.

Сидя в одиночной камере, Якуб пока не мог понять – за что его взяли: за золото или студентов? Как арестовали Пярна (и арестовали ли вообще) он не видел, на допрос его пока не вызывали. Так или иначе, выработать линию поведения надо уже сейчас. Как себя вести? По крайней мере, пока ему фартило, несколько раз он выходил сухим из воды. Надеяться – повезёт и сейчас.

Громыхнул стальной засов. Дверь со скрипом отворилась, на пороге стоял сержант в фуражке с васильковым околышем и такими же петличками.

– Задержанный, на выход. Руки назад, лицом к стене... – на запястьях Якуба защёлкнулись браслеты.

Следователь курил и смотрел Якубу в глаза. Курил и молчал. Курил и смотрел.

– Гражданин начальник, – Пацук отвёл взгляд и поёжился, – за что взяли то?

– А это я у тебя хочу спросить...

Задержанный пожал плечами.

– Я вот думаю, – голос у следователя был глухим и сильным, – кто из вас паровозом пойдёт, а кто прицепом! Ты или Пярн?

– Пярн, – быстро проговорил Пацук, – это всё Пярн! Он заставил! Он вообще никакой не эстонец, а диверсант...

Следователь положил перед ним несколько листков и карандаш.

– Пиши чистуху...

Вертолёт громко шумел винтами. Пацуку, в наручниках, было очень неудобно сидеть на узкой деревянной лавке. Он то и дело сползал с неё, но потом, оттолкнувшись от стального пола ногами, усаживался вновь. По бокам от него сидели двое в штатском. Напротив капитан госбезопасности. На него они не смотрели, уставились в пол.

Летели около двух часов.

Машина начала снижаться, повернулась правым боком, затем левым – коснулась земли, подняв облако из снежной крошки.

Капитан кивнул головой: На выход...

Якуб проворно вскочил со скамьи.

Они стояли на опушке леса.

– Вот здесь, под снегом должен быть настил из еловых веток, а вон туда, – Пацук двинулся к оврагу, – были сброшены тела четырёх комсомольцев. Да, вот тут! Тогда снега меньше было, а внизу ручей, он не замёрз, так и бежал. Убивали мы их на этом месте, вернее убивал Пярн, а меня заставил. А тех, что на склоне, добил я, Пярн наставил на меня ружьё и приказал это сделать. Я не хотел, Пярн заставил. Когда я вернулся со склона, двое под кедром были уже мертвы.

Капитан подошёл к оврагу:

– Здесь?

– Нет, метра три вперёд. Да, вот здесь, а настил вот тут.

– Уведите, – капитан кивнул двоим штатским.

Через час он, обивая ноги от снега, зашёл по трапу в вертолёт, ничего не сказал, а только кивнул штатским.

– Заводи, – крикнул он лётчику, – в Ивдель...

Ляпин стоял навытяжку перед московским майором.

– Присаживайся, капитан. В ногах правды нет, – Разин сидел за рабочим столом, – докладывай...

Капитан присел напротив.

– Задержанным Пацуком были точно указаны места нахождения трупов Семёна Золотарёва, Александра Колеватова, Людмилы Дубининой и Николая Тибо-Бриньоля, – он положил перед Разиным листок бумаги с расчерченной на ней схемой, – а также он верно указал расположение настила из веток – бандитской лёжки. Тела были сброшены в овраг примерно в семидесяти – семидесяти пяти метрах от большого кедра, где были найдены первые двое студентов. Ребята находились под слоем снега в четыре – четыре с половиной метра. Поэтому ранее поисковики их не нашли, хотя прочёсывали это место не единожды. Щупы имеют длину в два метра. На основании вышеизложенного, готов предположить, что убийство студентов совершили эти двое, задержанные нами Якуб Пацук и Атанас Пярн. Алиби всех остальных лиц, проживающих на вольном поселении и отлучавшихся из посёлка в указанные даты, нами проверены. Считаю, что Пацук и Пярн полностью изобличены и подлежат суду.

– Понял тебя, капитан, только суд будет в Москве и Верховный.

И Разин захлопнул папку.

Через два дня Пацука и Пярна самолётом привезли в Москву. Здесь состоялась Коллегия Верховного суда. Он был закрытым – в зале находилась лишь судейская коллегия, адвокат, прокурор и двое подсудимых.

Причём адвокат вёл себя вяло и неинициативно. Якуб хотел, было, крикнуть ему: «Почему ты не защищаешь меня! Я и Зверь хотим жить!». Но встретился с ним взглядом и осёкся.

Зверя с Якубом не было. Как только на его руках защёлкнулись браслеты, тот поджал хвост и спрятался.

В первый день зачитывали материалы дела, на второй уже обвинительный приговор.

На допросах перед судом и далее на очной ставке Якуб всё валил на Пярна. Практически всё тот придумал и осуществил сам, его он запугал, застращал и заставил. При этом угрожал расправой. Пярн ни на следствии, ни на суде не произнёс ни единого слова, только сидел с закрытыми глазами и покачивался из стороны в сторону. Поэтому Пацук надеялся на снисхождение и, пусть большой, но срок.

– Подсудимый Пацук, вам предоставляется последнее слово.

Якуб встал. Голос его дрожал.

– Граждане судьи! Из материалов дела вам понятно, что я находился орудием, преступным орудием в руках этого человека, – он показал пальцем на Пярна, отчего тот улыбнулся краешками губ, при этом сидел, как обычно, с закрытыми глазами, – предателя, шпиона и диверсанта, я готов любым, самым тяжёлым трудом искупить свои преступления перед народом, перед советской властью. О содеянном я сожалею и искренне раскаиваюсь, – он попытался придать голосу нотки мольбы, – пожалуйте, не лишайте меня жизни...

Пярн от последнего слова отказался.

Председатель суда поднялся:

– Именем Союза Советских Социалистических республик...

Якубу показалось, что в воздухе запахло озоном, как перед грозой.

... и приговорить Пярна Атанаса Яновича, к высшей мере наказания через расстрел...

В тишине зала грянул гром.

...Пацука Якуба Опанасовича, к высшей мере наказания через расстрел...

Сверкнула молния.

– Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Зверь выскочил из укрытия. Он катался по земле, глаза горели адским пламенем, как угольки. Зверь блевал кровью и желчью, скулил, широко разевая пасть. Затем дёрнулся, по его телу прошла крупная дрожь, он повернулся на бок и затих.

Родственники погибших студентов были приглашены в Свердловское областное управление КГБ СССР, где их ознакомили с материалами дела и постановлением Верховного суда СССР. После чего перед ними выступил начальник управления – старый седой генерал:

– Товарищи, я разделяю ваше горе и глубоко вам сочувствую. Жизнь ваших близких оборвалась рано, очень рано. Понимаю, что они могли многим быть полезными своему народу, своей стране. К сожалению, есть ещё подонки и отщепенцы в нашем обществе, это пособники врага и открыжка

империализма. Они подняли руку на самое святое, что у нас есть – на нашу советскую власть. Власть народную и самую справедливую в истории человечества. Наши органы госбезопасности провели качественную и, не скрою от вас, титаническую работу, так как основное дело велось по нашей линии. Преступники были задержаны, изобличены и дали признательные показания. А коллегия Верховного суда СССР приговорила их к высшей мере наказания, и приговор уже приведён в исполнение. Как вы понимаете, товарищи, дело это пока рано придавать огласке, этим могут воспользоваться наши враги – в мире сейчас не спокойно. Прокурору Ивделя Иванову дано указание о прекращении уголовного дела, обществу незачем знать истинную картину произошедшего. Поэтому я попрошу всех дать подписку о неразглашении того, что вы сегодня услышали... Придёт время и люди узнают о трагических событиях, произошедших с вашими близкими на самом деле...

По улицам Свердловска спешили по своим делам люди, трезвонили трамваи, мальчишки играли в футбол, жизнь брала своё.

В эту самую минуту над вечерним Отортеном шёл пушистый снег, он падал большими хлопьями, покрывая землю – природа как будто хотела смыть с себя следы страшного преступления и очиститься от человеческой скверны.

А Отортен склонил голову, помяная девятерых советских ребят – непосед, романтиков и мечтателей. За свои двадцать с небольшим они прошли много дорог, но погибли на взлёте, так и не успев выйти на самую главную, широкую и долгую свою дорогу под названием – жизнь. Он тогда ещё не знал, что отныне и навеки имя ему – Перевал Дятлова.

О ДЕТЯХ И ДЛЯ ДЕТЕЙ

Вера Давыденко

Поэт. Родилась в 1958 г. в Свердловске. Член Свердловского ЛИТО «Забой» им. А. Лебединского с 2016 года. Пишет стихи на русском языке для взрослых и детей. Печаталась в коллективных сборниках «На просторах Родины», «Волшебный мир детства», «Все дороги к тебе», «Чтобы помнили». Автор сборника стихов «Моё вдохновение» (2019). Дипломант фестиваля «Муза Новороссии» (2017-2019 г.) Живёт в Свердловске (ЛНР).

ОДОЛЕЛА ВАЛЮ ЛЕНЬ

Одолела Валю лень,
За ней ходит целый день!
Шепчет бережно на ушко:
«Голову склони к подушке!

А я рядышком с тобой,
Мой ребенок, дорогой!»
Лежит Валя на диване
Ей помочь сейчас бы маме!

Лень, обнявшись, с ней лежит,
«Нет, не надо!» – говорит.
Долго я с тобой лежала,
Даже от тебя устала!

Валя лени говорит:
«Не хочу с тобой дружить!
От меня ты уходи,
Мне с тобой не по пути.
Не хочу с тобой лежать,
Буду маме помогать!

ВО ДВОРЕ У НАС ЖИВЁТ

Во дворе у нас живёт
Пёс Дружок и Васька кот.
Звонче всех Дружок наш лает,
Дом надёжно охраняет!

Но а в доме рыжий кот
Мышек ловит, стережет.
Поиграть во двор выходит,
Нежно песенку выводит.

Прыгает потом, играет,
Наигравшись, отдыхает.

Он клубочком спать ложится,
Ему сон наверно снится.
Когда Васька наш дремает,
Пёс-Дружок тогда не лает.

В ГОСТЯХ У БАБУШКИ

Для любимой бабушки
Испекли оладушки!
Вкусный борщ, лапшу сварили,
Всю посуду перемыли!

Вымыли на кухне пол,
Скатертью накрыли стол!
Вкусно-вкусно накормили,
У неё в гостях мы были!
Бабушка расцеловала
И волнуясь нам сказала:

«Вам спасибо, молодцы!
Вот – вкусняшки, леденцы.
Вы – помощницы большие,
Очень вас люблю, родные!»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю-баю, баю-бай,
Солнышко, ты засыпай!
А когда проснешься,
Нам всем улыбнешься.

Засыпает все вокруг –
Лес, моря, зелёный луг.
Спи, малыш мой, засыпай,
Баю – баю, баю-бай!

Пусть тебе приснится
Как летит жар-птица
И уносит вдаль тебя
В чужеземные края!

Где счастливый детский смех
Слышен громко – громче всех!
Чудо-дивные места,
В них сбывается мечта!

Спи, малыш мой, сладко-сладко,
Месяц заглянул в кроватку,
Утром с солнышком проснешься,
Снова к мамочке вернешься.

ПУСТЬ БУДЕТ МИР!

Писали дети на асфальте мелом
И воплощали детские мечты.
Красиво буквы выводили так умело:
Пусть будет мир! И пусть растут цветы!

Нарисовали небо голубое...
Плывут вдогонку облака-лошадки.
Не нарушайте тишину стрельбою,
Пусть будет мир! Пусть будет всё в порядке.

Нарисовали сад с багряною листвою,
Рисунки солнце ярко освещает.
Внизу написано уверенной рукою:
«Пусть будет мир! Пусть дети войн не знают!!!»

ДЕВОЧКА И ВОЙНА

Плачет девчонка, слезинки роняя,
Мама не спит – она неживая.
Сегодня собой защитила ее,
Ребенок никак не поймет ничего.

Долго сидела над мамой девчонка,
Кудри ласкала тонкой ручонкой,
Ноги укрыла, холодно ей,
«Солнышко, маму согрей поскорей.

Ты отдохни, а я помолчу,
Даже забыла, что кушать хочу».
Больно смотреть на страданья
девчонки,
Бант развязался, взлохмачена челка.

Женщина тихо к ним подошла,
Нежно малышку на руки взяла.
Громко кричала «Ещё посижу,
Мама проснется, а я ухожу».

Хрупкие плечи нервно дрожали,
Горькую правду ей не сказали.
Тело погибшей предали земле,
Холмик напомнит о страшной войне.

Часто мы будем войну вспоминать,
Раны ее беспокоят, болят.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЭССЕИСТИКА

Любовь Кульбацкая

Литературовед. Старший научный сотрудник Литературного музея В.И. Даля. Живёт в Луганске.

ТАК РОЖДАЮТСЯ ЛЕГЕНДЫ

В.И. Даль.

Олег Даль

Эта история начиналась с письма (излагается в полном объеме с сохранением пунктуации автора).

Здравствуйте, уважаемые товарищи, коллеги!

Разрешите поздравить Вас с открытием музея В.И. Даля. Вы сделали благородное и большое дело. Спасибо Вам.

9 февраля мы открываем квартиру Пушкина на Мойке 12.

И портрет Даля опять займет свое место среди друзей Пушкина.

Я много читала о В. Дале, проникнута чувством симпатии к этому удивительно мудрому и удивительно русскому человеку.

Я понимаю, что Вы очень заняты, но мне хотелось бы иметь фотокопии с портретов матери и жены Даля.

Я – заведующая фото-фондом музея и буду рада Вам чем-нибудь помочь¹.

В передаче по телевидению я слышала, что в приобретении вещей Вам помогли потомки В. Даля². Я вообще несколько прохладно отношусь к потомкам замечательных людей. Но знаете ли Вы, что у Даля был потомок, достойный внимания? Это ныне покойный артист Олег Иванович Даль. Уже после его смерти приходивший к нам в музей С. Герасимов сказал, что Олег – правнучатый племянник В. Даля.

К сожалению, раньше мы не обратили на это внимания. Я заинтересовалась и вдруг обнаружила, что Олег Даль поразительно похож на Владимира Даля! Те же большие светлые глаза, порой смотрят точно с тем же выражением (ср. эту фотографию Олега с портретом В.И. – работы Перова!), та же высокая тонкая фигура, длинные красивые пальцы. Чем дальше, тем больше я удивляюсь изре природы. Даровитость Олега Даля тоже была удивительно разносторонней! Мало того, что он был блестящим артистом, он прекрасно рисовал, писал стихи, прозу, готовился стать режиссером. У него есть несколько коротких статей о кино – это прекрасные стихи в прозе! Он был превосходным чтецом, пел, его пением восхищался в свое время Дин Рид³. И к тому же – глубоко порядочным и необыкновенно скромным человеком был Олег Даль! Нелепая смерть прервала его жизнь в 39 лет. Он похоронен на Ваганьковском кладбище, где и В. Даль. У меня есть мечта: побывать в Луганске и прийти в дом Даля. Надеюсь ее осуществить.

Я желаю Вам больших успехов, творческих открытий. Приезжайте на Мойку, 12.

С уважением Татьяна Павловна Лутохина.

Всесоюзный музей А.С. Пушкина.

11/XI-86.

1 – Хочется сразу оговориться, что Т.П. Лутохина вела с нами переписку на протяжении ряда лет по вопросам В.И. Даля. Лично я, будучи в командировках в Петербурге, встречалась с ней и получила истинное удовольствие от этих встреч.

2 – Имеется ввиду правнучка Даля Ольга Владимировна Станишева.

3 – Популярный в XX веке американский певец.

Олег Иванович Даль (25.05.1941, Москва – 1981, Киев) – артист, поэт, писатель, начинающий режиссер. Отец, Иван Зиновьевич⁴ – железнодорожный инженер, мать, Павла Петровна – учитель. Кроме Олега в семье была дочь Ираида.

За свои неполных 40 лет Олег сыграл 40 ролей в кино и 19 – в театре. В 1963 году он заканчивает Щепкинское училище и в том же году выдерживает экзамен в театре «Современник». Но первые пять лет играет роли только второго плана. Лишь в конце 60-х получает первую крупную роль – Васьки Пепла в пьесе Горького «На дне» (премьера состоялась в 1968 году). Первая роль в кино сыграна раньше в 1962 году в фильме «Мой младший брат». Олег Даль снялся в следующих фильмах: «Женя, Женечка и «катюша»», «Хроника пикирующего бомбардировщика», «Старая, старая сказка», «Король Лир», «Тень», «Земля Санникова», из последних – «Приключения принца Флоризеля», «Поэзия М.Ю. Лермонтова», «Мы смотрели смерти в лицо», «Незванный друг» и др.

Олег Даль был женат дважды. Брак с актрисой «Современника» Татьяной Лавровой, снявшейся в главной роли Лели в фильме «Девять дней одного года», продлился только полгода. Вторая жена Елизавета Эйхенбаум, внучка известного филолога Бориса Эйхенбаума, жила с ним до конца его дней. Олег страдал алкоголизмом, который и привел его к трагической гибели. 3 марта 1981 года в Киеве его не стало.

Понятно, что такая талантливая личность не могла не привлечь наше внимание. Зная, что у В.И.Даля был всего один сын, Лев Владимирович Даль, который не оставил потомства и, что братья В.И.Даля также никогда не были женаты, и фамилия Даль, по этой причине, не могла сохраниться, мы все-таки начали поиски. Надеясь на то, что по нисходящей линии, которая начинается с отца Даля, Ивана Матвеевича, вдруг все же найдется кто-то из родственников.

Свои поиски мы начали с телевиденья и театров, где работал и снимался Олег Даль. К сожалению, черновики наших запросов не сохранилось, но в наших фондах есть ответы на некоторые из писем.

Центральное телевидение (текст машинописный)

⁴ – Иван Зиновьевич Жерко (1904-1967) – писал статьи в железнодорожную газету «Гудок», которые подписывал псевдонимом «Даль». Во время паспортизации населения СССР узаконил его в качестве фамилии. Эта фамилия досталась и его детям.

От 4 мая 1987 года.

Уважаемая тов. Кульбацкая А.И.!

Мы получили Ваше письмо с просьбой сообщить адрес родных киноактера О. Далья.

К сожалению, мы ничем Вам не можем помочь, т.к. не располагаем интересующими Вас сведениями.

Всего Вам доброго!

С уважением

Зам. зав. отделом (подпись) Т. Федосеева.

И совсем лаконичное послание из «Мосфильма» (написано от руки, без подписи).

Уважаемые товарищи!

Актер О. Даль работал в театре «Современник».

Адрес театра: 101000 Москва

Чистопрудный б-р д. 19а.

Более пространный ответ мы получили из театра «Современник» (судя по штампу на конверте, отправлен из Москвы заказным письмом 18.07.87 г.).

Дорогие товарищи!

Как хорошо, что мы все помним нашего Олега! Еще при его жизни все допытывались кто он В.И. Дально, какое родство?

И вот ваше письмо.

Сообщаем вам адрес вдовы его Елизаветы Алексеевны Далья (далее адрес).

Жива его мама Павла Петровна, правда после смерти сына у нее усилился старческий маразм, но вдруг кто-то что-то вспомнит. Их телефон (номер).

Всего вам доброго.

Т-р «Современник».

Мы написали письмо Е.А. Дально, но ответа не последовало, что нас очень огорчило. Но, как оказалось, мы сами почему-то не ответили старшему научному сотруднику Всесоюзного музея А.С. Пушкина Лутохиной Т.П. Скорее всего мы считали это преждевременным: нечем было поделиться. А она ждала ответа и вынуждена была написать нам второе письмо с аналогичным первому содержанием. Как и предыдущее, оно написано от руки, но в левом верхнем углу проставлен официальный штамп Всесоюзного музея А.С. Пушкина от 4.09.87 г.

Уважаемый товарищ Свиридова⁵!

Прошу извинить меня, я не знаю Вашего имени и отчества. К Вам обращается ст. научный сотрудник Всесоюзного музея А.С. Пушкина Лутохина Татьяна Павловна.

Приблизительно год тому назад я прислала Вам письмо и фотографии В.И. Даля и артиста Олега Даля. В письме я сообщала о том, что нам стало известно со слов режиссера С. Герасимова о родстве Олега Даля с Владимиром Далем. Второе доказательство их сходство. Но данных о родстве их людей в семье Олега Даля не сохранилось.

Недавно я получила письмо из издательства «Искусство» от редактора Ягунковой Л.Д. Они ведут работу по изданию книги об Олеге Дале: это воспоминания о нем и его литературные труды (он писал, не публикуя, прозу, стихи, сценарии, статьи). Меня просили заняться исследовательской работой по вопросу о принадлежности О. Даля к знаменитому роду. Очень прошу Вас помочь мне в этом. Вам, вероятно, известны фамилии и адреса потомков В.И. Даля. Пожалуйста, сообщите мне их. Также мне важно знать Ваше мнение по этому вопросу. Прошу не оставить мое письмо без внимания.
(подпись) Т. Лутохина.

На этот раз мы действительно «не оставили без внимания» письмо Татьяны Павловны: высказали свое мнение по интересующему ее вопросу, изложили и материалы наших поисков, пожаловались на то, что Елизавета Даль нам не отвечает. Одновременно вновь написано письмо вдове Олега Даля. Неожиданно для нас она все-таки ответила.

Уважаемая тов. Кульбацкая!

К сожалению Вы не пишете Вашего имени отчества!

В ответ на Ваше второе письмо хочу сказать: неужели Вы думаете – что если бы Олег Иванович и я – знали бы о родстве с В.И. Далем – мы держали бы это в секрете?

Биографией В.И. Даля занимаются филологи, историки литературы – и попутно узнают что-то о родственниках. Вот к ним и надо обращаться.

И надо выяснить – не встречается ли где-то имя Зиновий – так как отца Олега Ивановича звали Иваном Зиновьевичем.

⁵ – На то время заведующая музеем.

Причем же здесь Павла Петровна и ее бабушка и бабушка? Ни она, ни ее дочь – Ираида Ивановна – не знают, по-видимому – какое отчество было у отца Ивана Зиновьевича Даля – Зиновий...?

Думаю – что с таким вопросом надо обращаться в архивы, надо заняться исследовательской работой.

Что касается некоторого сходства Олега Ивановича – то оно есть...

Сама я этим заниматься не могу – я очень больна – и с трудом живу.

Всего Вам доброго.

Е. Даль.

10.X.1987 г.

Для работы в архиве по этой теме у нас не было денег. Мы переадресовали эти пожелания в Ленинград, оставаясь при своем мнении, а именно, что никакого родства между этими людьми не просматривается. И вновь в одном из писем от Т.П. Лутохиной сообщение по данной теме (письмо от 5.09.88 г.). Привожу только ту часть, которая касается освещаемого вопроса, потому что к этому времени мы сотрудничали с Лутохиной и по другим. Сразу же оговорюсь, что при встречах, а были и такие, мы больше никогда не затрагивали темы родства этих двух неординарных людей. По всей видимости, каждый остался при своем мнении и этим удовлетворился. Итак, текст письма.

Уважаемая Любовь Ивановна!

Извините за столь долгое молчание, но оно оправдано: я долго болела, отравилась в музее во время ремонта парами красок.

Родство Олега Даля с Владимиром Далем я установила. Была сделана сравнительная экспертиза, которая нашла у них в лицах 46 общих точек и только 4 разные, специалисты сделали вывод о принадлежности Олега Даля к одной из ветвей рода пушкинского Даля. Он праправнук Вл. Ив. Даля по побочной линии. Но имен называть я пока не могу: не получено разрешение от сестры Олега Ивановича. <...>

Т. Лутохина.

Если бы Татьяна Павловна не была столь категорична в своем заявлении и если бы все это выглядело как предположение, возможно, мы никогда бы не подняли бы этот вопрос в печати. Но она заявила о родстве публично, поэтому мы решили обосновать свою точку зрения, разбирая статью Т.П. Лутохиной «Потомок Владимира Даля» в книге «Олег Даль: Дневники. Письма. Воспоминания / под ред. Б. Поюровского; сост. Н. Галаджева, Е. Даль. – М., 2001». Обратимся сразу к «Заключению специалистов по исследованию изображений В.И. Даля». Не будем разбирать все пункты подробно, это прекрасно сделали специалисты: канд. юрид. наук М.Г. Любарский и А.С. Василенко. Мы можем рассмотреть п. 4 и п. 6 по отношению к Владимиру Ивановичу Далю, на основании воспоминаний знакомых и друзей Казака Луганского.

Итак, в «Заключении» написано:

п. 4. Глаза – контур глазной щели миндалевидный, длина глазной щели и степень раскрытия средняя, положение горизонтальное <...>

п. 6. Нос средний по высоте, ширине и выступанию, с незначительной горбинкой <...>.

А вот, что пишет о внешности В.И. Даля современники. Очень яркую характеристику дал его друг Н.И. Пирогов: «... Со своим огромным носом, умными серыми глазами...»⁶, характеристика относится где-то к 1828-29 гг., т.е. к дерптскому периоду жизни Даля.

Д.В. Григорович увидел В.И. Даля уже в более зрелом возрасте, это был 1845-46 гг. «Он был высок ростом, худощав; <...> меня особенно поразила худоба его лица и длинного, заостренного носа, делившего на две части впалые щеки, не совсем тщательно выбритые; под выгнутыми щетинистыми бровями светились небольшие, но быстрые, пронзительные глаза стального отлива».

Этот крупный нос виден на всех портретах и фотографиях В.И. Даля. Кроме того, все современники отмечают небольшие, т.е. скорее маленькие, чем средние, глаза. Это что касается внешности.

На вопрос о родственных связях ответила сама Татьяна Павловна: «Однако в записях В.И. Даля упоминаний о род-

6 – Г.П. Матвиевская, И.К. Зубова. Владимир Иванович Даль в Оренбурге. – Оренбург, 2007. – С.36.

ственников нет. Его сын Лев детей не имел, бездетными были и оба брата Владимира Ивановича»⁷. Круг как будто замкнулся. Но сделав правильные выводы, Лутохина вдруг замечает: «И вот на мой письменный запрос родные Олега Даля ответили, что в свое время его отец, Иван Зиновьевич, на вопрос сына, почему он так похож на знаменитого Даля, сказал: «Твоя бабушка была родом из Луганска, откуда и В.И.Даль». Это пишет человек, который в первом письме ясно дал понять, как он относится к потомкам: «Я вообще несколько прохладно отношусь к потомкам замечательных людей». Но в данном случае почему-то безоговорочно верит этим потомкам. Чтобы закрепить эту веру, добавляет: «Известно также, что впоследствии Владимир Даль неоднократно бывал в родном крае наездами». Как раз такие факты науке неизвестны. Возможно, Татьяне Павловне попадались архивные документы, подтверждающие ее высказывания. В таком случае, на наш взгляд, стоит поделиться ими с многочисленными исследователями творчества и жизни В.И.Даля и указать источник. Известные на данный момент факты таковы: В.И.Даль родился в Луганске 10 (22) ноября 1801 года и в возрасте 3,7 лет, т.е. в 1805 году вместе с родителями покинул его, т.к. отец получил назначение в Николаев. Больше в Луганск никто из членов семьи не возвращался.

В заключение статьи Т.П.Лутохина безапелляционно подводит черту: «Итак, Олег Даль – правнук в пятом колене В.И.Даля по побочной линии. Что же? Сколько талантливых людей таким образом рожденным было в России!».

Действительно, их было много, но, ни один из них не носил фамилию своих отцов. Взять тех же братьев Перовских, под началом которых служил В.И.Даль. Все они родились от графа Алексея Кирилловича Разумовского и девицы Марии Михайловны Соболевской (впоследствии по мужу генеральши Денисьевой). Фамилию Перовские они получили от подмосковного имения Разумовских – Перово. Тот же Жуковский В.А., имя которого так неудачно ставит в пример Лутохина, не носил фамилию своего отца – Афанасия Ивановича Бунина, а был усыновлен Андреем Григорьевичем Жуковским (жившим на «хлебах» у Буниных).

⁷ – Братьев было три: Карл, Лев и Павел, никто из них не был женат.

Что тут можно добавить. На сегодняшний день, как видно из опубликованной в предыдущем сборнике («Записки Литературного музея Владимира Ивановича Даля» (часть первая)) родословной В.И. Даля, Олега Даля там нет. Тем не менее, сочиненная легенда не дает покоя журналистам.

«... Зайдите в Третьяковку, где висит портрет Владимира Даля, составителя знаменитого толкового словаря. На вопрос, не родственник ли он легендарному Даю Олег смущался и отвечал: «Вроде бы да». Только после смерти артиста выяснилось, что, скорее всего, по побочной линии, Олег все-таки правнук Владимира Даля», – осторожно замечает Милана Касакина⁸.

«Предком Олега был Владимир Даль, друг и личный врач Пушкина, блестящий литератор и лингвист, словарем которого недобитая интеллигенция пользуется до сих пор. Доказано родство двух Далей было судебной экспертизой через несколько лет после смерти артиста...», – как установленный факт, утверждает в своей публикации Ирина Карпинос⁹.

В заключение хочется добавить. Возможно, мы бы оставили этот вопрос без внимания, как делали это до сих пор. Но муссирование его из года в год доставляет нам массу хлопот. Несмотря на то, что почти в каждой экскурсии мы касаемся родословного древа семьи Далей, нас никто не слышит, до сих пор многих интересует вопрос о родственной близости Олега Даля и Владимира Ивановича. Именно поэтому мы подняли его в данной публикации. Считаем, что Олег Даль сам по себе, как личность одаренная, не нуждается в сомнительном подтверждении родства даже с таким великим человеком, как В.И. Даль.

Несмотря на изложенное выше, хочется надеяться, что все сказанное Т.П. Лутохиной подтвердится научно. Мы, в первую очередь, будем этому рады. Но, увы, на данный момент факты таковы.

8 – *Еженедельный журнал «ТВ Парк»*. – №41, 1998. – С.60-63.

9 – *Мания совершенства Олега Даля // «Стиль и дом»*. – Киев, №3, 2003. – С.94-97.

Елена Склярова, Людмила Соколова

Е. Склярова – старший научный сотрудник Литературного музея В.И.Даля. Живёт в Луганске.

Л. Соколова – заведующая Литературным музеем В.И.Даля. Живёт в Луганске.

О ДАЛЕ, О СКУЛЬПТОРАХ, О ВРЕМЕНИ...

Имя Владимира Ивановича Даля является знаковым для луганчан. Масштабы деятельности этой уникальной личности не превзойдены ни одним из известных нам выдающихся уроженцев нашего края.

Он родился в нашем городе, на первой улице поселка Луганский Завод и прожил здесь первые четыре года своей жизни. Литературный псевдоним известного писателя середины XIX века, Казак Луганский, это, прежде всего – дань памяти, любви и почитания родной земли. И малая Родина откликнулась на этот посыл ответным выражением, воплотившимся в памятниках и памятных местах, произведениях изобразительного искусства.

Имя В.И. Даля носит улица, на которой прошло его детство. Тысячи посетителей ежегодно принимает государственный Литературный музей В.И.Даля. Луганский государственный университет имени Владимира Даля – одно из крупнейших учебных заведений АНР. В Луганске есть средняя общеобразовательная школа имени В.И. Даля.

Местными художниками были написаны картины, созданы скульптуры, что позволяет нам говорить о существовании луганской художественной далевиианы. И это не полный перечень. Десятилетия, и даже столетия, это внимание не исчезало, не умирало, а набирало силу.

2021 год в Луганской Народной Республике объявлен Годом Даля. И это прекрасный повод вспомнить о людях, бла-

годаря которым мы сумели сохранить память о В.И. Дале. Многих из них сегодня уже нет с нами, и им посвящается эта публикация.

На территории Луганска сегодня насчитывается четыре памятника Казаку Луганскому – от памятного знака до монументальной скульптуры. О многих из них и об их создателях были написаны научные статьи, публикации в средствах массовой информации. Наш обзор ставит перед собой задачу объединить всю имеющуюся информацию, уточнить некоторые детали.

В 60-е годы прошлого века благодаря известным скульпторам, преподавателям Ворошиловградского художественного училища – В.Х. Федченко, В.И. Агибалову, В.И. Мухину, была сформирована скульптурная школа высокого уровня. Выпускники училища творцы образа В.И. Даля – И.П. Овчаренко, Н.Л. Бунин, В.Е. Орлов, Г.К. Слепцов, Н.В. Можаяев.

Среди зачинателей луганского далеведения, общественного, патриотического движения, немало людей выдающихся, творческих, известных за пределами Донбасса. Одним из первых в этом списке стоит имя скульптора Овчаренко Ильи Пантелеевича (1926-1978), в течение многих лет бывшего директором Луганской художественной школы. В краткой автобиографии он сообщает о себе следующее. Родился 26 сентября в селе Мусиевка, Меловского района Луганской области в семье крестьянина. С 1934 по 1941 год учился в Мусиевской семилетней школе.

Во время оккупации территории немецко-фашистскими войсками находился на территории родного села. А после освобождения пошел работать в колхоз «III-я пятилетка»: был весовщиком, завтоком, секретарем сельского совета. Осенью 1944 года поступил в Ворошиловградское художественное училище, которое окончил в 1949. В этом же году поступил на работу в Ворошиловградскую детскую художественную школу учителем скульптуры и рисунка. В 1952 году стал директором этой школы. Параллельно, с 1950 по 1953 годы, Илья Пантелеевич учился в Ворошиловградском государственном педагогическом институте по специальности «История». Отсюда его тяга к воплощению в искусстве исторических личностей, желание, наряду с портретом своего героя, отразить время, эпоху.

С 1963 года – член Союза художников СССР. В 1966 году Овчаренко был избран в правление Луганской областной организации товарищества охраны памятников истории и культуры. Членами этого общества были истинные патриоты нашего края. Многих из них объединял интерес к одной из самых знаковых личностей Луганщины – Владимира Ивановича Даля.

В.И. Даль. Ск. И.П. Овчаренко, Н.Л. Бунин. 1962 г.

По воспоминаниям жены скульптора, Декабрины (Дины) Ивановны, интерес к фигуре известного луганчанина появился у него в процессе общения с преподавателем Ворошиловградского педагогического института, заведующего кафедрой языкознания И.С. Михалко. Эти данные она приводит в письме от 12.11.2001 года¹ к Ененко Тамаре Семеновне, вдове Ю.А. Ененко, известного далеведа.

К сожалению, документального подтверждения этой информации нам найти не удалось. Из личного дела, сохранившегося в педагогическом университете, мы знаем, что И.С. Михалко жил в нашем городе с 1945 по 1954 год. Однако, на страницах местной периодической печати этого пери-

¹ – Фонд музея МИГЛ МД КП-419; Владимир Даль. Перекресток памяти и судеб.

ода времени, просмотренной нами на девизу, мы не смогли найти ни одной его публикации, посвященной В.И.Далю.

Сегодня трудно сказать, когда точно Илья Пантелеевич Овчаренко приступил к работе над образом В.И.Даля. В творческой характеристике скульптора отмечен факт создания погрудного изображения Казака Луганского в 1962 году. Соавтором являлся Николай Леонтьевич Бунин (1924-2009) – скульптор, форматор.

Николай Леонтьевич родился 26 октября в селе Красный Октябрь Станично-Луганского района Луганской области в семье крестьянина. В 1931 году поступил в неполную среднюю школу, а в 1939 – семья переехала в город Ворошиловград. В 1940 году поступил в Ворошиловградское государственное художественное училище на скульптурный факультет.

Годы Великой Отечественной войны были для скульптора непростыми. В 1941-1942 годы он работал на оборонительных рубежах городов Горловки и Ворошиловграда. В своей автобиографии Николай Леонтьевич отметил: «В июле 1942 года, не успев эвакуироваться, остался во временно оккупированном городе Луганске, откуда ушел в село Красный Октябрь. В сентябре 1942 года был угнан немецко-фашистскими захватчиками в фашистскую Германию, где находился в лагерях города Йены до 1945. После освобождения вернулся на Родину в село Красный Октябрь, в июне 1945 года»². В этом же году по повестке райвоенкомата был направлен в Ворошиловград в школу фабрично-заводского обучения, где приобрел навыки электрика, и некоторое время работал по специальности. В 1949 году Николай Бунин поступил на работу в Ворошиловградские художественно-производственные мастерские учеником форматора (специалиста по отливке статуй). С мая по ноябрь 1953 года работал лепщиком (мастером по лепным работам) в строительном управлении, после – форматором в скульптурно-художественных мастерских. С 1963 года – член Союза художников СССР. До 1965 года был членом ревизионной комиссии областного отделения Союза художников СССР. С 1967 по 1973 годы – член бюро творческой секции скульптуры.

Но вернемся к далевской тематике. В 1963 году скульптура Овчаренко и Бунина «Даль – Казак Луганский» экспони-

² – Личное дело Н.Л. Бунина. Автобиография.

ровалась в Киеве на Республиканской художественной выставке. Она была отмечена жюри выставки и приобретена Министерством культуры³.

Скульптура из искусственного камня, размером 95х74х57 см, представляла собой погрудный портрет пожилого мужчины. Узнаваемое художавое лицо, взгляд задумчив и устремлен вдаль. Сложенные перед собой руки застыли в неподвижности и расслабленности – окончен главный труд его жизни – «Толковый словарь живого великорусского языка». Помимо портретного сходства, облик Даля излучает внутреннюю силу, жизненную мудрость многих поколений.

Известно, что существовала авторская копия скульптурного портрета. История его связана с именем кандидата медицинских наук В.В. Нестайко, который в 1962 году был переведен в Луганский медицинский институт на должность заведующего кафедрой патанатомии. Вокруг него, в течение короткого времени, сформировалась группа единомышленников, в дальнейшем активнейших луганских далеведов. На страницах местной периодической печати появились публикации о В.И. Дале. В своем кабинете, точнее в прозекторской, В.В. Нестайко создал один из первых общественных музеев В.И. Даля, настоящим украшением которого являлся скульптурный образ Казака Луганского. Предположительно, это и была авторская копия И. Овчаренко и Н. Бунина, выполненная из тонированного гипса.

В дальнейшем, по воспоминаниям известного луганского писателя И.Д. Низового, близко знавшего и общавшегося с художниками, скульптура была передана Ворошиловградской областной писательской организации Союза писателей УССР. Правление творческого союза с 1971 года располагалось в здании по адресу ул. Юного Спартака (ныне ул. В. Даля), 12. Адрес был выбран неслучайно. На этой улице и, предположительно, в этом доме родился В.И. Даль. На фасаде здания еще в далекие шестидесятые была установлена памятная доска, подтверждающая данный факт. На тот момент ни установить памятник на улице Юного Спартака, ни открыть музей в этом доме не представлялось возможным.

В этом же, 1971, году И.П. Овчаренко приступает к работе

3 – Костинский Ю.М. Домик в Луганске //Русская речь. – 1967. – №4. – С. 36-40.

над монументальным изображением Казака Луганского. Соавтором нового проекта стал луганский скульптор Василий Ефимович Орлов (1929-2003).

Василий Ефимович родился 16 декабря в селе Райгородка Новоайдарского района Луганской области. В 1947 году окончил 7 классов Райгородской средней школы. До 1952 года учился в Ворошиловградском государственном художественном училище на скульптурно-декоративном отделении, затем был направлен на работу в художественно-производственные мастерские. С 1971 года – член Союза художников СССР.

Годы сотворчества с Ильей Пантелеевичем стали самыми плодотворными в творческой биографии Василия Ефимовича. В его творчестве в этот период наметился переход к созданию монументальных скульптур. Он всегда с теплотой вспоминал об Илье Пантелеевиче, который, по сути, ввел его в новый мир творчества. По мнению луганского журналиста, писателя и друга Н. Ночовного: «Искусство этого известного на Луганщине скульптора [Орлова, – прим. авт.] – от одухотворенных жизненных начал, грани его художественного видения – крупнопластическая монументальность и временами надрывная, иногда приглушенная трагизмом экспрессивность».

После смерти И.П. Овчаренко, в память о друге и учителе, В.Е. Орлов в 1979 году приступил к воплощению первого скульптурного образа Казака Луганского на территории нашего города, точнее, на территории Ворошиловградского онкодиспансера. Место было выбрано неслучай-

*Установка памятника
на территории онкодиспансера*

*Казак Луганский.
Ск. И.П. Овчаренко, В.Е. Орлов,
арх. Г.Г. Головченко, 1981 г.*

ликого земляка, властями города было принято решение об установке монументального памятника. До этого он хранился на территории художественного комбината.

«Памятник – все, что сделано для облегчения памяти, для того, чтобы помнить или поминать дело, не забыть чего... Памятник – сооруженье зодчества или ваяния в честь и память события, лица»⁵. Так емко и философски мудро определил значение этого слова В.И. Даль. Памятник луганских скульпторов И. Овчаренко и В. Орлова Казаку Луганскому стал символом благодарной памяти многих поколений луганчан великому земляку.

Скульптурное изображение в полной мере раскрывает поставленную перед собой собирателем «Толкового словаря живого великорусского языка» задачу: «Много еще надо работать, чтобы раскрыть сокровища нашего родного слова, при-

но. Здесь, в это время в должности главного врача лечебного заведения, работал кандидат медицинских наук, известный далевед, ученик В.В. Нестайко – Юрий Алексеевич Ененко. На фотографиях, переданных в фонд Литературного музея В.И. Даля вдовой Юрия Алексеевича, запечатлен момент установки бюста⁴. По утверждению свидетелей тех событий, все работы по установке памятника были выполнены скульптором бес-

В 1981 году, к 180-летию со дня рождения вели-

4 – Фонд музея МИГЛ МД КП-419.

5 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. – Т. 3. – П. – М.: Издательство «Русский язык», 2002. – с. 556. – С. 14.

вести их в стройный порядок и поставить полный хороший словарь»⁶. Высокое предназначение человека, жизненный и творческий путь которого мы называем подвигом, ощущается в задумчивой недвижимости Казака Луганского на высоком прямоугольном постаменте. Сильное впечатление оказывает на нас лицевая часть памятника. От фигуры веет силой человека, свершившего предначертанное ему. Продолжением, органичным и естественным, стал том Словаря на колене В.И. Даля.

Знаменательно место, где установлен памятник. Это улица детства Владимира Даля, бывшая Английская, ныне его имени. Памятник расположен в нескольких метрах от здания Литературного музея В.И. Даля, на аллее одной из первых улиц города. Архитектурным фоном ему служит здание начала девятнадцатого века, одно из немногих сохранившихся до наших дней. В полной мере здесь использовано своеобразие рельефа – на заднем плане мы видим старинные улочки, «сбегающие» по склонам Каменного Брода, к подножию памятника великого луганчанина.

В таком удачном расположении монументального сооружения большая заслуга архитектора Георгия Геннадьевича Головченко (1931-2012), который смог так гармонично вписать памятник в архитектурный ансамбль старого города.

Георгий Геннадьевич родился 5 июля в Луганске. В 1957 году окончил архитектурный факультет Харьковского инженерно-строительного института. С 1965 года работал в Луганском филиале государственного института проектирования городов «Гипроград». С 1970 года был избран председателем правления Луганской организации Союза архитекторов. В 1973 году – главный архитектор института «Луганскгражданпроект». С 1982 по 1991 год Георгий Геннадьевич являлся директором этого института.

В 1986 году для экспозиции Литературного музея В.И. Даля луганским скульптором Григорием Кузьмичем Слепцовым (1927-2009) был создан очередной образ В.И. Даля, ныне расположенный во дворе. Классический погрудный бюст Казака

6 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. – Т. 1. – А-З. – М.: Издательство «Русский язык», 2002. – с. 704. – С. XXIII.

В.И. Даль. Ск. Г.К. Слепцов. 1986 г

Луганского, высеченный в белом мраморе, гармонично вписался в окружающий пейзаж.

Григорий Кузьмич Слепцов родился 4 мая в селе Евсуг Беловодского района Ворошиловградской области. В 1930 году вместе с семьей переезжает в Ворошиловград. В годы Великой Отечественной войны (с 1942 по 1943 год) пребывал на оккупированной территории села Евсуг. Отец Григория Кузьмича погиб на фронте. В 1950 году окончил Ворошиловград-

ское художественное училище по керамическому отделению.

В 1957 году началась творческая деятельность Григория Кузьмича. С 1967 года – член Союза художников. Принимал активное участие в общественной жизни, избирался депутатом областного совета. Напомним, что решение о создании Литературного музея В.И. Даля было принято областным советом в 1985 году.

В XXI веке к созданию образа Казака Луганского обратился известнейший скульптор Николай Васильевич Можаяев (1928–2018). Следует отметить, что в творческом наследии Можаяева плеяда выдающихся личностей: М. Шолохов и герои его произведений, К. Булавин, А. Пархоменко, и, конечно, В. Даль.

Николай Васильевич Можаяев родился 22 мая 1928 году на хуторе Можаяевка Еланского совета Тарасовского района Ростовской области в семье крестьянина. С восьми лет поступил в Можаяевскую неполную среднюю школу, затем в Роговскую среднюю школу, в 1945 году окончил 8 классов.

С 1945 по 1950 год учился в Ворошиловградском художественном училище. С 1960 года – член Союза художников.

Более подробно с биографией Николая Васильевича можно ознакомиться в статье «Человек рожден на труд...»⁷

Памятник «Казаку Луганскому» работы скульпторов Николая Можяева и Виктора Горбулина, был установлен в 2010 году у главного корпуса Луганского государственного университета имени Владимира Даля. Средства на новый памятник собирали меценаты, рабочие, пенсионеры, студенты и неравнодушные горожане.

Общая высота монумента 5 метров. Постамент выполнен из гранита, фигура – бетон, покрытый медью в технике выколотки. В основе скульптурного образа – идея «странника, собирающего в слове душу народную». В.И. Даль определял свою миссию следующим образом: «...ученик, собиравший весь век свой по крупнице то, что слышал от учителя своего, живаго рускаго языка»⁸.

Памятник представляет собой скульптуру шагающего Владимира Даля. Вся его фигура устремлена вперед. Стремительность движения подчеркивают развевающие волосы, фалды плаща. В правой руке он держит книгу – знаменитый

В.И. Даль.
Ск. Н.В. Можяев, В.А. Горбулин, 2010 г.

7 – Склярова Е. Человек рожден на труд... / Крылья: Взмах тринадцатый. Литературно-художественный альманах. – Луганск: ПРЕСС-ЭКСПРЕСС, 2019. – 240 с. – С. 55.

8 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тома. – Т. 1. – А-З. – М.: Издательство «Русский язык», 2002. – с. 704. – С. XXIII.

«Толковый словарь живого великорусского языка», в левой руке – посох: «Взяться за посох, пуститься в путь»⁹.

Работа над памятником велась в течение многих лет. Постепенно образ приобретал завершенность, наполняясь идеей беззаветного служения родному языку, связующему звену между душой и телом нашего народа.

Таким образом, мы систематизировали имеющиеся на данный момент источники, предоставленные Союзом художников ЛНР, Луганской Республиканской научной универсальной библиотекой имени М. Горького, фондами Музея истории города Луганска. Несмотря на кажущуюся простоту темы, в этой истории осталось еще много «белых пятен», требующих дополнительного изучения. Ведь в созданных художниками скульптурных образах запечатлена история нашего края. Памятники нашему великому земляку по-прежнему объединяют общество. Поэтому так важна связь между памятником и местом, в котором он существует...

⁹ – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тома. – Т. 3. – П. – М.: Издательство «Русский язык», 2002. – с. 556. – С. 339.

КРИТИКА

Ольга Блюмина

Литературовед. Кандидат филологических наук. Родилась в городе Селидово Донецкой области УССР. Доцент Московской финансово-юридической академии (МФЮА). Участник Комиссии по сохранению культурного наследия русского поэта Николая Тряпкина.

МИГ ПОСТИЖЕНИЯ МИРА

(О стихотворении Алексея Полуботы «Обрыв»)

В стихотворении «Обрыв» Алексея Полуботы «естественное единство и нераздельность миров – моего, мира поэта, и мира, который он ощущает», – особенность, тонко подмеченная Лауреатом Государственной премии СССР, поэтом Валентином Сорокиным, представляет собой источник движения художественного действия произведения, являясь целеполагающим началом динамического развёртывания сюжета. Мотив неторопливого постижения, состоящий из переплетения тончайших линий, неразложимых элементов, открывает окончательный смысл только в последнем катрене материализацией главного, идеального представления. В связи с этим мне кажутся очень точными слова ещё одного современного классика русской литературы Василия Казанцева, который назвал лирику Алексея поэтическим постижением мира. Событие постижения осуществляется в стихотворении в виде цепочки событий соединения с красотой мира, неспешного приобщения к ней, приводящее к определённой черте, за которой открывается строжневое, изначальное – краугольный камень, лежащий в основании миропорядка. Камень, на котором зиждется красота в любой из форм её проявления.

Начинается стихотворение с погружения в красоту. Красота открывается плещущем морем у края обрыва: его плеск и горячий ветер в самом начале – это грани мирной гармонии

вокруг лирического «мы». Горячий ветер словно и не сушит «губы и сердца», а овеивает их, как будто слегка успокаивает польхующее в сердце. Конвергенция метонимии и метафоры «и сушил горячий ветер / наши губы и сердца» рождает впечатление всепроникающей гармонии. Проявление радости и ощущение радости соединяются в строках параллельных предыдущим: «и смеялись наши губы, / и туманились глаза».

До третьего четверостишия мир вокруг горячий, но не обжигающий. Он плещется и обволакивает. Он мягок. «И казалось...» – первое слово, сбивающее плавный ритм, вдруг ставящее под сомнение реальность происходящего: «и казалось бесконечным...» – с этого момента начинает слышаться какая-то неполнота ощущений, пережитых в первых двух катренах. «И казалось бесконечным / море жёлто-голубое» – читателя как будто подвели к обрыву. Я стою у самого его края, но всё ещё смотрю вдаль. И бесконечность жёлто-голубого моря так естественна, ведь оно на самом деле такое. Но почему-то жёлтый и голубой уже начинают восприниматься почти как антонимы.

Следующие строки «и в сухих колючих травах / прятался от ветра зной» становятся определённым смысловым и эмоциональным мостиком, подготовкой того, кто погружён сейчас в этот словесный мир, к переходу, к тому, что сейчас что-то должно произойти. И вот уже слышится совсем негромкая оценочность в определении «сухих». Если в начале стихотворения глагол «сушить» (сушил) не содержит в себе ни малейшего элемента негативной коннотации, а напротив, выступает неотъемлемым свойством жаркого морского лета, то оборот в «сухих колючих травах» в предпоследней строфе представляет собой градацию, новый образ. Вроде, это тот же жаркий берег. Тот и не тот. Другой. Жесткий, колючий. Эпитеты «колючий» и «сухой» в составе образа произросли и оказались связанными с желто-голубым. А точнее, с жёлтым, в этом сложном эпитете. Голубое остаётся позади, так же, как и бесконечное море. Дальше нас ведут смыслы сухого и желтого. Зной, который прячется в сухих травах, тоже жёлтого цвета, поэтому в сухих (= жёлтых), а не зелёных травах (а их здесь и нет) ему спрятаться легче. Это какой-то другой зной, не такой, как не названный, но заполняющий собой пространство первого восьмистишия. Этот зной невозможно ни смочить, ни остудить...

Последний катрен открывается модальным глаголом «и не верилось». Параллелизм, синтаксический и модальный (см. «казалось бесконечным»), усиливает чувство нереальности первых восьми строк, или неполноты эмоций, помещённых в них. Именно последние строки делают законченными, исчерпывающими переживания начала стихотворения. Оно обретает всю полноту правдивости. В безусловной перекличке «в... мареве ковыльном» с «туманились глаза» теперь нет ничего убаюкивающего, обволакивающего. Теперь – это мгла, видение сквозь пелену. Клонится к земле ковыль. Пригибается. Укрывает ковыльной мглой того, кто в окопе. Эпитет «окровавленный» апеллирует к «розовый» («терпкий розовый напиток»). Коррелирует с ним. Розовым терпким утолялся жар, окровавленный – красный – высшая степень проявления цвета и вообще любого качества в русском языке: русская кровь всегда горячая и горячая. Горячая кровь («жизнь кладёт») задохнулась в «душном» зное, который в противоположной точке той же реальности можно охладить.

Мироощущение лирического «мы» в начале стихотворения обретает завершённость, целостность. Все глаголы, кроме последнего, употреблены в прошедшем времени. И только «кладёт» – в настоящем, длящемся. В какой бы точке на временной оси ты не находился, это происходит: «кто-то жизнь кладёт за нас». Последний катрен – это и есть тот самый обрыв, в который «мы» заглянули; соединяясь с красотой окружающего мира, вплотную подошли к пониманию сущностной основы мироустройства: эстетическое, нравственное, бытийное оказались сплавлены, а в сердцевине – чьё-то самопожертвование...

В многочисленных публицистических произведениях и выступлениях Алексея Полуботы, как и в одной из магистральных тем его художественного творчества, отражается верность исторической памяти своего народа. Та сила духа, которая подняла русских людей юго-восточной Украины защищать своё право быть русскими ценой собственной жизни, это та самая сила, которая живёт в русском народе и неизменно проявляется в лихую годину Отечества, эта та сила, которая в 1941-1945 годах бросала героев на амбразуры немецких дзотов, таранила немецкие эшелоны, помогала сестричкам с отморозенными руками и ногами продолжать

вытаскивать раненых с поля боя... Самопожертвование. Не способность к самопожертвованию, как некий потенциал или возможность, но именно самопожертвование в его самой реальной, материальной представленности, и это не какой-то нравственный резерв, а то, что всегда есть в русской душе, но как бы в свёрнутом виде, словно сжатая пружина, в любую минуту готовая разжаться... Стихотворение «Обрыв» о сегодняшнем Донбассе, и хотя прочитывается это только в самом его конце, очевидно, что всё оно – ещё один повод сказать о главном, ценностно-сущностном...

В пучке неявных мотивов, но открывающих иные, более общие пласты мировосприятия в стихотворении, проступает мотив душевного движения человеческой души между полюсами неосязаемого мироздания. Это мотив недостижимой полноты внутреннего взаимодействия человека с реальностью, с жизнью. Человек постоянно пребывает между этими полюсами. Начав движение, противоположного полюса не достигает никогда. Обе противоположности могут сойтись на какое-то мгновение, когда необъяснимая сложность мира в его цельности вдруг озарит на миг. Потом, конечно, сокроется снова. И чаще всего такое происходит в моменты поэтического постижения мира. Что, собственно, и случилось в стихотворении.

ИСТОЧНИКИ:

Полубота А.В. / Вечность: стихотворения. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. – 136 с.

Нина Ищенко

Литературовед, культуролог, философ, публицист, литературный критик. Родилась в 1978 году. Кандидат философских наук. Редактор сайта новостей культуры «Одуванчик». Член Союза писателей ЛНР. Член Философского монтеневского общества Луганска.

Автор книг литературно-критических статей «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск-2014» (2020). Живёт в Луганске.

ВОЙНА И ЕДИНСТВО РУССКОЙ ЗЕМЛИ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ПОНОМАРЕВА

Современная литература Донбасса создается в условиях войны с Украиной. Эта война вызвана самоопределением Донбасса как русской земли, а народа Донбасса – как русского народа. Стремление Донбасса отстоять свой выбор обосновано ощущением культурного единства с Россией. В последние годы в литературе Донбасса и России происходят интеграционные процессы, в ходе которых писатели Донбасса включаются в русское литературное пространство. Это возможно благодаря очень мощному ответному движению из России. Одним из тех, кто непосредственно участвует во включении донбасской литературы в российский контекст, является автор военной прозы Александр Пономарев.

Александр Пономарев – писатель из Липецка, член Союза писателей России. Вся жизнь и деятельность Александра в той или иной форме связана с военными силами. В советское время он проходил службу в рядах Советской Армии на территории ГДР. С 1994 году служил в МВД России, в том числе в отряде милиции особого назначения при УВД Липецкой области. На переломе тысячелетия принимал активное участие в контртеррористических операциях на территории

Северо-Кавказского региона. За плечами Пономарева семь командировок, ранение и контузия. За свою службу награждён государственными, ведомственными и общественными наградами.

В литературном багаже Пономарева шесть книг, а его пьесы неоднократно ставились на сцене и участвовали в театральных фестивалях. Произведения писателя публикуются в литературных журналах и интернет-изданиях России, Украины, Белоруссии, Германии, Финляндии, США, Греции.

Основная тема, которой посвящены произведения писателя, это тема войны. Используя свой личный опыт службы, автор рассказывает о самом сложном – о человеке на войне. В первую очередь Александр пишет о двух важных войнах, оставивших след в народной памяти в течение XX века – о Великой Отечественной и о чеченской кампании в девяностых.

В произведениях Александра Пономарева присутствует чувство Родины, общности большой России, единства всех людей, говорящих на русском языке. Это чувство общности воплощается не только в книгах, но и в жизни. Александр Пономарёв и Андрей Новиков приняли участие в праздновании Дня славянской письменности и культуры в Приднестровье в 2017 году, а также в 2018 году совершили литературный автопробег «Великая Россия» по маршруту Липецк-Сахалин-Липецк в честь 10-летия липецкого литературного журнала «Петровский мост». Тема единства и общности русской земли, наряду с войной является основополагающей в творчестве Александра Пономарева.

Рассмотрим две основные темы в малой прозе Пономарева – в его рассказах. Все эти рассказы опубликованы в различных изданиях в течение последнего десятилетия, некоторые участвовали в литературных конкурсах, получали премии и призы. Малая проза Пономарева иллюстрирует положение дел в современной русской литературе и показывает, как реализованы темы войны и единства русской земли в современных литературных произведениях.

Основная тема войны раскрывается в таких произведениях как «В гости к другу», «Кара-Борз», «Кулинарный экскурс», «Наш принцип», «Родинка», «Зори Хингана».

Почти все рассказы из этой подборки посвящены чеченской войне. Автор работает в жанре так называемой окопной

прозы – в фокусе его внимания самое низовое звено, те люди, которые воплощают в жизнь военные приказы своими непосредственными действиями, чувствами, решениями. Фронтальная дружба, гибель товарищей, будни в военной обстановке, столкновение с врагом и реальная опасность на каждом шагу – все эти сюжеты присутствуют в рассказах Пономарева и будут интересны не только любителям военной прозы, но и всем, кому важно понять человека как такового. Наш принцип – русские своих не бросают – выступает в одноименном рассказе как универсальный моральный императив, определяющий поведение в самой жесткой и неоднозначной ситуации. В этой подборке малой прозы особо хотелось бы остановиться на рассказе «Кара-Борз».

«Кара-Борз», безусловно, один из самых сильных рассказов Пономарева. Он опубликован в журнале «Нева» в 2016 году. Посвящен поискам мстителя-одиночки солдатами российского военного подразделения, стоящего в чеченской деревне на исходе чеченской войны. Крупные бои позади, российское правительство налаживает мирную жизнь, местные жители в целом лояльны и рады жизни без войны. В этих реалиях разворачивается детективный сюжет о противостоянии двух правд: месть за родных, погибших в войне, и стремление прекратить эту войну и жить в мире всей страной. В рассказе сталкиваются личные интересы, хоть и поднятые силой чувства на высоту подлинной трагедии, и общегосударственные идеалы, которые требуют защищать мир и порядок для всех. Столкновение в рассказе показано ярко и убедительно. Открытый финал подчеркивает четкость авторской позиции в этом конфликте.

Рассказ «Зори Хингана» стоит особняком в этой подборке. Он посвящен лету 1945-го года, и действие подается как воспоминания медсестры, участницы военной кампании в Хингане, когда шли бои с японской армией. Медсестра, хрупкая и негнибаемая, для которой подвиги давно стали буднями, вышла из горнила войны и попала в самое невероятное приключение, которое было немислимо в те годы: дожидаясь старости. Бабушка-божий одуванчик живет мирной размеренной жизнью, но изредка из памяти прорываются те годы, когда она прикасалась к истории и жила на грани. Этот рассказ – возможность заглянуть в прошлое, осознать единство

времен и жить дальше с учетом приобретенного опыта. Война в этом рассказе показана как испытание, которое не убивает, а делает сильнее.

Во всех рассказах на военную тему раскрывается также тема единства, понимаемая как единство русской земли в пространстве и единство русской истории в памяти. Герои Пономарева защищают это единство в Великой Отечественной и в чеченской войне.

При чтении произведений Пономарева складывается впечатление, что это человек цельный, наблюдательный, ценящий жизнь, человек, для которого понятие воинского братства и защита Родины – не пустой звук, а неизменные данности, регулирующие отбор материала и пробуждающие творческое вдохновение. У читателя возникает мысль, что такой человек не мог остаться в стороне, когда началась война в Донбассе, и это впечатление оказывается верным: Александр Пономарев два раза был в воюющем Донбассе, в Луганске и Донецке.

В январе 2017 года липецкие писатели Андрей Новиков, Александр Пономарев и журналист газеты «Липецкие известия» Андрей Марков приехали в Луганск. Несмотря на разрушения в 2014 – 2015 гг., блокаду и тяжелое экономическое положение, Луганск живет культурной жизнью. Липецкие литераторы встретились с руководителем Союза писателей АНР Глебом Бобровым, общались с представителями творческой интеллигенции в библиотеке имени М. Горького, дали большую пресс-конференцию в Доме правительства, выступили на канале Луганск-24.

Литературное сотрудничество луганских и липецких писателей особенно важно в свете новой ситуации, в которой Донбасс оказался с начала войны. Культурные и литературные связи с Украиной оборваны: украинским авторам на уровне украинского законодательства запрещено участвовать в тех мероприятиях, в которых участвуют писатели из республик. В то же время культурные связи с Россией создаются и крепнут. Так, писатели из Липецка вручили почетные дипломы луганским писателям, поэтам и работникам культуры, передали в фонд библиотеки ряд книг, литературных журналов, сборников, презентовали липецкий литературный журнал «Петровский мост» и предложили луганским авторам

сотрудничать с липецкими изданиями. Призыв не остался втуне: осенью 2017 года Александр Пономарев с товарищами привезли в Луганск «Петровский мост» с произведениями авторов из Луганска.

Темы, которые затрагивает Пономарев в своем творчестве, особенно важны в воюющем Донбассе. Человек на войне, которому дает силы память и русская история, каждый день действует в городах и селах Донбасса, находящихся седьмой год под ударами украинской армии. Наш русский принцип не бросать своих воодушевляет людей России, которые пришли на помощь Донбассу, продолжают посылать гуманитарную помощь, приезжают сюда, а также по ту сторону границы делают всё, чтобы восстановить место Донбасса в исторической памяти и в современной жизни России. Творчество Александра Пономарева показывает, что эти идеи живы и действенны.

Лариса Черниенко

Литературовед, критик, публицист. Кандидат филологических наук. Профессор кафедры русской и мировой литературы Луганского государственного педагогического университета. Главный редактор литературно-художественного альманаха «Крылья». Живёт в Луганске.

ЛУГАНСК И ЛУГАНЧАНЕ В ПОЭЗИИ ВЛАДИМИРА СПЕКТОРА

(к 70-летию со дня рождения поэта)

Владимир Давыдович Спектор – коренной луганчанин. Он родился в нашем городе в 1951 году. Принадлежит к тому особому послевоенному поколению, о котором сказал в своем стихотворении:

«Запах «Красной Москвы» –
 середина двадцатого века.
Время – «после войны».
 Время движется только вперед.
На углу возле рынка –
 С веселым баяном калека.
Он танцует без ног,
 он без голоса песни поет...
Это – в памяти все у меня,
 У всего поколенья.
Мы друг друга в толпе
 Мимоходом легко узнаем.
По глазам, в коих время
 мелькает незваную тенью,
И по запаху «Красной Москвы»
 В подсознании своем...» [3, с.30].

С отличием окончил машиностроительный институт (сейчас университет имени В. Даля). Достаточно долго работал по инженерной специальности, в том числе более 20 лет был ведущим конструктором на Луганском тепловозостроительном заводе (завод ОР). Автор 25 изобретений. Приобщившись к журналистике, был сотрудником телекомпании «Эфир-1» и радиокomпании «Скайвей»

Стихи писал с ранних лет, но первые публикации относятся к 1990 году. В этом же году вышел сборник «Старые долги».

Широкое обсуждение поэзии Владимира Спектра началось в 1991-ом после появления сборника «Усталый караул». К началу событий 2014 года у него уже было более 20 книг стихов. Отношение критиков и читателей различно, иногда кардинально противоположно (к слову, Спектор лауреат литературных премий Н. Тихонова и А. Тарковского). Многим он кажется слишком простым на фоне «поэтического выпендрёжа» рубежа тысячелетий. Но, на мой взгляд, эта простота кажущаяся.

Да, Владимира Спектора нужно относить к поэтам – традиционалистам. Экспериментов у него немного (чаще – в ритмо-мелодике). Ещё некоторых удивляет неторжественность, недифирамбность его стихов, даже относящихся к так называемой «гражданской лирике».

Главный жанр – элегия. Основа эмоционального фона – «горький оптимизм». Он – поэт печальных размышлений. И все темы (а их, как у каждого поэта, много) рассматриваются именно в этом ключе. В том числе одна из главных (можно даже назвать её лейтмотивной) – Луганск и населяющие его люди в прошлом и настоящем. Часто такие размышления печальны:

«Это город. И в нём не хватает тепла.
И не осень прохладу с собой принесла.
Не хватает тепла в руках и душе,
В ручке мало тепла и в карандаше.
Не хватает тепла во встречных глазах.
В них смятение и холод.

А, может быть, страх» [2, с.29].

Если определить музыкальную основу стихов Владимира Спектора о «малой Родине», – ноктюрн (у Матусовского, для сравнения, – романс).

По сути необходимо выделить несколько особенностей образа родного города.

В первую очередь – это чувство родственности, семейственности. Отношение – как к родителям (я вижу, что они не идеальны, но они мои, родные, единственные). Во-вторых, скептицизм в оценке многих явлений луганской жизни и луганчан в целом. В-третьих, постоянная ностальгия, не только связанная с детством, юностью, но с ощущением несовершенства любимого города. Хочется лучшего, но оно пока не сбывается.

И, наконец, главное, на мой взгляд, – отношение к родному Луганску-Ворошиловграду как к живому существу, с которым можно говорить, советоваться, упрекать. Стихотворение, открывающее сборник «Усталый караул», может быть эпиграфом к этой теме.

«Город европейский мой
с неевропейскою культурой,
Со своей китайскою стеной
и конною скульптурой,
С пыльным небом
и промышленным ландшафтом,
Где к заводу примыкает шахта,
Где над церковью – немым укором крест,
Где на кладбище убогом
не хватает мест.
Город мой,
любимый
и проклятый,
Мы с тобою друг пред другом
виноваты» [1, с.3].

Знаков города много: названия районов (Острая Могила, Вергунка, Камброд), фонтаны, цветущие акации и абрикосы. Немало и реальных картин жизни луганчан, особенно в кризисные времена.

«Заводчане торгуют, торгуют...
Где найти им работу другую,
Ведь заводу они не нужны.
Это бизнес – основа державы.
Это бизнес – преддверие славы.
Или, может, преддверье войны?» [2, с.27].

«В городе фонтанов
жил рабочий люд.
Вроде, ничего не изменилось.
Только вот характер
 Стал у жизни круг.
И фонтаны плакать разучились.
.....
Только все, что было –
 Не вернуть назад.
Жизнь идет, как поезд без стоп-крана.
Кто ты мне, –
 Товарищ, волк иль брат,
Город, что забыл свои фонтаны» [3, с.148-149].

Размышляет поэт и о том, как воспринимали Луганск те, кто знал о нём лишь понаслышке:

«Луганск для москвича –
 Почти что Крым –
Зеленый город, фруктами богатый,
А дым отечества,
 отечественный дым,
Которым мы обложены, как ватой,
Воспринимается экзотикой Донбасса,
Сквозь песни Богословского,
 Покрасса,
Сквозь плеск фонтанов
 и цветенье абрикос...
Ну, а пока мы спорим, говорим,
 идем стеною брат на брата,
Все меньше наш Луганск
 похож на Крым.
И жжет нам сердце злого дыма вата. » [1, с.13].

Реальный город и город воображаемый не совпадают, более того, их образы контрастны в представлении тех, кто здесь не живет и для кого это Родина.

Луганчане проявляются в стихах как в личной конкретике (С. Бугорков, В. Музыка, Н. Малахута, В. Филимонов, П. Шевченко-Бельвода и др.), так и представлены как некие символы: ветеран – «прямой и торжественный, словно Устав, / шёл с праздника Воин Победы» [1, с.34]; бабушки у подъезда – «и бабка, что курила «Беломор», и та, что рядом с нею восседала» [2, с.65], безмянные прохожие с озабоченными лицами, в глазах которых «испуг и надежда» [1, с. 38].

И главное, как считает сам поэт, луганчане – это и есть город, его основа, надежда, символ веры. Вспоминая прошлое, Спектор подчёркивает, что для него важнее всего «отголоски дней, людей, идей» [3, с.114].

Да, в поэтических размышлениях Владимира Спектора немало грустных мотивов, но всё же главное ощущение от образа города – надежда и благодарность за то, что он есть на земле.

«Удар за ударом. Спасибо, Луганск,
Ты учишь терпеть эту боль.
И я, не успевший устать от ласк,
Вживаюсь в судьбу, как в роль.

А жизнь так похожа на черный пиар,
А мир так насыщен войной...
И надо держать, держать удар
И сердцем, и клеткой грудной» [3, с.171].

В недавнем интервью с символическим названием «И ангел пел над заводской трубой...» В.Спектор, волею судьбы, живущий сейчас в дальнем зарубежье, сказал: «Вспоминаю Луганск каждый день. Любимые улицы, завод, друзей, коллег, и, конечно, родных, тех, которые, увы, уже на кладбище. Понимаю, что ничего не изменишь, назад не открутишь. Но в памяти все, как прежде.

А вы из Луганска? Я тоже,
я тоже...
И память по сердцу –
морозом по коже,
ну да, заводская труба
не дымится.
Морщины на лицах.
Границы, границы...
Глаза закрываю – вот улица
Даля,
как с рифмами вместе
по ней мы шагали.
Но пройденных улиц
закрыта тетрадка.
А я вот не знаю, и память
тревожу...
А вы из Луганска? Я тоже.
Я тоже» [4, с.5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Спектор В.Д. Усталый караул: Стихи, переводы, пародии / В. Спектор. – Луганск: Редакционно-издательский отдел облуправления по печати. – 1991. – 152 с.
2. Спектор В.Д. Я надеюсь / В. Спектор. – Луганск: Книжковый світ. – 1999. – 104 с.
3. Спектор В.Д. В Луганске – Ворошиловграде / Спектор В. – Киев: Радуга. – 2013. – 335 с.
4. «И ангел пел над заводской трубой...». Интервью Н. Морозовой-Мавроди // Экспресс-новости. – № 24, 16 июня 2021г. – С. 5.

Дмитрий Котомцев

Литературовед. Живёт в Луганске.

«О ВРЕМЯ, ТЫ В СТРЕМИТЕЛЬНОМ ПОЛЁТЕ...»¹

(Рецензия на 14-й «взмах» «Крыльев»)

Мы живём в катастрофическое время, скорость которого поражает с каждым годом. Однако облик эпохи всегда успевает сохранить литература – в той или иной форме; история, таким образом, переплавляется искусством, становясь явлением эстетическим. Поэтому интересно наблюдать не просто за современным литературным процессом, а за движением времени – его стремительном полётом.

«Годы прошедшие – бусины порванного ожерелья», – пишет Д. Мрджа, одна из авторов сборника. Однако их россыпь соединяется с помощью Памяти – магистрального, внутреннего сюжета 14-го «взмаха» «Крыльев», организующего в стройное повествование (лирическое, драматическое, эпическое) разрозненные жанрово, тематически, стилистически и эстетически произведения альманаха: стихи, пьесы, рассказы, статьи, исторические очерки, воспоминания.

Поэзия в альманахе представлена многими именами: уже маститых литераторов – В. Пеленягрэ, Е. Заславской, С. Тишкиной, Л. Иванова и др.; молодыми «всходами» (об их стихах стоит прочесть критическую статью Н. Романовой, помещённую в сборнике); и стихотворениями «о детях и для детей» К. Федосова.

В поэзии В. Пеленягрэ, Е. Заславской и Д. Мрджа ярко проявилась тенденция современной литературы – осмысление мира посредством мифологических, архетипических образов в сочетании с густой насыщенностью современностью. Неомифологизм поэтов воскрешает образы славянского язычества, скифов, Ветхого Завета, римской истории, европей-

¹ – Первая строка Сонета 355 Ф. Петрарки.

ской классической культуры XVIII-XX веков, актуализируясь в «новой эре» технологий, перевёрнутых наизнанку социальных отношений и даже событий в Донбассе. Этот сплав позволяет обрести их поэзии общечеловеческое звучание – ведь в современной культуре «связь времён», вопреки У. Шекспиру, не распадается, а вновь воссоединяется. Литература стала, по выражению В. Пеленягрэ, «фарватером», в который стекаются потоки времени. Причём стихи сборника впитали в себя не только пласты культуры и истории, но и богатство размеров, звукописи и ритмов, которые в отдельных случаях достигают подлинного мастерства.

Я римлянин периода упадка
Я духом пал. Я жалок и смешон
И варвары теснят со всех сторон
Когда в душе – ни строя, ни порядка, –

развивает верленовский мотив В. Пеленягрэ. Ему заочно вторят А. Молодцов и О. Стельников. Все они оказались в плену у трагического времени: но кто-то отчаивается, и в этом отчаянии находит истинный облик («Я римлянин периода упадка...»), кто-то возвращается в бредовый сон («В сонном мире дымкой желания...»), а кто-то верит в преобразование, на что способна, согласно легендам, птица Гамаюн («Я тысячею жизнью живу...»).

Затонувший город Лу, бывший когда-то Луганжелесом в поэме «Немо» Е. Заславской, уподобляется исчезнувшей с карт Атлантиде, чью историю после Апокалипсиса запечатлевает рапсод Марсий. Трагические образы, вся тональность поэмы, созданная хаотичными ритмами, намекает на события войны и первые военные годы в Донбассе. Однако «пьяный, разбитый» корабль (если выше упоминался гармоничный П. Верлен, то здесь явная отсылка к раннему – бурлящему, сумбурному – А. Рембо) всё же направляется к нам,

Спотыкаясь о рифы, о рифмы, о ритмы
И по звёздам сверяя свой курс в океане событий.

И поэту на этом корабле остаётся слагать песни – и вот

Тонкое лезвие поэзии
По сердцу полоснёт.

Ведь жизнь даже после Апокалипсиса в затонувшем городе продолжается (живут все, как кому повезёт), преобразаясь новыми формами, и до нас доносятся её отголоски – может быть, это будут жемчужины, ракушки-телефоны, поэмы или имена. Что же из этого выловим мы, читатели – потомки?

Помнить мы обязаны о многом. О важности сохранения истории, её живых нервов, до сих пор пронизывающих культуру, пишут авторы исторических очерков, запечатлевшие на страницах альманаха юбилей открытия Антарктиды и рецепцию её образа в советской литературе («К 200-летию открытия Антарктиды» А. Довыденко), портрет нашего великого соотечественника – геолога, учёного, общественного деятеля – А.И. Лутугина («Геолог Лутугин...» А. Шульгиной). К ним логически примыкает литературоведческая статья Л. Соколовой о С.М. Скорнякове, учёном-агрономе и ветеране Великой Отечественной войны, который подарил музею В.И. Даля книги Казака Луганского из личной библиотеки – как дань уважения замечательному писателю и лексикографу. Ещё одна статья – обстоятельное исследование Л. Ельшовой – также посвящена истории – жизненным реалиям Луганска времён Великой Отечественной войны и второй половины XX века в повести В. Титова.

Сердцевина альманаха, его печальное ядро – воспоминания о его основателе – А.П. Мальцеве – поэте, художнике, Учителе, «есенинолюбe». Мемуарные страницы членов редколлегии альманаха создали коллаж из обрывков жизни А. Мальцева: его увлечений, юмора, общительности, дружелюбия и сильного поэтического таланта. Так его образ, скромный, но общезначимый, остался жить в сердцах читателей – и обрёл бессмертие в искусстве. Воспоминания завершают стихи А. Мальцева: ироничные и остроумные, ритмически разнообразные и яркие, насквозь пропитанные культурой и духом времени, но в то же время удивительно трогательные. Единственная ошибка его лирического героя – напрасная зависть: он – такой же:

Творца и мастера от Бога –
Микеланджеловский Давид!

В разделе «Проза» обращают на себя внимание два крупных рассказа. «Каков твой статус?» А. Смирнова интересен уже в жанровом отношении – это антиутопия о мире, оказавшемся на грани вымирания из-за перенаселения. Чтобы предотвратить неизбежную гибель планеты была введена система статусов – каждый из них давал определённые права: пересечь на лучшую жилплощадь, жениться, зачать ребёнка и т.д. Однако система статусов из формы спасательного круга превратилась в социальные цепи – способ тотального контроля. Книги были утилизированы, всё свободное время люди стали посвящать телевизору. Автор акцентирует внимание на губительном влиянии «массовой культуры», которая превращает людей в стадо интеллектуально не развитых и ничем не интересующихся людей. С этим влиянием стала бороться группа людей, осознавших истинную функцию статусов. К ним присоединяется Виктор – главный герой – программист, потерявший из-за случайной связи с высокостатусной женщиной работу. Ощувив на себе всю абсурдность системы, Виктор примыкает к группе борцов и решается внедрить в паразитирующую на человеческих мозгах рекламу сбой. На его смелом и рискованном решении рассказ заканчивается. Сюжет, развитый А. Смирновым, переключается с О. Хаксли и Ф. Кафкой, однако он достоин романного воплощения – в рассказе же повествование слишком сжато и стремительно и тускло передаёт идею борьбы с системой, бюрократизмом и гибелью культуры.

События рассказа А. Финчем «Отложи свою жизнь на потом» помещены в декорации провинциального городка, в котором скучная и бессмысленная жизнь течёт по кругу: от рождения до смерти от выпивки или тяжкого труда. Композиционно рассказ содержит в себе крошечную историю, которую, сам того не понимая, повторно переживает главный герой, Валера: вынужденный брак – духовный уход из семьи – потеря жизни в буднях после неудачного всплеска любви. Его нерешительность в построении собственной жизни поражает: работу, жену, детей ему навязали родители. Он же думал, что подчиняется долгу. Поэтому из-за этого его

жизнь была обречена на внутреннюю пустоту и абсурдность. Лишь пережив любовное увлечение и пытаясь уйти из семьи, Валера понимает, что жена, выбранная ему матерью, такая же, как и он, опустошённая душа. Каждый из них – жертва друг друга и одновременно жертва молчания и покорства, надежды прожить жизнь когда-нибудь потом.

Впечатляет объём раздела «Драматургия», представленный пьесой-сказкой Ф. Савенковой, сценарием Г. Боброва и В. Комкина и «реально-ирреальной» драмой В. Герланца. Вообще, жанровая дефиниция, данная В. Герланцем, применима ко всем названным пьесам. В сказке Ф. Савенковой девочка преодолевает внутренний эгоизм и юношеский максимализм с помощью таинственного призрака в облике учителя технологии и волшебного мелка. Сценарий Г. Боброва и В. Комкина написан по мотивам войны в Донбассе и показывает несколько сцен из жизни украинской стороны; жуткое, натуралистичное действо трагично: насилие и смерть преследуют героев, жертв нелепой и звериной жестокости, обобщаясь в символ мучения человека человеком, которым война и является.

Особой эстетической силой обладает драма В. Герланца «Прокофьев». Это – опыт художественной биографии, популярной в современной литературе (к примеру, у Т. Стоппарда, Д. Галковского, М. Каннингема); однако создан он в завораживающей мистической стилистике: каждая из картин раскрывает прошлое великого композитора, показывает нам его муз в форме видений его больного и уставшего разума. Постепенно биография Прокофьева складывается в единую мозаику, в которой видны важные для композитора (и художника вообще) темы: связи искусства и власти, вдохновения, художественного мастерства, самопознания, бессмертия в искусстве, неотделимости творческого начала от Родины и т.д. Философические рассуждения следуют за изложением событий, воплощая панорамный образ эпохи конца XIX – начала XX вв. – сложной, мятущейся, противоречивой, но сверкающей талантами. Ключевой лейтмотив пьесы – творчество – доказывает важность искусства в нашей жизни, подлинные образцы которого, как музыка С. Прокофьева, останутся навсегда.

Художественное творчество всегда идёт вровень с литературоведением (хроникой искусства слова) и критикой

(зеркалом живого литературного процесса). Глубиной энергии постижения привлекает статья А. Молодцова о синкретическом мировоззрении Б. Пастернака, его довольно непривычный взгляд на основы эстетики поэта – двойственной и противоречивой, но бесконечно сближающей противоположности в поиске гармонии и Истины. Н. Ищенко на примере библиотеки Татьяны Лариной и Онегина показывает круг чтения пушкинской эпохи, актуализируя тексты европейского сентиментализма и раннего романтизма. В разделе критики ключевое место занимает беспристрастный, но научно-субъективный (при всей парадоксальности этого сочетания) анализ военной поэзии В. Силкина, проведённый А. Черниенко, доказавшей гуманистическую силу патриотизма и любви к Родине и веру в Человека в творчестве поэта. Остальной пласт критики всецело сосредоточен на современной литературе.

В завершение вспоминаются стихи Владислава Ходасевича:

Ты пронесишься плавными взлётами,
Небожитель – герой – человек.

Эти строки – живая иллюстрация к 14-му «взмаху» «Крыльев», авторы которого силой своего дарования держат внутри себя эту триаду. «Полёт» их – это не часть только русского мира, но и вообще элемент мировой культуры, утверждающий силу общечеловеческих ценностей, важности памяти и необходимости осознания смысла человеческой жизни.

Андрей Чернов

Литературовед, публицист, критик. Родился в 1983 году в Луганске. Публикуется с 2004 года. Статьи и очерки выходили в периодических изданиях и сборниках ЛНР, России, Молдовы, Украины, Сербии. Автор книг публицистики «Притяжение Донбасса» (2016) и «Донбасский код» (2019). Зам. главного редактора литературно-художественного альманаха «Крылья». Секретарь правления Союза писателей ЛНР. Живёт в Луганске.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО САДУ РАСХОДЯЩИХСЯ ТРОПОК

Книга Нины Ищенко «Локусы и фокусы современной литературы» вышла в свет в Луганске тревожной весной 2020 года. Медийная повестка в эти дни практически полностью состояла из коронавирусного карантина и привычно застопорившегося Минского процесса. На этом фоне неожиданным ярким лучом в грозовом небе сверкнула эта книга. Книга, посвященная литературе, как бы отодвигала стихийную реальность, ясно намекая на мимолетность происходящего в сравнении с вечными темами большой литературы. И это, мне кажется, очень здорово и важно, показатель внутренней силы не только автора, но и всего нашего донбасского общества, способного даже в условиях непрекращающейся украинской агрессии и накатывающей волной эпидемии создавать вдумчивые книги.

Нина Ищенко – довольно известный в Луганске публицист, литературовед, культуролог, кандидат философских наук. Мне не раз встречались её статьи в сети, публиковались они и в луганском литературно-художественном альманахе «Крылья». Её способность к масштабному и глубокому анализу не только литературных произведений, но и целых явлений и течений литературы мне была известна. Поэтому с большим интересом взял в руки её первую книгу «Локусы

и фокусы современной литературы». И книга эта меня совершенно не разочаровала.

Автор книги, как мне кажется, находится под нескрываемым культурологическим обаянием Хорхе Луиса Борхеса, этого грандиозного феномена мировой литературы. Считать его исключительно аргентинским писателем – такая же ошибка, как причислять Набокова только к русской литературе. И Борхес, и Набоков – явления общего порядка, порождение взаимопроникновения различных культур, их смешение и растворение, формирование нового. И по сей день стоит у истоков этой литературной глобализации мудрый библиотекарь Борхес, посмевавший «убить автора». Конечно, автор не пострадал от этой милой фантазии писателя-авангардиста. И Гомер остаётся Гомером во все времена, как незыблемы Шекспир и Пушкин, Хемингуэй и Шолохов.

Но вот как менялся читатель – в эпоху Гомера и в век петровских реформ в России? Время меняется в людском сознании, а значит, догомеровское сознание будет существенно отличаться от постгомеровского. А если сменилось много постгомеровских поколений? И уже сама личность Гомера – кажется не более, чем фигура речи, нечто вроде «лихого Зоила». И в саду расходящихся тропок Борхеса мы находим незыблемыми памятниками великих писателей прошлого, скрытых сумрачными тенями вековых платанов и кипарисов. Колышутся от дуновения ветра кроны, то прикрывая лики великих, то предавая их свету. Всё зыбко в переплетении света и теней в этом саду литературы человечества. Но читатель, раз ступив на эти тропы, сам не поймёт, как его выносит то к одному каменному великану, то к другому.

Книга Нины Ищенко – как раз такое вот блуждание в сумрачном саду человеческой литературы. Автор идёт со своим хрупким фонарём, от пламени которого к нам выныривают из темноты изваяния. Одни из них – у широких аллей (а вовсе не тропок), по которым ходят многие, впрочем, не всегда свет их фонарей выхватывает всю полноту смыслов из мрака прошлого. Другие изваяния – почти в крошечной тьме, и, кажется, лишь твёрдая рука Нины Ищенко возвращает эти имена из забвения.

Всё это оттого, что перенасыщенный информационный век, век медиа и скоростных гиперинформационных пото-

ков убил читателя. Нет, автор, на первый взгляд, совершенно не пострадал. Но без читателя сгустилась тьма в саду расходящихся тропок. Помните у мудреца Рэя Брэдбери? «Есть преступления хуже, чем сжигать книги. Например – не читать их», – написал он в культовом романе «451 градус по Фаренгейту». Это жуткое преступление для любого времени.

Нина Ищенко не просто читает книги, а пишет о них с позиций культурологии. И свет фонаря культуролога позволяет и читателю отправиться следом за ней, присмотреться и к фигуре автора, и к эпохе его жизни, и к персонажам его книг. Любой автор – дитя своего времени и своей цивилизации. Вне зависимости от позиции, личного желания, неконформизма, чужих влияний и заимствований – он отразит в своих книгах прежде всего мировоззрение своей эпохи, социальной и национальной среды. Этим культурологу и интересны литературные произведения, даже если не брать в расчет художественные достоинства произведений.

Поэтому в «Локусах и фокусах современной литературы» перед нами предстают Уильям Фолкнер и Александр Пушкин, Вера Камша и Томас Манн. Конечно, Пушкин и Фолкнер не могут считаться «современной литературой» с точки зрения простой хронологии. Но вот их культурологическое прочтение исследовательницы начала XXI века позволяет по-новому взглянуть, казалось бы, на давно известные, с точки зрения истории литературы, произведения классиков.

Большое место в книге Ищенко занимает тема фантастической литературы – и классики, и современной. Это внимание исследовательницы легко объяснить – фантастика, особенно фэнтези, позволяет авторам моделировать различные цивилизационные системы, как бы являющиеся слепками нашей действительности, но имеющие, порой, существенные отличия. Их своеобразию, самому факту популярности в читательской среде, посвящено несколько статей Нины Ищенко. Не все утверждения автора можно принять, особенно спорно выглядит тезис о том, что зачинателем фэнтези является профессор Д. Р. Р. Толкин. Если фэнтези мерять эльфами и орками, перманентно друг друга истребляющими – то да, безусловно, такой вид литературы породил Толкин. Но все же, критериями выделения жанра фэнтези должны выступать иные качества и свойства. И как бы реалистично не на-

писаны рассказы Александра Грина, сам его мир Зурбагана и Гель-Гью, воспроизводимый с удивительным постоянством в различных произведениях, намного более фэнтезийный, нежели миры записных фэнтезистов.

Большим достоинством книги Нины Ищенко является то, что она свои выводы о прочитанном преподносит не как догму, не как абсолютную истину. Раскладывая перед читателем выявленные факты, она предлагает сделать определенные выводы – о гностицизме в советской фантастике или идеях протестантизма в фэнтези. И на основе фактов сам читатель приходит к определенному выводу. Это не «выбор для галочки», это настоящая свобода выбора.

Во многих статьях Н. Ищенко неоднократно озвучивается мысль о связи того или иного явления прошлого с современными событиями на Украине. Пожадуй, наиболее отчетливо это отмечено в очерке, посвященном классику японской литературы Кэндзабуро Оэ. Он являет собой поколение покоренных в Японии, молодёжи, которой досталось тяжелейшее поражение 1945 года. Крах японского милитаризма и фундаментальных основ национальной культуры привел к всплеску американомании у японской молодёжи. Нина Ищенко проводит недвусмысленную параллель с тем, что мы имеем сейчас на Украине, где американомания также обильно процвела и привела, в конце концов, к тяжелейшей трагедии украинской суверенности – госперевороту в 2014 году.

По-своему интересен раздел книги, озаглавленный «Мозаика». Здесь собраны короткие по форме эссе-размышления о тех или иных прочитанных книгах, просмотренных фильмах и сериалах. Под философской призмой даже, казалось бы, незначительные детали популярных произведений предстают в совершенно новом свете. Очень широк охват авторов и произведений, о ком пишет Нина Ищенко. Здесь в тесном кругу собралась отменная, хотя и неоднородная, компания: Мураками, Михаил Булгаков, Лион Фейхтвангер, Александр Фадеев, Елена Хаецкая, Габриэль Гарсиа Маркес, Борис Лавренёв, Константин Федин, Баграт Шинкуба, Алехо Карпентьер и др.

Всего и не скажешь о содержании этой замечательной книги, написанной с большой любовью к художественному слову. Но не только лишь метафоры и своеобразие стиля пи-

сателей интересуют Нину Ищенко – во всяком произведении она старается рассмотреть основополагающие смыслы, вложенные в них авторами.

Украинская пропаганда годами распространяет ложь о том, что из независимых республик Донбасса якобы «уехал» некий «культурный слой». Мол, никого мыслящего здесь не осталось, одни законченные ватники, наркоманы и прочие «нелюди». Но сама действительность этих шести полнокровных лет опровергает наветы украинских врунов. В Луганске и Донецке продолжают издаваться книги, защищаются диссертации, кипит культурная жизнь.

И издание интеллектуальной книги Нины Ищенко «Локусы и фокусы современной литературы» – очевидное подтверждение культурной самодостаточности Луганской Народной Республики. Как и «Опыты» Монтеня эта книга создавалась в бурное и динамичное время перемен. И книга эта говорит не только о литературе – современности и прошлого. Эта книга – о мужестве человеческого духа, тянущегося к познанию вопреки войне.

ЧУДО ЧЕЛОВЕЧНОСТИ ИВАНА ПРИВАЛОВА

В чём он, секрет сохранения человечности? Это один из ключевых вопросов, волнующих героев очерков и рассказов Ивана Привалова из сборника «Самый западный день», увидевшего свет в Калининграде в 2018 году.

Вопрос, который тревожит не одно поколение людей всех стран, всех эпох. Кажется, это привычно, избито, но, тем не менее, актуальность вопроса не исчезает. Да и вряд ли исчезнет – во всяком случае, пока человек остаётся человеком.

Герои рассказов Привалова по-разному ищут ответ на этот вопрос. И не всегда ответ находится. Порою простые истины закрывает шелуха обыденности. Но тем ценнее прорыв сквозь лес преград к искомому.

Многие рассказы пронизаны отсылками к прошлому. Это может быть уводящая во временные дали собственного детства тропа, когда мир был не познан, когда всё озаряло

солнце счастья – даже в бедность и лишения. Мир шелестел огромными деревьями, за которыми, казалось, скрыта вселенная, а вовсе не соседняя деревня или город. И дождь проливающейся радостной нови растил траву во дворе и тебя, взрослеющего, умнеющего, тянущегося заглянуть за огромные деревья. Всё это в – небольших, ёмких рассказах Ивана Привалова «Охота» и «Дорога, несущая детство». Будто старые выцветшие фотокарточки погружают нас в воспоминания – грёзы давно сбывшегося. Кому-то покажется – зарисовки прошлого. Лично мне же они кажутся обжигающими осколками памяти, от которых может вспыхнуть бумага – так они горячи.

Такими же пылающими осколками, наполненными тягучей атмосферой войны – войны не события, не факта, не эпизода, а войны как действительности, предстают рассказы Привалова о чеченских войнах. Писатель прошел две чеченские кампании, прожив их и пережив. Впечатления с документальной достоверностью выкристаллизовались в рассказах сборника «Филиппыч», «День независимости», «То, что мы потеряли», «Добро пожаловать в ад», «Бусы», «Тот, кто лежал у окна». В них предстаёт ужас войны как действительности – страшной обыденности, уносящей жизни друзей. Каждый миг может стать последним – для радости и горя.

В прозе Привалова много сочных, выразительных примет войны, сотворяющих магию эффекта присутствия. Чего стоит «довольный дым» от пожарищ – именно таким, довольным inferнальным змеем горят дома, склады, техника в любую из войн. Это нужно увидеть и почувствовать – это правда очевидца. Если передать другим словом – это правда писателя.

Война как высшая форма бесчеловечности пробуждает вопрос о ценности человечности. Этот вопрос переходит из рассказа в рассказ, проявляясь то открыто, то маскируясь. Но всегда – он стержень, держащий повествование. Конечно, автор не пытается изобразить занудного коуча, дающего простой ответ на сложный вопрос. Предлагаемые писателем ответы звучат просто, ненавязчиво. Тем больше, нам кажется, их цена.

В царстве смерти и огня, в пылу войны герои Привалова показывают наглядно этот простой ответ. Он действительно прост, как просты жизнь и смерть. Любовь к ближнему – так

по-библейски кратко его можно сформулировать. А выражается эта любовь по-разному – в заботе о товарище, в верности своим обещаниям (как это многое значит на войне!), в милосердии и доброте к страдающим, в беспощадности к собственным недостаткам. В способности прощать, очищаться от скверны ненависти – даже к врагам. Именно так, просто, давно очевидно звучат эти истины. Вдалеке от войны эти слова кажутся пресными, а вот на войне они звучат как проповедь под сводами собора – пронизывает тебя насквозь.

Тема войны одна из центральных в сборнике, это и понятно, поскольку тесно привязана к самому автору, его опыту, впечатлениям, всей жизни. Это и придаёт этим рассказам настоящесть, не искусственность, а подлинность документа, своеобразного личного дневника.

Эта дневниковость проявляется и в других рассказах Ивана Привалова, будь они посвящены службе и личным впечатлениям от столкновения с жизнью («Саксофон», «Женька», «Наставники», «Камин», «Пентагон», «Рысь, копающая картошку») или единению с миром ребенка, познающего жизнь («Эхо», «Самый западный день», «Волны Лохштедского леса», «Не надо нас бояться», «Мы говорим с лесом», «Фонарик»). Эта искренность и подкупает читателя, заставляет верить и сопереживать героям рассказов Привалова. И из этого пробужденного чувства сопереживания вырастает понимание Человека – в себе и в твоём близком. А раз так, то и постигается чудо человечности.

Содержание

К ЧИТАТЕЛЯМ.....	5
------------------	---

ПОЭЗИЯ

Юнна Мориц	6
Алексей Полубота	17
Нани Сариду	22
Алексей Молодцов	24
Олег Стельников	27
Ольга Жоголо из ПОЭТИЧЕСКОГО ЦИКЛА «ВЫШЕ СЛОВ»	86
Владислав Кузьминых	90
Любовь Бондаренко	94
Драгана Мрджа	98
Александр Сериков	101
Григорий Шувалов	142
Андрей Бабожен	147
Оксана Макасева	151
Наталья Советная	153
Ольга Старушко	161

ДРАМАТУРГИЯ

Вадим Комкин, Глеб Бобров ИСХОД ГАРЕГИНА	29
--	----

ПРОЗА

Дмитрий Игнатов	
ДВА ИЕРОГЛИФА	32
Галина Чудинова	
ПЕСНЯ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ	45
Наталья Чекер	
О МЕЛОЧАХ	52
Иван Привалов	
ОЗЕРО	105
Александр Цыба	
МОЙ КОШМАР	119
Александр Крамер	
СОМНЕНИЕ	164
Инна Часевич	
ФА, СИ, ЛЯ	172
ГЛУБОЧИЦА	175
Александр Ралот	
ЗАВЕТНЫЙ СПИСОК	180
Александр Пономарёв	
«ВЕЧЕРНИЙ ОТОРТЕН»	186

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЭССЕИСТИКА

Людмила Ельшова	
ОСТАЛСЯ В ШАХТЁРСКОМ СТРОЮ	57
Нина Ищенко	
ДИОНИС ПРОТИВ АПОЛЛОНА. МАРСИЙ КАК ПРООБРАЗ ПОЭТА	74
Олег Стельников	
КОНЦЕПТ «ЗИМА» В ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ	81
Любовь Кульбацкая	
ТАК РОЖДАЮТСЯ ЛЕГЕНДЫ	217
Елена Складорова, Людмила Соколова	
О ДАЛЕ, О СКУЛЬПТОРАХ, О ВРЕМЕНИ	226

ПАМЯТЬ

Владимир Исаев

«ЛИШЬ ТА ЛЮБОВЬ – ЛЮБОВЬ, КОТОРАЯ
ЧУЖДАЕТСЯ РАСЧЕТА» 121

Валерий Кук

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АНАТОЛИИ МАЛЬЦЕВЕ 126

Галина Чудинова

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ИВАКИНА 130

ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ РУДЕНКО 136

Михаил Бондарев 137

О ДЕТЯХ И ДЛЯ ДЕТЕЙ

Вера Давыденко 213

КРИТИКА

Ольга Блюмина

МИГ ПОСТИЖЕНИЯ МИРА 237

Нина Ищенко

ВОЙНА И ЕДИНСТВО РУССКОЙ ЗЕМЛИ
В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ПОНОМАРЕВА 241

Лариса Черниенко

ЛУГАНСК И ЛУГАНЧАНЕ В ПОЭЗИИ
ВЛАДИМИРА СПЕКТОРА 246

Дмитрий Котомцев

«О ВРЕМЯ, ТЫ В СТРЕМИТЕЛЬНОМ ПОЛЁТЕ...» 252

Андрей Чернов

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО САДУ РАСХОДЯЩИХСЯ
ТРОПОК 258
ЧУДО ЧЕЛОВЕЧНОСТИ ИВАНА ПРИВАЛОВА 262

АЛЬМАНАХ

КРЫЛЬЯ

Взмах пятнадцатый

Редактор *Т. Зуева*
Технический редактор *В. Докучаева*
Дизайн обложки *А. Раппапорт*
Корректор *С. Сеничкина, Л. Черниенко*

Подписано в печать 21.09.2021.
Формат 60x84/16. Гарнитура Bookman Old Style.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,58. Заказ Л2836.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ПРЕСС-ЭКСПРЕСС»,
91034, г. Луганск, ул. Ватутина, 89а. Тел.: (0642) 50-08-43.